

3(Д)

А50

Б. АЛИЕВ, Ш. АХМЕДОВ,
М.-С. УМАХАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Махачкала
1970

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Г. ЦАДАСЫ

9(Дэс)
А 50

Б. АЛИЕВ, Ш. АХМЕДОВ,
М.-С. УМАХАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала
1970

ковье. Большой вклад в изучение раннесредневекового Дагестана внес В. Ф. Минорский.

Тем не менее социально-экономический аспект феодальных отношений в Дагестане V—XVII вв. остался наименее освещенным. До настоящего времени нет специальных монографических исследований, посвященных таким важнейшим проблемам раннего и развитого феодализма как генезис феодализма, пути складывания феодальных производственных отношений, процесс превращения родовой общины в земледельческую, а затем в общину-марку, образование частной земельной собственности, формы землевладения и землепользования в феодальном обществе, союзы сельских общин и их взаимоотношения с феодальными владениями в процессе развития феодального способа производства, классы и классовая борьба, особенности политического устройства.

Это обстоятельство и определило тематику данной книги. Она выполнена научными сотрудниками Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР Б. Алиевым, Ш. Ахмедовым и М.-С. Умахановым.

Предлагаемое вниманию читателей исследование о социально-экономическом строе Дагестана V—XVII вв. состоит из трех глав.

Первая глава «Социально-экономическое развитие Дагестана V—XI вв.» посвящена процессу зарождения и развития феодальных отношений в раннесредневековом Дагестане, социальной структуре политических образований, формам землевладения и землепользования.

Общественному и политическому строю Дагестана XVI—XVII вв., характеристике феодальных владений и их взаимоотношениям, их роли в русско-иранско-турецких взаимоотношениях посвящена вторая глава «Внутреннее и внешнее положение Дагестана в конце XVI—первой половине XVII в.».

Третья глава «Общественно-политическое устройство союзов сельских обществ в XVII—XVIII вв.» (на примере Акуша-Дарго) раскрывает на примере одной из федераций союзов сельских общин характерные пути развития сельской общины и союзов общин, их экономическую структуру, показывает процесс социальной дифференциации внутри союзов сельских общин, а также взаимоотношения их с феодальными владениями.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В V—XI ВВ.

Вопрос о социально-экономическом развитии раннесредневекового Дагестана имеет важное значение для изучения периода становления феодальных отношений в Дагестане. Между тем общественный строй Дагестана рассматриваемого времени решался советскими историками на основании фактов социально-политической истории¹. Для решения этой проблемы необходимо в первую очередь исследовать формы феодальной земельной собственности поскольку они, как это вытекает из учения классиков марксизма-ленинизма, являются главным фактором феодальной эксплуатации, экономической основой господства феодалов над крестьянами. Помимо этого, изучение земельных отношений Дагестана рассматриваемого времени представляет большой научный интерес, так как в это время, по-видимому, уже определились те формы, в которых развилась в дальнейшем феодальная собственность.

Однако в Дагестане в силу ряда причин пути становления феодальной собственности были сложными и многообразными. Этническая карта Дагестана рассматриваемого времени отличалась исключительной пестротой и разнообразием. Так, например, средневековые авторы отмечают многонациональный характер населения Дагестана². Народы, населяющие

¹ Социально-экономические отношения раннесредневекового Дагестана рассматривались некоторыми исследователями при изучении других проблем истории Дагестана: Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Очерки истории южного Дагестана, Махачкала, 1964. М. Агларов. Техника сооружения террасных полей и эволюция форм собственности у аварцев. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIII, Махачкала, 1964, стр. 177—193. З. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, История Дагестана, т. 1, М., 1967.

² Ибн-Хаукал. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 97. Ибн ал-Факих. Книга стран. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. 27, Тифлис, 1903, стр. 40. Масуди. Мурудж ад-Дзахаб. Пер. В. Ф. Минорского. В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 192.

территорию Дагестана, отличались не только по своему языку, религии и т. д., но и разным уровнем социально-экономического развития. Отсюда и вытекают различные пути становления феодальной собственности в Дагестане.

В наиболее развитом в социально-экономическом отношении восточном Дагестане³ феодальная собственность развивалась на основе синтеза местных форм земельной собственности, с одной стороны, и разлагающихся рабовладельческих отношений Кавказской Албании, в состав которой входила эта часть Дагестана, — с другой. Синтез дагестано-албанских общественных отношений способствовал усилению разложения сельской общины, и поэтому становление частной собственности на землю в данном районе протекало сравнительно быстро.

Ослаблению общинных связей и выделению частной земельной собственности на этой территории Дагестана способствовало также влияние феодальных форм собственности, которые господствовали в Сасанидской империи. И, наконец, арабские завоевания закрепили юридически те внутренние процессы выделения частной собственности на землю, которые происходили здесь, так как, согласно мусульманскому праву, всякий, ожививший мертвую землю, считается ее собственником. Таким образом, внутренние процессы выделения частной собственности на землю, происходящие в сельских общинах восточного Дагестана, были ускорены формами земельной собственности, являющимися господствующими в тех странах, в сфере влияния которых находилась эта часть Дагестана. В восточном Дагестане процессы развития феодальных отношений были идентичными процессам сопредельных стран Кавказа и особых различий не наблюдается, если не считать некоторого влияния дагестанской архаической общины на структуру земельных отношений в обществе.

Другое дело в горном Дагестане. Здесь развитие частной земельной собственности происходит на чисто местной основе при условии сохранения прочных позиций сельской общины. В силу этого здесь образование частной собственности на землю протекает сравнительно медленно. Правомерность такого предположения подкрепляется свидетельством средневекового автора, который утверждает, что государственной власти Сарира присущи деспотические черты. Так, например, царь Сарира мог любого общинника превратить в раба⁴. Ф. Энгельс, говоря о двух типах государственной власти в эпоху средневековья, писал, что там, где государственная власть возникает «в период, когда община обрабатывает землю еще сообща или, по крайней мере, передает только во временное

пользование отдельным семьям; где, таким образом, еще не образовалась частная собственность на землю, — государственная власть появляется в форме деспотизма»⁵.

По данным обычного права дагестанских народов, которое является единственным источником реконструкции земельных отношений в общинах горного Дагестана, частная собственность на землю не оформилась к рассматриваемому времени. Об этом подробно скажем несколько ниже. И, наконец, в высокогорных районах Дагестана жили «племена, говоря словами средневекового автора, не, знающие друг друга ввиду крутизны и недоступности гор, поднимающихся к небу, обилия лесов и зарослей, потоков, низвергающихся каскадами, огромных скал и камней»⁶. Эти племена переживали различные стадии разложения общинно-родового строя и развития классового общества.

Эти обстоятельства обусловили многообразие форм земельной собственности в Дагестане рассматриваемого времени. Несмотря на эти многообразия и различия в социально-экономическом развитии некоторых районов Дагестана, к концу рассматриваемого времени феодальные отношения становятся преобладающими, оттесняя на задний план общинный и рабовладельческий уклады.

В Дагестане рассматриваемого времени существовало пять форм земельной собственности: государственная, дийа, икта, вакуф и общинная.

Появление дагестанских раннефеодальных государств в VI—VII вв. в раннесредневековой историографии обычно связывают с деятельностью Сасанидских царей, в частности с деятельностью Кобада и его сына Хосрова Ануширвана. Согласно с подобной трактовкой образования этих государств в Дагестане нельзя, ибо к началу рассматриваемого времени, т. е. к V в. на политической карте Дагестана появился целый ряд раннефеодальных государств, как неизбежный результат социально-экономического развития дагестанского общества.

С появлением раннефеодальных государств в Дагестане, по-видимому, ведущей формой земельной собственности стала государственная, как это имело место и в других странах Востока, которая не исключает наличия частновладельческих форм земельной собственности. Такой вывод наиболее вероятен и лучше всего объясняет следующее сообщение Балазури: «И выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... утвердив

³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 37.

⁴ Масуди. Указ. соч., стр. 204.

⁵ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19. М., 1961, стр. 496—497.

⁶ Масуди. Указ. соч., стр. 192.

в их владениях и заключил с ними мир, обязав платить ему подать»⁷. Отсюда видно, что дагестанские «цари» управляли определенными территориями, «шахствами», границы которых трудно определить. С подвластной им территории они собирали «подати», часть которых шла на содержание персидских гарнизонов, расквартированных на территории Дагестана. Данное обстоятельство позволяет нам предполагать, что в Дагестане к началу рассматриваемого времени государство в качестве представителя общины⁸ становится верховным собственником земли. «Присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность»⁹. Письменные источники солидарны в том, что все дагестанские цари собирали подати с подвластной им территории¹⁰. Следовательно, в данном случае государство непосредственно противостоит общинникам и поэтому является единственным получателем ренты. Сам факт сбора податей дагестанскими царями необходимо предполагает наличие здесь государственной собственности на землю. Эта государственная собственность на землю выступает в качестве феодальной категории земельной собственности, поскольку само государство являлось организованным орудием правящего класса — феодализирующей верхушки дагестанского общества.

Таким образом, к началу рассматриваемого времени в Дагестане само раннефеодальное государство, а не отдельные феодалы противостояли общинам. Поэтому, получаемая дагестанскими царями подать с подвластной им территории была очень близка по своей природе к феодальной ренте. Как указывал К. Маркс «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (общинам — А. Ш.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»¹¹.

По-видимому, во всех раннефеодальных государствах Дагестана до появления арабов существовал единый тип государственной земельной собственности, хотя не исключена возможность, что в Южном Дагестане доля частновладельческих земель могла быть несколько больше, чем в нагорном Дагестане, что мы объясняем влиянием форм земельной собственности тех государств, в состав которых он входил в пре-

дыдущую историческую эпоху. Само по себе весьма существенно, это различие могло влиять на форму государственной земельной собственности лишь в незначительной степени.

С середины VII в., т. е. с момента появления арабов на восточном Кавказе эти различия начинают расти: местная форма государственной земельной собственности в Южном Дагестане эволюционирует в характерную для всего Ближнего Востока форму «дивани», сложившуюся в недрах Арабского халифата. Этот процесс идет параллельно с усилением влияния арабов на Дагестан.

Любую завоеванную территорию арабы, основываясь на известной формуле Мухаммеда о разделе добычи, обращали в собственность Халифата, т. е. в государственную собственность. Вполне очевидно, что захваченные земли в Дагестане не составили исключения и они также были превращены в государственную собственность.

В первый период арабского владычества в Дагестане преобладали государственные земли. О способе их эксплуатации непосредственно в период завоевания известно ничтожно мало — строки из стихотворения Сураки бен Амра: «горы-цепь Кавказа — снабжает нас пшеницей, и наши жилища сделались соседними с ними»¹². Отсюда не возможно определить поступает ли упомянутый хлеб к арабам как военная добыча, или как контрибуция, или же как регулярно взимаемая рента.

Более определенно о способе эксплуатации завоеванных земель арабами свидетельствует текст договора, заключенного Салманом ибн-Рабиа с дагестанскими царями¹³. Этот договор обязал дагестанских царей платить арабам подати (итават). Термин «итават» Т. М. Сипенкова справедливо переводит как совокупность поземельной и подушной подати¹⁴. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что арабы не вмешивались во внутренние дела дагестанских царств, не изменили природу земельных отношений в Дагестане, оставив земли под управлением местных владельцев, которые обязаны были собирать с подвластной им территории налоги в пользу арабов. И в данном случае дагестанские цари продолжают выступать в качестве единственных получателей ренты, хотя в сложившихся условиях они вынуждены были уступать часть собираемой ренты в пользу завоевателей.

Любопытно отметить, что в первое десятилетие после завоевания сбор налогов и податей арабы целиком передали в руки подчинившихся арабам местных владетелей.

¹² Иакут. История. Цит. по Е. И. Козубскому. История Дербента, Т.-Х.-Шура, 1906, стр. 24.

¹³ Баладзори. Указ. соч., стр. 14.

¹⁴ Т. М. Сипенкова. О налоговой терминологии ал-Балазури, П. С. вып. 15 (78), М.—Л., 1966, стр. 151.

⁷ Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. П. Жузе. Баку, 1927 г., стр. 7.

⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, М., 1962, стр. 184.

⁹ Там же, стр. 183.

¹⁰ Баладзори. Указ. соч., 17.

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 354.

Арабское завоевание сопровождалось перераспределением земельного фонда завоеванных стран. Большая часть земель местных феодалов и общинников тех стран, которые оказывали упорное сопротивление арабам, была объявлена общей собственностью мусульманской общины (фай); по сути дела эти земли стали собственностью арабского государства¹⁵.

В этом отношении характерна политика арабского полководца Мервана в Дагестане. Во время карательной экспедиции в горы Дагестана Мерван ликвидировал местную династию царей ал-Лакза и, по-видимому, эти земли были объявлены землями арабского государства, а управление ал-Лакзом поручил Хашраме ас-Сулами¹⁶. Вскоре была ликвидирована местная власть и Табасарана. Таким образом, ал-Лакз, Табасаран и Дербент с прилегающими землями становятся собственностью халифов.

В пользу данного предположения свидетельствует и то обстоятельство, что, начиная со второй половины IX в., халифы, рассматривая себя собственниками захваченных земель в Дагестане, как это имело место и в других частях Халифата, наделяли обширными земельными угодиями арабских военачальников и своих приближенных в качестве дийа, икта, а также отдельные поместья из государственных земель превращали в вакуф¹⁷.

Вопрос о государственных землях в Южном Дагестане, однако, имеет и другую сторону: если земли, захваченные в Дагестане, являются землями «дивани», то они должны и эксплуатироваться как таковые, т. е. их население должно быть обложено хараджем. Социально-экономическую сущность эксплуатации государственных земель на Востоке в средние века К. Маркс определил следующим образом: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»¹⁸. Другими словами завоеванная земля не делится на части, каждая из которых затем превращалась бы во владение отдельного феодала, а представляет объект их коллективной эксплуатации. Особенность государственной собственности на землю в том, что государство тут само непосредственно, через своих финансовых чиновников эксплуатирует держателей земли — сельские

общины¹⁹. При этом феодальная рента в виде хараджа собирается чиновниками «диван ал-Харадж»; а затем через государственную администрацию распределяется среди феодалов, т. е. поступает к каждому из них как жалование, подарки в натуральном и денежном виде.

Территория ал-Лакза, Табасарана и Дербента эксплуатировалась как государственные земли путем взимания хараджа.

Что же касается Сарира, Зирихгерана, Хамзина и др. феодальных владений Дагестана, то Мерван заключил договор с их владельцами, согласно которому последние обязаны были нести в пользу арабов феодальные повинности²⁰. В связи с этим необходимо отметить, что, в отличие от ал-Лакза, Табасарана и Дербента, где государственная форма земельной собственности в виде «дивани» получила относительно широкое распространение, в Сарире, Зирихгеране, Хамзине и других царствах Дагестана продолжали сохраняться местные формы государственной земельной собственности. Правда и здесь на некоторое время, когда они обязаны были собирать с подвластной им территории налоги в пользу арабов, прежнее абсолютное владение на территорию того или иного царства принимало характер условного, т. е. верховным собственником всей завоеванной арабами территории становится арабское государство.

Свидетельства письменных источников не оставляют никакого сомнения в том, что завоеванные дагестанские территории эксплуатировались арабами с первой половины VIII в. именно как земли «дивани», что эти земли не только формально считались государственными, но и фактически функционировали как таковые.

В пользу данного предположения говорит и то обстоятельство, что Мерван продолжал «взимать с областей Дагестана харадж, наложенный еще Масламой»²¹, т. е. свидетельствует о регулярном взимании феодальных повинностей в пользу арабов.

Выше мы указали, что арабские завоевания в Дагестане сопровождалось значительным перераспределением земельного фонда. Широкие размеры приобрела практика захвата земель и раздача их воинам. Так, например, по сообщению ал-Балазури «поселил Маслама (ибн Абдалмалик) в Дербенте четырнадцать тысяч сирийцев». Сведения о подобных фактах

¹⁵ История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958 г., стр. 93.

¹⁶ Баладзори. Указ. соч., стр. 19.

¹⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 47.

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 354.

¹⁹ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.—Л., 1960 г., стр. 236.

²⁰ Баладзори. Указ. соч., стр. 18—19; Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис. 1898, стр. 81.

²¹ Дербент-наме. стр. 106; З. Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 122.

встречаются нередко, причем иногда они «сопровождаются настойчивыми указаниями на то, что такие надельные земли не могут рассматриваться как собственность поселенных на них солдат»²². Такие возражения Локкегор метко назвал «запоздалым протестом» против последовавшего за захватом отчуждения этих земель»²³.

В силу указанных причин с середины IX в. в Дагестане отчетливо наблюдается тенденция сокращения государственных земель. Прямые захваты завоеванной территории войсками, представителями правящей династии²⁴, а также пожалования огромных земельных массивов в качестве икта²⁵ привели к тому, что доля государственных земель в Дагестане сокращается, а частное условное и безусловное землевладение стало преобладающим на той территории Дагестана, которая отошла к мусульманскому миру, т. е. в Южном Дагестане.

Такая трансформация государственной формы феодальной собственности и дальнейшая эволюция условного и безусловного феодального землевладения не могли не привести и к эволюции феодальных повинностей в Дагестане. Подати, собираемые от случая к случаю и поступавшие в распоряжение центральной власти, превратились в регулярно собираемую феодальную ренту, которую платили уже не государству, а местному феодалу. Безусловно, мы далеки от утверждения, что здесь имелись феодально-зависимые отношения, которые были свойственны развитым феодальным странам. В Дагестане эта феодальная зависимость могла принимать самые различные формы и смягчаться от издольной эксплуатации до простой обязанности платить ту же, но несколько видоизмененную дань, которую раньше платили центральной власти. Последний вид феодальной несвободы был, по-видимому, господствующим в Дагестане.

Казалось бы, что в правовом положении рядового общинника не произошло особых перемен потому, что изменилось только юридическое лицо, в пользу которого крестьянин должен был нести феодальные повинности. Однако это далеко не так. Превращение дани в феодальную ренту влекло за собой превращение свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина. В этом и заключается основной смысл того переворота в правовом отношении рядового общинника, что было связано с процессом сокращения площади государственных земель и дальнейшим распространением условного и безусловного феодального землевладения, о чем скажем несколько ниже.

²² Л. Е. Куббель. О некоторых чертах военной системы халифата Омаййадов (661—750 гг.) П. С., вып. 4 (67), М.—Л., 1959, стр. 121.

²³ Там же.

²⁴ Баладзори. Указ. соч., стр. 17.

²⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 63, 88.

Что же касается территорий нагорного Дагестана, то здесь существуют самостоятельные политические образования, правители которых продолжают рассматривать себя как верховные собственники подвластной им территории. Так, например, согласно Масуди, правитель Сарира выступает как верховный собственник довольно обширной территории: «У него (царя Сарира—А. III.) было 12 тыс. селений, из которых он набирал столько слуг (или рабов), сколько желал»²⁶.

Однако те закономерные процессы сокращения государственных земель, зафиксированные письменными источниками для Южного Дагестана, были характерны и для всего Дагестана. В этом отношении богатый материал дают археологические разведки и раскопки последних лет, которые выявили вещественные свидетельства роста значения местных феодалов. Так, например, за последние годы советские археологи выявили несколько десятков значительных феодальных замков, вокруг которых разбросаны небольшие раннесредневековые поселения²⁷. Письменные источники также солидарны в том, что в Дагестане в рассматриваемое время существовали замки²⁸. Эти факты свидетельствуют о резком повышении роли и значения местных феодалов, интересы которых постепенно расходятся с интересами центральной власти. Изменение же характера условного феодального землевладения в Дагестане и уменьшение доли государственных земель в общем фонде привело к появлению во всем Дагестане замковых построек, которые были резиденциями местных феодалов, контролировавших близлежащие аулы. В этом отношении обращает на себя внимание политический строй Табасарана, где к XII в. было двадцать четыре подобных феодала, которые по аналогии с дербентскими правителями носили титулы эмиров²⁹. Данный факт является ярким примером роста экономической и политической роли местных феодалов и уменьшения доли государственных земель.

Таким образом, к концу рассматриваемого времени государственная форма земельной собственности территориально уменьшилась. Но зато доля условного и безусловного землевладения резко возрастает, что привело к политической раздробленности страны, которая наблюдается в XII—XIII вв.

²⁶ Масуди. Указ. соч., стр. 204.

²⁷ В. Г. Котович, М. Г. Магомедов и др. Отчет приморской археологической экспедиции. РГ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 191, стр. 51—99; Ислам Магомедов А. Поселение аварцев в XIX—XX вв. УЗ Института ИЯЛ, т. 12, Махачкала, 1964, стр. 159—160.

²⁸ Баладзори. Указ. соч., стр. 17, 18, 19. Ибн Руста. Указ. соч., стр. 219.

²⁹ Ал-Гарнати. Тухфат ал-албаб. Цит. по Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 60.

В отличие от зарубежных историков, утверждающих, что институт условного бенефициального и ленного землевладения является нововведением арабов, советские историки доказали, что институт икта возник ещё в эпоху Сасанидов в Иране как неизбежное следствие развития феодальных отношений в этой стране³⁰.

Известно, что проникновение иранского влияния в Дагестан началось ещё при Ахеменидах³¹, достигло своего расцвета при Кобаде и особенно при Хосрове Ануширване. Согласно раннесредневековым армянским и арабским источникам это влияние было прочным и длительным. Хосрову Ануширвану удалось подчинить раннефеодальные государства Дагестана, обязав их нести пограничную службу на северных границах Сасанидской империи³².

Не полагаясь на прочность связей с местными вассальными правителями Дагестана и не доверяя им, Сасаниды развернули здесь бурную деятельность по строительству целого ряда опорных пунктов, городов, крепостных стен, которые должны были с одной стороны держать дагестанские народы в подчинении и с другой — защищать их земли от нашествий кочевников, которые особенно участились после гуннов.

В такой обстановке не исключена возможность возникновения института условного землевладения в Дагестане ещё в эту отдаленную эпоху на чисто местной дагестанской основе, ибо нельзя создавать экономические институты вроде икта, путем рецепции норм иностранного права.

Не отрицая различных путей возникновения института икта в Дагестане, можно предположить, что образование его восходит к эпохе Сасанидов. Такое предположение основано на общей политике Хосрова Ануширвана, который энергично пытался создавать военно-служилую прослойку в своей империи вообще и на границах в частности. Арабский историк Ибн ал-Асир (1160—1234) хорошо характеризует основную суть военных реформ этого крупного государственного деятеля: «Хосров Ануширван говорил: «Я нашел, что войны являются опорой для тех, что возделывают землю, а земледельцы — опорой для воинов. Войны требуют для себя вознаграждения от плательщиков хараджа и от горожан за то, что их защищают и сражаются за них, а земледельцы обязаны полностью давать воинам их вознаграждение, так как безопасность и уверенность для жизни и имущества возможна только благодаря воинам. С другой стороны, я нашел, что войны могут существ-

вовать, есть, пить, накапливать имущество и обзаводиться детьми только благодаря плательщикам хараджа и земледельцам, а потому я стал брать от плательщиков хараджа в пользу воинов то, что требуется для удовлетворения их нужд, а плательщикам хараджа из их урожая я оставляю столько, сколько нужно для их существования и для дальнейшей обработки земли...»³³

Политика эта проводилась и в Дагестане, где было построено большое количество городов, крепостей и крепостных сооружений с гарнизонами, укомплектованными как непосредственно из персов, так и из дагестанских народов³⁴.

В целях создания прослойки военно-служилого сословия, способной защищать северные границы Сасанидской империи, Сасаниды поселили здесь значительное количество «людей, переселенных из разных стран и из надежных лиц»³⁵, главным образом из своих собственных подданных. По-видимому, эти «надежные лица» составляли привилегированное сословие из переселенцев.

Вполне очевидно, что эти служилые люди за свою службу получали какую-то долю хараджа, которая собиралась Сасанидами в Дагестане, так как первоначально институт икта заключается в представлении служилым людям на время службы или пожизненно доли хараджа, или других податных сборов, иначе говоря, доли ренты-налога с определенных земель вместо платы за службу.

Дальнейшее развитие феодальных отношений в Дагестане с неизбежностью приводит к повышению доли условного феодального землевладения и к эволюции его в икта.

С приходом арабов в Дагестан институт икта претерпевает значительные изменения. Точно так же, как и Сасаниды, для усиления власти арабов над населением завоеванных стран халифы дарили земли в качестве икта военным³⁶.

Первоначально в Халифате практиковалось дарение икта в виде права присвоения части хараджа, собираемого с определенной местности. Возможно, именно такой вид икта имелся в виду (конец VIII в.), когда, по свидетельству Иакуби, Гарун ал-Рашид назначил правителем Армении Саида б. Салма ал-Бахили. Насколько можно судить по тексту «Истории» Иакуби Саид должен был получать за службу определенную часть хараджа, собираемого с территории Южного Дагестана. Поэтому он посылает в Дербент своего личного сборщика

³⁰ История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, стр. 64. История стран зарубежного востока в средние века. М., 1957, стр. 100.

³¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 30.

³² Баладзори. Указ. соч., стр. 7; Масуди. Указ. соч., стр. 190.

³³ Ибн ал-Асир. Полный сборник летописей. Пер. А. Э. Шмидта. УЗ. Института востоковедения, т. 16. М.—Л., 1948, стр. 486.

³⁴ Баладзори. Указ. соч., стр. 7; Масуди. Указ. соч., стр. 190.

³⁵ Иакут. Цит. по В. Ф. Минорскому. Указ. соч., стр. 31.

³⁶ Мамед-Азерли. Реформы халифа Абд ал-Малика ибн Мервана и Азербайджан (685—705). Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1965, стр. 25.

податей (умал)³⁷. Однако правитель Дербента Наджм б. Хашим, который, по-видимому, обладал подобным же правом на долю хараджа с Дербента и его округи, оказал сопротивление Саиду, напал на его сборщика податей, за что Наджм б. Хашим был убит³⁸.

За особые заслуги перед Халифатом в 851 году халиф Мутаваккиль подарил в качестве икта Дербент с прилегающими землями Мухаммеду Ибн-Халиду ибн-Иязиду ибн-Мазъяду, основателю династии ширванских Йазидидов³⁹. Уже с этого времени характер условного феодального землевладения в Дагестане меняется, икта имеет тенденцию к наследственности. Если до этого времени владелец икта имел право присвоить только часть хараджа с земель икта, то теперь владелец икта соединил право получения ренты-налога с правом распоряжения землей. Подобные земли получили название икта-тамлик. Земли икта-тамлик можно было передать по наследству, т. е. они переходили в полное владение. Владелец этого икта платил десятину (гушр)⁴⁰.

Потомки Мухаммеда б. Халида ибн-Иязида сохранили Южный Дагестан за собой в качестве икта вплоть до 869 года, когда дербентским Хашимидам удалось добиться независимости и основать свою собственную династию⁴¹.

Со времени убийства Наджма до 869 года характер власти этой семьи меняется. Если в конце VIII в. Наджм был условным владельцем Дербента и его округи, чьи права мог приобрести любой вновь назначенный наместник Армении, то со второй половины IX в. Дербент становится наследственным владением его потомков.

Несмотря на притязания Йазидидов и их беспрепятственное вмешательство во внутренние дела Дербента, последний имел свою собственную династию и поэтому юридически не мог считаться владением ширванских Йазидидов. Другое дело Табасаран. Здесь Йазидиды сумели прочно закрепить за собой свои права, они продолжали рассматривать его как часть той территории, которая была пожалована им халифом Мутаваккилем в 851 году. Табасаран стал наследственным владением одной из ветвей ширванских Йазидидов⁴².

Таким образом, на примере Дербента и Табасарана видно, что с конца IX в. характер условного феодального землевладения в ряде владений Дагестана меняется, постепенно приобретает черты классического икта.

Устная традиция дагестанских народов и памятники археологии сохранили ряд ценных сведений, которые могут характеризовать пути формирования условного феодального землевладения и на остальной территории Дагестана. Так, например, согласно устной традиции, селение Баитль было основано воинами, которые получили близлежащие земли за охрану границ Аварского ханства. Наличие средневекового могильника, который датируется рассматриваемым временем⁴³, около этого селения позволяет считать, что устная традиция отражает появление условного феодального землевладения в Аварии в это же время. Кроме того, бросается в глаза поразительная синхронность эволюции условного бенефициального землевладения в икта с появлением во всем Дагестане небольших феодальных замков, контролирующих близлежащие селения и дороги. Такие феодальные замки функционируют повсеместно в Дагестане с X в.⁴⁴, что предполагает появление их в предыдущую историческую эпоху. Повышение роли земледельческой знати, так называемых тарханов, батриков и пр. феодалов происходило и раньше. Но особенно интенсивно этот процесс протекал в послееаравское время. В это время, наряду с эволюцией античных городов (Урцки и др.) в типично феодальных городах, на первый план выдвигается зарождение замковых построек — резиденций земледельческой аристократии, что является вещественным доказательством развития во всем Дагестане условного феодального землевладения. Дальнейшее развитие бенефициального землевладения и его трансформация в феодальный лен привело к повышению роли владельцев т. н. рустаков, которых, например, в одном Табасаране было в XII в. 24⁴⁵.

В значительной мере это подтверждает известная хроника «История Абу Муслима», которая датируется X в.⁴⁶

В этой хронике дается довольно обширный список сел, которые получили арабы после их завоеваний⁴⁷. Не отрицая известной тенденциозности этого источника, который образовательно феодального сословия в Дагестане приписывает исключительно арабам, следует признать, что в основной своей части этот документ отражает реальную историческую обстановку Дагестана рассматриваемого времени.

Известно, что арабские завоевания сопровождались перераспределением земельного фонда завоеванной страны и сос-

³⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 98.

³⁸ Там же.

³⁹ З. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 133.

⁴⁰ Там же, стр. 132.

⁴¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 64.

⁴² Там же, стр. 126.

⁴³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность Д. М. Атаеву за предоставленные сведения, которые мы использовали.

⁴⁴ В. Г. Котович, М. Магомедов и др. Указ. соч., стр. 51—99; Ислам Магомедов А. Указ. соч., стр. 159—160.

⁴⁵ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 60.

⁴⁶ Там же, стр. 39.

⁴⁷ Там же, стр. 38—39.

49841

Дагестанский филиал
Академии Наук СССР

редоточением его в руках арабских феодалов и таким образом во всех завоеванных странах образовалась феодальная прослойка арабского происхождения⁴⁸.

Подобное положение сложилось и в Дагестане, о чём свидетельствуют некоторые средневековые арабские авторы. Так, Мерван б. Мухаммед назначил Хашраму ас-Сулами правителем лакзов⁴⁹, все табасаранские правители были арабского происхождения⁵⁰, правитель Хайдака претендовал на происхождение от арабского родоначальника Кахтана⁵¹. Таким образом, общий тон в этом вопросе в «Истории Абу Муслима» не отличается от тона арабских источников, в достоверности которых вряд ли приходится сомневаться.

Если даже допустить, что в «Истории Абу Муслима» говорится об образовании феодальной прослойки в Дагестане из арабской среды, то это вовсе не говорит, что арабы привнесли в Дагестан феодальные отношения и создали классы феодального общества. Это означает, что арабы сменили враждебную им феодальную верхушку Дагестана и насильственно заменили ее своей или же лояльной арабам местной феодальной верхушкой, дальнейшие судьбы которой теснейшим образом были связаны с арабами.

Что действительно дело обстояло так, говорит опять «История Абу Муслима»: «...и назначил в это селение (Микрах) Сейф ад-дина (внук Абу Муслима) с победой и умер он (Михтар Санджеб, отец Сейф ад-дина) в этом селении, и было разбито им (в свое время) войско Самсама и разрушены селения кяфиров, и убежал Самсам вместе со своими амирами, которые были на службе у него, темной ночью»⁵². Отсюда видно, что перераспределение земель в Дагестане с приходом арабов и сосредоточение их в руках последних шло далеко не мирно, а в результате ожесточенного сопротивления местных феодалов и общинников.

Но этот вопрос имеет и другую сторону: на каких условиях происходило это перераспределение и арабские феодалы обосновались в селениях Дагестана. По этому поводу в «Истории Абу Муслима» имеется только загадочная фраза «...и остались дела с. Микраха в руках Сейф ад-дина», а в других случаях просто констатируется, что арабы получили то или иное селение. Можно предположить, что арабы получали дагестанские селения в качестве икта; земли икта при арабах были различны по размерам, от целой области до одной деревни или части ее.

Дальнейшее развитие института икта в Средней Азии и на Ближнем Востоке и превращение его в наследственный феод теснейшим образом связано с сельджуками завоеваниями.

Впервые сельджуки двинулись в сторону Азербайджана в 1045 году, где их привлекали богатейшие нагорные пастбища⁵³. Однако систематический характер их завоеваний начался при Алп-Арслане, который через несколько лет после своего провозглашения султаном (1063 г.) прибыл в Ширван, захватил затем Дербент и южный Дагестан, отданные своему полководцу Сау-Тегину в качестве икта. Последний поручил управление своими землями дербентскому раису Атлабу б. Али⁵⁴. В 1069 году Дербент был пожалован в качестве лена гуляму Алп-Арслана Йагме⁵⁵. Насколько можно судить по тексту «Тарих ал-Баб», Йагма оставался в Дербенте до 1075 года, когда город и «Пограничные области» были окончательно уступлены в качестве икта снова Сау-Тегину, от имени которого в мечети читалась хутба после имени султана⁵⁶.

При сельджуках институт икта окончательно видоизменился, превратившись из бенефиция в наследственный феод⁵⁷. Сбор хараджа и управление территорией икта полностью перешли в руки владельца икта.

Такая эволюция условного феодального землевладения привела к превращению дани, поступавшей в казну центральной власти, в ренту, взимающуюся феодалами в свою пользу. Таким образом, трансформация феодальных повинностей привела к превращению свободного крестьянина в феодально-зависимого человека, что, конечно, имело крупные последствия в аграрных отношениях в тех частях Дагестана, которые входили в сферу социально-экономической и политической жизни Ближнего Востока.

Крупные феодальные поместья в Арабском халифате обозначались термином дийа'. Пути образования дийа' различны. Согласно А. Ю. Якубовскому, с одной стороны, это земли уцелевших местных феодалов, с другой — земли некоторых арабских военачальников, которые захватили владения в качестве военной добычи⁵⁸. Кроме того, некоторые виды икта, в частности икта-тамлик, также могли превратиться со временем в дийа' и, наконец, это

⁴⁸ История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., стр. 93.

⁴⁹ Баладзори. Указ. соч., стр. 19.

⁵⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 126.

⁵¹ Масуди. Указ. соч., стр. 202.

⁵² Х. Х. Рамазанов и А. Р. Шихсанлов. Указ. соч., стр. 38.

⁵³ История Ирана с древнейших времен..., стр. 148.

⁵⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 77.

⁵⁵ Там же, стр. 75.

⁵⁶ Там же, стр. 79.

⁵⁷ История Ирана с древнейших времен..., стр. 154.

⁵⁸ А. Ю. Якубовский. Об исполных арендах в Ираке в VIII в., Советское востоковедение, вып. 4, 1947, стр. 180.

земли халифов или правящей династии. Таким образом, пути становления этой категории феодального землевладения были многообразны.

Из-за чрезвычайной скудости сведений о дийа' невозможно дать точную характеристику этой формы феодального землевладения в Дагестане. Единственное, что мы можем установить по источникам, касающимся Дагестана — это наследственный характер ее.

Исходя из наследственного характера дийа', а главное из ее размеров можно с уверенностью предположить, что эта форма землевладения была широко представлена во всем Дагестане еще задолго до прихода арабов. Арабы застали в Дагестане готовое содержание этой категории феодального землевладения, которому дали только форму, в частности термин дийа'. Однако этот термин в Дагестане не получил распространения в связи с тем, что сама категория феодального землевладения дийа' впоследствии полностью эволюционировала в мюльк. А что касается рассматриваемого времени, то этот термин получил широкое распространение, обозначая частное наследственное землевладение.

Впервые с категорией феодального землевладения типа дийа' мы встречаемся в V в., точнее в 462 году. Албанский царь Ваче II после подавления восстания против Сасанидов, вынужден был отказаться от албанского престола и удалиться в свой наследственный удел, который находился в стране Чора, где-то в Южном Дагестане. Наследственный удел албанских царей состоял из 1000 ердов (дымов) ⁵⁹.

Следующее упоминание об этой категории феодального землевладения мы встречаем в VIII в. в стихах Сураки ибн-Амра: «И сказал Сурака сын Амра: пусть всякий, кто спросит известие обо мне, что поистине я нахожусь в стране, откуда покой убежал, в турецком городе с воротами, жители которого опустошают соседние селения. Мы отражаем их орды далеко от наших имений (дийа') и мы истребляем их в последнюю ночь луны» ⁶⁰.

Некоторые арабские военачальники во время военных действий в Дагестане захватили крупные земельные массивы в качестве военной добычи и превратили их в свои имения (дийа'). В этом отношении характерна политика двоюродного брата халифа Масламы в Дагестане: «И заключил Маслама мир с жителями Хайзана и распорядился относительно кре-

ости и, была она скрыта, и устроил он для себя там имение, известное до сего дня под названием Хаус-Хайзана» ⁶¹.

Любопытно отметить, что Ширваншахи имели крупные имения — дийа' в Табасаране. Так, у брата ширваншаха имелся дийа' в Табасаране под названием «поместья Мухаммеда», которым он пользовался наследственно. Здесь же умер в начале XI в. Хайсам, брат Язида, что лишний раз подчеркивает наследственный характер дийа' ⁶². Известно, что внук Язида Хурмуз был похоронен в другом поместье — дийа' Ирси (Ерси) ⁶³. Следовательно, другая ветвь Ширваншахов мела земли дийа' в этом населенном пункте.

В связи с этим интересно отметить, что Южный Дагестан, том числе и Табасаран, был пожалован в 851 г. в качестве икта Мухаммеду ибн-Халиду, основателю династии Ширваншахов ⁶⁴. А уже через некоторое время мы встречаем в Табасаране земли дийа', которые принадлежали потомкам Мухаммеда. Следовательно, в Дагестане часть земель дийа' образовалась из земель икта.

К сожалению, в «Тарих ал-Баб» говорится только о тех землях дийа', которые принадлежали членам правящих династий Дербента и Ширвана или же упоминается о них в связи с политическими событиями в Дербенте конца рассматриваемого времени. Поэтому неудивительно, что большинство земель дийа', как впрочем и другие категории феодального землевладения, остались вне поля зрения раннесредневековых авторов. Правда, в тексте «Тарих ал-Баб» несколько раз упоминается о феодальных землях типа дийа', не указывая на то, к кому принадлежность их. Сведения эти немногочисленны и поэтому считаем необходимым остановиться на них более подробно.

Так, в 1029 году ширваншах Манучихр б. Язид начал военные действия с жителями Дербента из-за поместья (дийа') Муджан-абад. Однако безрезультатно ⁶⁵. Афридун сын ширваншаха с помощью ширванцев овладел крепостью ал-Баба и оттуда совершал нападения «на поместья (дийа') и возделанные земли (имарат) народа ал-Баба» ⁶⁶. «Ширваншах построил стены вокруг поместья (дийа') Михйарийа, которое он превратил в город с замком посередине» ⁶⁷. Поместье Михйарийа было расположено недалеко от Дербента, т. к. ширваншах отсюда держал под наблюдением своих против-

⁶¹ Баладзори. Указ. соч., стр. 17; Л. Е. Куббель. Указ. соч., стр. 126.

⁶² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 126.

⁶³ Там же, стр. 126.

⁶⁴ З. Бунятов. Указ. соч., стр. 133.

⁶⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 53.

⁶⁶ Там же, стр. 62.

⁶⁷ Там же.

⁵⁹ Очерки истории СССР. III—IX вв. Изд. Академии наук, Москва. 1953, стр. 300.

⁶⁰ Якут. География. Цит. по Е. И. Козубскому. История Дербента. Т.-Х. Шура, 1906, стр. 24.

ников в ал-Бабе. В. Ф. Минорский локализует его в районе Самура⁶⁸. Дербентский раис Муфарридж б. Музаффар со своим родом, семьей, раисами, а кроме того с плеядами и подчиненными двинулся в Мухрака (у) ал-Баба, (чтобы) оттуда направиться в поместье (дийа'), лежащее «между двумя реками»⁶⁹. Поместье это было расположено в районе междуречья Самура и Рубаса. По другим данным это поместье В. Ф. Минорский локализует в районе бассейна р. Самур⁷⁰. И, наконец, в тексте «Тарих ал-Баб» в связи с политическими событиями упоминается еще одно поместье (дийа'), которое известно под названием «поместье Самсуйя», локализуемое на территории ал-Лакза⁷¹.

Простое перечисление названий этих поместий (дийа') позволяет судить о степени распространения этой категории феодального землевладения в Дагестане. При этом необходимо отметить, что автора «Тарих ал-Баб» эти поместья интересовали постольку, поскольку политические события касались того или иного поместья. Громадное большинство этих имений остались вне поля зрения автора. Существующего материала вполне достаточно для того, чтобы предположить, что данная категория феодального землевладения в Дагестане к концу рассматриваемого времени получила относительно широкое распространение.

В пользу данного предположения свидетельствует и то обстоятельство, что, согласно ибн-Руста, феодальная категория земельной собственности дийа' встречается и в высокогорном Сарире. Так, например, описывая царство Сарир он пишет, что его правителю «принадлежит 20 тыс. долин, населенных людьми разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни (дийа' ва кура)»⁷². Аналогичные сведения существуют и об ал-Лакзе⁷³.

В связи с этим необходимо отметить одну любопытную деталь: все раннесредневековые авторы в своих сочинениях противопоставляют деревни поместьям, т. е. приводят их рядом. Ведь феодальное поместье обычно состояло из одной или нескольких деревень. В таком случае непонятно, почему раннесредневековые авторы в одном тексте приводят два термина дийа' и кура для обозначения населенных пунктов. И. П. Петрушевский, отмечая аналогичное положение для Ирана, считает, что в данном случае мы имеем дело с различными типами поселений. «Карйа — старинное селение, в

котором сохранилась старая община, или ее пережитки, или по крайней мере память о сельской общине»⁷⁴. Такая община также могла подвергаться феодальной эксплуатации, но, благодаря сохранению общинных порядков она ограничивалась простой уплатой натуральных повинностей в пользу феодала.

«Дийа' же — поселение, хутор, выселок, или совокупность их, составлявшая имение, не связанное с сельской общиной или ее пережитками. Оно основано феодалом на целине и заселено изгольщиками из бедных крестьян, выселившихся из общины в результате ее расслоения»⁷⁵. История дагестанских народов сохранила множество примеров, когда феодальные правители или крупные общины приглашали чужаков и заселяли ими пустующие земли. Данное обстоятельство позволяет предположить, что аналогичные порядки существовали и в рассматриваемое время.

Таким образом, термин дийа' в Дагестане, как и в других странах Востока, обозначал крупные феодальные поместья.

Характерно, что крупные имения, как правило, хараджем не облагались, а были в большей части землями ушр (платящими только десятину), а то совсем освобождались от налогов. Средние и мелкие дийа' значились в числе хараджных земель и подвергались всем тяготам налогового бремени⁷⁶.

После того, как официальные лица арабов покидали государственную службу, они ограничивались тем, что эксплуатировали крестьян, которые находились на землях дийа', которые принадлежали им. Это положение прекрасно иллюстрирует текст «Тарих ал-Баб»: «Он (Мухаммед б. Халид — Ш. А.) сложил с себя правление в Армении и удовольствовался доходами с поместий (дийа')»⁷⁷.

К сожалению, мы не знаем способа организации хозяйства на землях дийа'. Известно, что на Востоке отсутствовало крупное личное поместье феодалов⁷⁸. Поэтому вероятно, что дагестанские феодалы также дробили свои имения (дийа') на мелкие участки, которые затем передавались возделывателям на испольных началах. Этими возделывателями на Востоке были акара, которые, согласно Якубовскому, были центральной фигурой сельского хозяйства Арабского халифата⁷⁹.

Впервые с термином акара в источниках, касающихся истории Дагестана, мы встречаемся в работе Иакута, который широко использовал источники X в. В этой работе Иакут

⁶⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 62, 111.

⁶⁹ Там же, стр. 74.

⁷⁰ Там же, стр. 111.

⁷¹ Там же, стр. 75, 113.

⁷² Ибн Руста. Ал А'лак ан-Нафиса, Пер. В. Ф. Минорского.

В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 49.

⁷³ Иакут. Указ. соч., стр. 17.

⁷⁴ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 290.

⁷⁵ Там же, стр. 297.

⁷⁶ А. Якубовский. Указ. соч., стр. 180.

⁷⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 47.

⁷⁸ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 285.

⁷⁹ А. Якубовский. Об испольных арендах в Ираке в VIII в., стр. 171—184.

перечисляет социальные сословия, которые бытовали в обществе ал-Лакзов в X в.: «Они (ал-Лакзы — Ш. А.) имеют свободных людей, которые называются хамашира, над ними стоят малики, а ниже их служащие М. шак, а затем пахари (акара) и слуги или ремесленники»⁸⁰.

Известно, что в Азербайджане и во многих переднеазиатских областях Арабского халифата⁸¹ была широко представлена акара, как социальное сословие исполщиков⁸².

Автор «Книги о харадж» Абу-Юсуф акарами называет тех исполщиков, которые были полностью лишены средств производства и которым собственник земли дает не только землю, а и семена, быков, в аренду⁸³. При таких условиях Абу-Юсуф предлагает оставить исполщику одну шестую или одну седьмую долю урожая⁸⁴. На эти жестокие условия исполщных аренд могли согласиться только полностью обезземелившиеся общинники⁸⁵. Согласно Якуту, в обществе ал-Лакзов существовали акара как социальная прослойка. Поэтому вполне вероятно, что дагестанские поместья типа дийа в основном обрабатывались также исполщиками (акара).

Вакуфные земли. Вакуфами именовались земли, завещанные государем или частными лицами в пользу религиозных и благотворительных учреждений⁸⁶. Кроме пахотных земель вакуфами могли быть караван-сарай, лавки, базары, ремесленные мастерские, мельницы и т. д.⁸⁷. Согласно мусульманскому праву, любое лицо могло завещать всякую вещь в частности и недвижимость в вакуф. Завещанное считалось собственностью аллаха. Доходы с вакуфных земель шли на содержание церковной организации. Кроме того, отряды так называемых «борцов за веру» (газиев) также содержались нередко за счет вакуфных земель⁸⁸.

Как во всех пограничных областях Арабского халифата, так и в Дагестане, особенно в Дербенте, находились значительные силы газиев, «чтецов Корана» и др. «борцов за веру», непосредственной обязанностью которых была защита границ мусульманского мира от иноверцев, а также распространение ислама.

⁸⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

⁸¹ А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв., стр. 76.

⁸² А. Я. Якубовский. Указ. соч., стр. 184.

⁸³ Там же, стр. 184.

⁸⁴ Там же, стр. 184.

⁸⁵ Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. Изд. МГУ, М., 1944, стр. 75.

⁸⁶ Там же, стр. 184.

⁸⁷ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 247.

⁸⁸ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 75.

Деятельность этих «борцов за веру» находилась в поле зрения как центральной, так и власти на местах. Их деятельность всячески поощрялась. Для поддержания их деятельности халифы и местные правители выделяли определенную часть хараджа, собираемого с той или иной области или завещали определенное количество деревень в вакуф, доход с которого шел на их содержание. Так, халиф ал-Махди (775—785) в 777 году собранный годовой харадж «с окрестностей Дербенда» приказал распределить между «воинами крепости и жителями города»⁸⁹. А во второй половине VIII в. Ширваншах Хайсам б. Мухаммед б. Хайсам «перевел несколько деревень на благотворительное дело (вакуф), доход с которого распределялся среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев»⁹⁰.

Кроме того, доход с нефтяных колодцев и солеварен Баку первоначально шел на поддержание деятельности «борцов за веру» в ал-Бабе⁹¹.

Правда, иногда Ширваншахи старались присвоить себе доходы с нефтяных колодцев и солеварен Баку. Так, в 873 году правитель Ширвана «отнял у жителей Дербента все, что им передал в вакуф ал-Мутамид»⁹². Но через десять лет ширваншах вынужден был снова передать в вакуф половину промыслов нефти и соли Ширвана жителям Дербента. В конце концов указом ал-Мутамида бакинские промыслы нефти и соли были закреплены в вакуф жителям Дербента⁹³.

Где-то возле Дербента было расположено крупное поместье под названием «Ризкийя»⁹⁴, которое также находилось в ведении газиев.

Часть доходов с земель вакуф шла на содержание религиозных и благотворительных учреждений. Значительная часть доходов вакуфов шла в пользу их попечителей. Иногда попечители вакуфов присваивали все доходы, открыто злоупотребляя своей властью. Так, владетель Дербента при халифе ал-Муктафи (начало X в.) присвоил все доходы с нефтяных колодцев Баку и солеварен Ширвана, а также доходы с окрестных сел⁹⁵. Как мы указали выше, и Ширваншахи неоднократно пытались ликвидировать вакуфные бакинские нефтяные колодцы и солеварни и присвоить их себе. Но, по видимому, газы в Дербенте являлись значительной силой и

⁸⁹ Дербент-намэ, стр. 127, З. Бунятов. Указ. соч., стр. 137.

⁹⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 47.

⁹¹ Там же, стр. 159.

⁹² Дербент-намэ, стр. 131.

⁹³ Там же, стр. 138; З. Бунятов. Указ. соч., стр. 137—138.

⁹⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 157.

⁹⁵ З. Бунятов. Указ. соч., стр. 138.

поэтому последние всегда восстанавливали существующий порядок, и прежние положение неизменно сохранялось.

По мере распространения ислама в Дагестане начинается широкое строительство мечетей и поэтому к концу рассматриваемого времени доля вакуфных земель в общем земельном фонде имеет тенденцию к возрастанию.

Сельская община
и общинные
земли.

Исследуя процессы возникновения феодально-зависимого крестьянства у дагестанских народов, мы должны прежде всего изучить структуру дагестанской сельской общины и ход ее разложения. Согласно классикам марксизма-ленинизма сельская община в своем развитии прошла через три формы (кровно-родственная община, так называемая «земледельческая община» и марка). Кровно-родственная община с ее коллективной обработкой и совместным потреблением продуктов коллективного труда прекратила свое существование еще задолго до рассматриваемого времени и поэтому анализ ее выходит за рамки настоящей работы.

К сожалению, письменные источники не дают нам сведений о том, какая же форма сельской общины существовала в Дагестане к V в., какова была ее внутренняя структура. Для разрешения этих и других вопросов, касающихся становления и развития сельской общины Дагестана, постараемся реконструировать ее по тем нормам обычного права дагестанских адатов, которые пережиточно сохранили ряд положений, несовместимых с общинными порядками в момент их фиксации. Кроме того, попытаемся определить форму дагестанской сельской общины интересующего нас времени по тем социальным явлениям, которые произошли в Дагестане в V—XI вв.

Выше мы уже писали об образовании в Дагестане ряда феодальных государств с наследственными династиями во главе, об иерархической организации дагестанского общества. Подобная социальная структура общества возможна только на почве разложения сельской общины типа западно-европейской марки. Следовательно, в Дагестане в интересующее нас время низовой ячейкой общественной организации была сельская община типа марки, которая к этому времени начала терять былую свободу и попадать в зависимость от феодалов.

Отдельные домохозяйства в дагестанской общине этого времени большей частью состояли из малых семей, которые, видимо, могли свободно распоряжаться своим пахотным участком, местами ставшим к этому времени объектом отчуждения.

Подобный порядок существовал только в тех общинах, которые находились в сфере влияния раннефеодальных государств. Другое дело в сельских общинах горного Дагестана.

Здесь свободный общинник не везде мог свободно распоряжаться своим наследственным владением и только теоретически мог отчуждать свой пахотный участок, а на практике община сохранила за собой контроль не только над неподделенными угодьями, но и над пахотными участками своих общинников, о чем свидетельствуют данные обычного права дагестанских народов.

Известно, что купля-продажа земли в Дагестане в позднее средневековье стала обычным явлением и она широко отражена в адатах XVI—XVIII вв.⁹⁶ Однако наряду с этим в тех же адатах встречается целый ряд пунктов, которые запрещают продажу пахотных участков. Подобные явления встречаются во всех адатах так называемых «вольных обществ» Дагестана, и мы имеем здесь дело с характером памятников обычного права всех народов, в которых находят отражение различные этапы развития общества.

Насколько можно судить по дагестанским адатам, сопротивление свободных общинников наступлению феодализирующей знати на земли рядовых общинников проявилась главным образом в стремлении защищать ее, используя, в частности, такие институты, как право предпочтительной покупки. Не случайно дагестанские адаты пестрят указаниями о возможных притязаниях свободных общинников на недвижимость, переданную в руки феодализирующей знати. Для иллюстрации этого положения приведем данные обычного права дагестанских адатов. «Если кто-нибудь предложит своему близкому родственнику купить у него пахотный участок и сад, а тот не захочет купить, и участок будет продан постороннему человеку, и если после всего этот родственник заявит, что не знал о продаже участка, он должен подтвердить свое заявление присягой вместе с 7 соприсягателями. Если он подтвердит, то пахотный участок и сад продаются ему за ту цену, за которую они были проданы постороннему человеку» — записано в адатах Келебского общества датируемых предположительно XVII—XVIII вв.⁹⁷

Что дает нам приведенное положение для анализа общинных порядков Дагестана в исследуемое время. Безусловно, что данный казус рисует нам общину, где практикуется купля-продажа недвижимости. Не трудно отметить, что купля-продажа недвижимости была ограничена правом предпочтительной покупки. И это в XVII в. Если мы путем ретроспективного анализа данного положения представим себе истоки возникновения этого института, то становится очевидным, что род-

⁹⁶ Х.-М. Хашаев. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX в., М., 1965.

⁹⁷ Адаты Келебского общества. Х.-М. Хашаев. Памятники обычного права Дагестана в XVII—XIX вв., стр. 76, 81.

ственники продолжают рассматривать себя в качестве совладельцев собственности большой семьи, которая перешла в исследуемое время в наследственное владение малых семей. О том, что в данном случае имеется в виду именно права родственников на продаваемую недвижимость, свидетельствует уже отмеченный факт принудительного изъятия проданной земли постороннему и передача ее за ту же цену ближайшему родственнику.

Х.-М. Хашаев справедливо замечает, что «во многих селениях существовали обычаи, обязывающие тех, кто хочет продать свой дом, пахотный участок, сад и сенокосы, обратиться сперва с предложением к своим родственникам и соседям. Это объясняется тем, что еще были живучи кровнородственные связи, с одной стороны, и сохранились пережитки родовой собственности, которые в известной мере ограничивали частную собственность на дом и земли»⁹⁸.

По нашему мнению, в исследуемое время сегментированная семейная община в подавляющих сельских общинах Дагестана продолжала рассматривать себя собственником всех земель, которые находились в наследственном пользовании отдельных малых семей.

В связи с этим заметим, что в исторической науке считается принятым, что основным типом поселений Дагестана в рассматриваемое время были небольшие «родовые» поселения, подчеркивая тем самым, что в них жили один или несколько родственников коллективов. Отсюда не трудно предполагать, что эти коллективы продолжали считать себя совладельцами общей собственности, которая была поделена на наследственные наделы между малыми семьями. Для подтверждения этого положения вернемся к дагестанским адатам.

Правом на чужую землю до известной степени пользовались не только непосредственные субъекты права близости, но и все жители данной общины или союза сельских общин. В связи с этим интересно отметить весьма любопытные адаты Андалальского союза сельских общин, которые не признавали за рядовым общинником права на продажу своего пахотного участка на сторону и, следовательно, прав собственности. В случае продажи купчая аннулировалась, проданная земля возвращалась не общиннику, продавшему пахотный участок как это можно было бы ожидать, а поступала в распоряжение Андалальского союза. «Если один человек из наших продает одному человеку из чужих пахотные земли или дом, то с него взыскивается 300 баранов и проданное переходит в собственность нашего общества»⁹⁹.

⁹⁸ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 76, Примечание 1.

⁹⁹ Там же, стр. 62.

Подобные нормы обычного права дагестанских народов были широко представлены в адатах Келебского союза сельских общин¹⁰⁰, Цекубского общества¹⁰¹, Гидатлинского союза сельских общин¹⁰², Багулальского союза сельских общин. Аналогичные нормы можно найти в адатах и других общин Дагестана. Таким образом, институт предпочтительной покупки ограничивал свободу распоряжения землей и препятствовал оформлению частной собственности на землю, которая, поэтому, в изучаемое время не успела еще оформиться, не смогла еще выйти из тормозящей опеки сельской общины.

В связи с этим отметим еще одну любопытную деталь: за попытку продажи пахотного участка рядовой общинник должен был платить штраф в пользу общины в размере 300 овец¹⁰³. В то же время совет старейшин за такое с точки зрения общины «преступление» облагается штрафом в 1 овцу¹⁰⁴. Такая громадная разница штрафа показывает насколько различными были права рядового общинника и общины в целом в вопросе земельных отношений. Рядовой общинник в данном случае не выступает субъектом права собственности на землю, он был практически лишен права отчуждения своего участка. Другое дело, когда совет старейшин общины продает общественную землю «чужаку». Правда, и в этом случае продажа общинных земель остается нежелательным делом. Но, тем не менее, община может продать земли, сдать их в аренду другой общине и т. д. Такая практика получила отражение в дагестанских адатах. Это значит, что практически только община в целом выступает в качестве субъекта права собственности над всей территорией общины, включая и пахотные участки, которые находились в наследственном пользовании отдельных семей.

Суммируя вышесказанное, становится очевидным, что на той территории Дагестана, где впоследствии фигурируют так называемые «вольные общества», в исследуемое время получил распространение несколько архаический тип общины, так называемая «земледельческая община». Характерным признаком этой общины является то, что она сохранила пахотные участки в качестве неотчуждаемой и общей собственности всей общины¹⁰⁵.

Исследования дагестанских историков последних лет позволили установить наличие в ряде общин горного Дагестана

¹⁰⁰ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 75, 77.

¹⁰¹ Там же, стр. 96.

¹⁰² Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957, стр. 23—24.

¹⁰³ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 62.

¹⁰⁴ Там же, стр. 96.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 694.

¹⁰⁶ М. Агдаров. Указ. соч., стр. 191.

коллективной собственности на пахотные участки¹⁰⁶. Правда, эти участки, как правило, вторичного порядка, возникли гораздо позднее и не они определяли характер землевладения в общинах в позднее средневековье. Периодически переделываемые участки служили дополнением к индивидуальному наследственному наделу. Участки пахотных полей, которые находились в коллективной собственности целой общины, были освоены совместными усилиями всей общины или они были захвачены у другой менее сильной общины. Совместные усилия всех членов одного коллектива предполагали и общую собственность на вновь освоенную землю. До определенного времени она реализуется при помощи института периодических переделов.

Однако институт периодических переделов вовсе не обязательное явление, с помощью которого реализуется общественная собственность. В некоторых общинах совместно обработанные земли со временем могут перейти в частное владение отдельных семей.

Чрезвычайно интересна форма реализации общинных участков пахоты в некоторых союзах сельских общин. Так, в Акушинском союзе сельских общин общинную землю сначала делят на количество родственных групп в данной общине, а потом эта группа (в данном случае тухум), в свою очередь, распределяет полученную от общины долю пахотного участка между малыми семьями, входящими в эту родственную группу¹⁰⁷. Аналогичные порядки существовали и в других союзах сельских общин. В связи с этим заметим, что здесь отдельный общинник не выступает как самостоятельное юридическое лицо перед общиной. Только принадлежность к определенному тухуму обеспечивала рядового общинника долей в общем пахотном и покосном участке. Реализация общинной земли через тухумы является, одной из основных причин сохранения обособленного положения отдельных родственных групп, которые как единое целое входили в состав сельской территориальной общины.

Для понимания земельных отношений в общинах горного Дагестана многое дало бы изучение порядка наследования в рассматриваемое время. Существующий порядок наследования в позднее время регулировался по шариату. Поэтому эти нормы ничего не дают нам для выяснения доисламских форм наследования. Косвенным свидетельством наследования строго по мужской линии может служить существовавший в горах порядок лишения женщин доли в общественных покосных участках. Следует подчеркнуть, что у некоторых северокавказ-

ских народов, согласно адатам, земли наследовали только по мужской линии¹⁰⁸. Ведь по существу «наследование земли по женской линии членами малой семьи и есть уже ни что иное как начальная форма отчуждения, ибо при вступлении дочери умершего в брак, унаследованная ею земля переходит механически в собственность другой малой семьи (семьи ее мужа), т. е. отчуждается»¹⁰⁹.

В пользу тезиса об отсутствии частной собственности в общинах горного Дагестана рассматриваемого времени говорит и социальная структура этих общин. Известно, что имущественная дифференциация в «земледельческой общине» не приводит к социальной дифференциации, т. е. сосредоточение материальных ценностей в руках одних общинников не приводит к эксплуатации других. «Это объясняется, — пишет А. И. Неусыхин, — тем, что имущественное неравенство исчерпывалось здесь некоторой неравномерностью в распределении земельных наделов (при отсутствии отчуждения надела) и накоплением движимости в одних руках»¹¹⁰.

В самом деле, в общинах «вольных обществ» даже в позднее средневековье отсутствовала четко выраженная социальная дифференциация. В этих общинах, несмотря на различное имущественное положение общинников, последние рассматривались равноправными членами общины, которая в равной степени защищала всех своих членов.

Таким образом, длительное сохранение общинной собственности на землю является основной причиной незрелых социальных отношений в союзах сельских общин, отсутствие у них основных сословий феодального общества в рассматриваемое время, хотя в этих общинах широко представлены и богатые и бедные.

Письменные источники мало говорят о социальной структуре дагестанских общин этого типа. Но все же по ним можно представить общую картину этого чрезвычайно важного вопроса. В то время, когда во всех феодальных государствах четко прослеживается иерархическая организация общества¹¹¹, когда в этих государствах представлены почти все сословия раннефеодального общества, на территории Акушинского союза сельских общин эти сословия не представлены. Здесь по письменным источникам в политических событиях X—XI вв. принимает участие «народ Шандана», подчеркивая тем самым отсутствие у них царей, тарханов, батриков и пр. феодалов,

¹⁰⁸ В. Невская. Земельные отношения в Карачае во II половине XIX в. Труды КЧНИИ, вып. IV (сер. истор.), стр.

¹⁰⁹ А. И. Неусыхин. Первый этап возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса. Сб. Средние века, вып. VI, стр. 11.

¹¹⁰ Там же, стр. 17.

¹¹¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

¹⁰⁷ Б. Г. Алиев. Социальные отношения в Акуша-Дарго XVII—XVIII вв. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 111, стр. 12.

которые имеются у всех других народов Дагестана¹¹². Это не значит, что мы идеализируем социальные отношения «вольных» обществ Дагестана. В этих союзах под расплывчатым понятием «народ» выступает не однородная в социальном отношении масса, а различные социальные категории дофеодального общества, которое к X в. уже породило прослойку «знатных людей», явившихся, по-видимому, общинной знатю. Обособление общинной верхушки являлось следствием внутреннего развития самих «земледельческих» общин, результатом дуализма (общинная собственность и парцеллярное хозяйство), характерным для общин этого типа¹¹³.

Приведенный материал показывает, что выделение частной собственности на землю в некоторых общинах горного Дагестана протекало сравнительно медленно. Характерно, что целый ряд общин Дагестана совместно владели неподделанными угодьями, что является признаком архаичности этих общин. Все это говорит о том, что в горах Дагестана к рассматриваемому времени сохранился более архаический тип общины, чем на той территории, где к началу рассматриваемого времени образовались раннефеодальные государства.

Таким образом, все сказанное противоречит существующему в исторической литературе положению, утверждающему, что со становлением террасного земледелия завершается процесс перехода отдельных террас в частную собственность малых семей¹¹⁴. Сторонники этой теории связывают появление частной собственности на землю с характером местности, рельефом горного Дагестана. При этом они ссылаются на известное положение Ф. Энгельса о том, что в тесных горных ущельях родовое пользование землей очень рано сменяется владением ее отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только неводеланные земли¹¹⁵. Но, как видно из этого положения, Ф. Энгельс вовсе не говорит о становлении частной собственности, а только о переходе наделов в пользование отдельных семей. Данному положению не противоречит и весь приведенный нами материал. Одна возможность обработки отдельными семьями определенных террас не приводит к появлению частной собственности на землю. Для становления частной собственности на землю требуется определенный

¹¹² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 64—79.

¹¹³ Легко понять, что свойственный «Земледельческой общине» дуализм может служить для нее источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обуславливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускает развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 681.

¹¹⁴ М. Агларов. Указ. соч., стр. 185—189.

¹¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 633.

уровень развития товарных отношений, ибо не характер местности, а уровень развития производительных сил в конечном счете является причиной появления всякой формы собственности, в том числе и частной.

Основным типом поселений в изучаемое время в горном Дагестане были небольшие так называемые «родовые» поселения, которые производили внутри самой общины буквально все, что было необходимо для самостоятельного существования. В рамках этих «родовых» общин существовало непосредственное сочетание ремесла с земледелием, благодаря чему такая община становится вполне самостоятельной экономической единицей. Такое непосредственное сочетание ремесла и сельского хозяйства в общинах этого типа К. Маркс считал основной причиной сохранения общинной собственности на землю¹¹⁶.

Раннее становление частной собственности в Дагестане дало бы простор для развития классических форм феодализма потому, что там, «где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников... появляются также условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности...»¹¹⁷. В связи с этим возникает законный вопрос: почему дагестанские общинники не лишились своей собственности даже в позднее время, если становление частной собственности завершилось в раннее средневековье? Раннее становление частной собственности на землю привело, по мнению сторонников этой теории, к противодействию утверждению классических форм феодализма в Дагестане¹¹⁸, что, конечно, не является решением поставленного нами вопроса. Думается, что при таком подходе к решению проблемы становления частной собственности на землю, сторонники этой теории вряд ли смогут ответить на этот вопрос. Дело в том, что согласно адатам дагестанских народов, права общинника были сильно ограничены общиной даже в XVII в., не говоря уже об ограничениях в общинах раннесредневековья, «В восточной форме (общины—Ш. А.) такая утрата, если не считать влияний чисто внешнего характера, почти невозможна, так как отдельный член общины никогда не встает к ней в свободное отношение, в силу которого он мог бы, утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней. Он прирос к ней прочно»¹¹⁹.

Поэтому особенностью развития феодализма в горах Дагестана является не раннее развитие частной собственности,

¹¹⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, ОГИЗ, 1940, стр. 6—7.

¹¹⁷ Там же, стр. 28.

¹¹⁸ М. Агларов. Указ. соч., стр. 189.

¹¹⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие..., стр. 28.

как это утверждает М. Агларов¹²⁰, а слабое развитие личности, способной противостоять общине, сохранение крепкой устойчивой общины, которая, в силу пережитков патриархально-родовой системы, вмешивалась во всю хозяйственную деятельность рядового общинника.

Эти же пережитки патриархально-родовой общины, предопределили и длительное сохранение так называемых «вольных обществ» в Дагестане, где частная собственность на землю появляется только в поздний период. В исторической литературе до сих пор не уделялось серьезного внимания причинам образования так называемых «вольных обществ» в Дагестане.

Благодаря усилиям историков, в настоящее время считается доказанным, что так называемые «вольные общества» представляли собой территориальные объединения, в которых, как и в соседних государствах Дагестана, шло развитие феодальных отношений, хотя чрезвычайно медленно¹²¹.

Отмечая значительные успехи в изучении этого чрезвычайно важного вопроса, без выяснения которого вообще невозможно представить себе историю Дагестана, приходится с сожалением констатировать, что в исследовании этой проблемы существует до сих пор много досадных пробелов, важнейшим из которых, на наш взгляд, является неизученность причин образования этих своеобразных объединений — так называемых «вольных обществ» Дагестана.

Некоторые исследователи образование этих союзов объясняли чисто внешнеполитическими факторами, необходимостью защиты от внешней опасности. Но внешнеполитические факторы действуют не постоянно, и не могут поэтому быть причиной образования столь устойчивых, крепких и жизнеспособных союзов, которые просуществовали во все средневековье и в новое время.

Одной из основных характерных черт союзов сельских общин Дагестана является наличие у них общей альменды, т. е. неподеленных угодий, которые находились в совместном пользовании всего союза или основного ядра этого союза. Классическим примером в этом отношении может служить Гидатлинский союз сельских общин. Ядром этого союза были шесть селений: Урада, Гинта, Тидиб, Хотода, Гоор и Кахиб, которые совместно владели горой под названием «Ахвах му'урул», землями при Большой речке и землями селения Хучада. Эти земли «являлись общими поровну между шестью селениями,

составлявшими Гидатлинское общество» — сказано в адатах этого союза¹²².

В этом отношении Гидатлинский союз не является исключением. Неподеленными угодьями Урахинского союза были пастбищные горы «Зиха дубура», «Дигвела дубура» и «Даргала дубура»¹²³. Крупные пастбищные горы находились в совместном владении Акушинского союза сельских общин¹²⁴.

Однако наличие общей альменды не является причиной образования союза сельских общин, а прямым следствием их появления на исторической карте Дагестана.

Теоретически процесс образования, т. н. «вольных обществ» Дагестана можно представить себе следующим образом: дальнейший рост населения в патриархально-родовых общинах привел к тому, что освоенная территория пахотных участков не удовлетворяет все растущее потребление общинников и поэтому она выталкивает из своей среды обособившиеся отдельные семьи, которые неподалеку основывают новые общины, объединявшиеся на первых порах в основном родственными узами. В основе этого процесса, конечно, лежит дальнейший рост производительных сил, которые сделали возможным ведение хозяйства силами малых семей. Причем, хотя эти новые общины получили определенную территорию под пахоту и пр. общественные угодья из владений «старой общины», последняя сохранила за собой ряд участков в качестве общей альменды, которая осталась и в позднее время.

Такая «старая община» могла служить основой, вокруг которой группировались другие деревни, выделившиеся из нее позднее и пользовавшиеся общими неподеленными угодьями.

Таким образом, основой всех «вольных обществ» Дагестана являются неподеленные угодья, вокруг которых сгруппировался ряд бывших родственных сел. В своем историческом развитии они потеряли родственные узы, взамен чего приобрели новые экономические связи.

Другая сторона этого вопроса — это время образования этих «вольных обществ». Во всяком случае образование основного ядра «вольных обществ» шло параллельно складыванию сельских территориальных общин в Дагестане вообще. Другое дело образование союзов сельских общин, которые включали в свой состав не только бывшие родственные общины, но и целый ряд близлежащих общин — «чужаков». Данный процесс, на наш взгляд, протекал параллельно образованию феодальных государств на территории Дагестана, как необходимая

¹²⁰ М. Агларов. Указ. соч., стр. 189.

¹²¹ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

¹²² Гидатлинские адаты, стр. 7.

¹²³ Б. Г. Алиев. Земельные отношения в Урахинском союзе сельских общин. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, № 132, стр. 14.

¹²⁴ Б. Г. Алиев. Социальные отношения в Акуша-Дарго... стр. 16—17.

и естественная реакция сельских общин на территориальные претензии дагестанских феодалов.

В сложной внешнеполитической обстановке, когда правители раннефеодальных государств Дагестана стремились к территориальному закруглению своих владений, «вольные общества» путем выделения части общей альменды соседним общинам — «чужакам» привлекали их на свою сторону и, таким образом, объединенными усилиями отстаивали свою территориальную целостность. Для иллюстрации этого положения снова обратимся к гидатлинским адатам. Согласно этим адатам, Гидатлинское общество выделяло часть земли «при Большой речке» обществу Батлук, чтобы последнее присоединилось к Гидатлинскому обществу. Для этих же целей были выделены крупные массивы и урибцам. В случае отхода этих обществ от Гидатлинского союза, они теряли права и на эти земли, которые возвращались обратно Гидатлинскому обществу¹²⁵.

Таким образом, общая альменда всегда обеспечивала Гидатлинское общество союзниками, она была гарантией существования союза как такового.

Наличие общей альменды в «вольных обществах», с одной стороны, свидетельствует о родственном принципе их образования, с другой — эта же альменда, наряду с другими пережитками патриархально-родовой общины, сыграла решающую роль в консервации общинных порядков в Дагестане.

По своей внутренней структуре, хозяйственной организации «вольные общества» выступают как типичные сельские общины с той лишь разницей, что данная община состоит не из одной деревни, как это было в большинстве случаев в Дагестане, а из нескольких бывших родственных деревень. В остальных случаях особых принципиальных различий между сельскими общинами, состоящими из одной деревни, и «вольными обществами» не наблюдается.

По своему экономическому и социальному положению дагестанские общинники были не однородной массой. Те тенденции, которые, по определению К. Маркса, подтачивали и разрушали «земледельческую общину», создавая базу для роста экономического и социального неравенства внутри нее¹²⁶, проявлялись и в дагестанской общине.

О существовании экономического неравенства в среде свободных общинников можно судить не только по средневековым могильникам¹²⁷, но и по адатам дагестанских народов. Так, в кодексе Умма-хана Аварского говорится об общиннике,

у которого нет никакого имущества¹²⁸. Кроме того, на существование имущественного неравенства в среде свободных общинников указывает и то обстоятельство, что свободный общинник, который своевременно не уплатил долг, обязан был платить в увеличенном размере¹²⁹. Вполне вероятно, что будучи не в состоянии уплатить увеличенный долг, он попадал в долговую кабалу. По кодексу Умма-хана Аварского кредиторы не имели права претендовать на имущество родственников должника¹³⁰ и поэтому последний обязан был покрыть долг в срок, иначе он попадает во временную зависимость от займодавца, которая длится до тех пор, пока не отработана вся суда.

Таким образом, личная, а затем поземельная зависимость с предшествовавшим им экономическим неравенством среди общинников способствовали формированию основных классов феодального общества в Дагестане.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В V—XI ВВ.

Существующие данные различных источников по истории рассматриваемого времени свидетельствуют о том, что данный период в истории Дагестана был периодом подъема хозяйственной жизни народов Дагестана, временем дальнейшего развития ремесленного производства и выделения из ремесла отдельных его отраслей, а также оживления торговых связей со многими народами Кавказа и мира, вещественным выражением которого являлся расцвет городской жизни в Дагестане, что было теснейшим образом связано с внутренними процессами, переживаемыми дагестанским обществом рассматриваемого времени.

Вместе с тем, исключительно богат этот период и политическими событиями, которые известны относительно хорошо, благодаря раннесредневековым армянским, грузинским, арабским, а также местным нарративным источникам. Что же касается вопросов социального порядка, классовой структуры дагестанского общества, то эти вопросы нашли отражение в этих источниках в самых общих чертах. Поэтому изучение этого чрезвычайно сложного вопроса сопряжено с известными трудностями и не случайно исследователи этого периода ограничивались простой констатацией бесспорного факта наличия в Дагестане «царей», феодалов и зависимых, без определения занимаемого ими места в социальной организации дагестанского общества рассматриваемого времени, без выяснения

¹²⁵ Гидатлинские адаты, стр. 9.

¹²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 694—695.

¹²⁷ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 245.

¹²⁸ Кодекс Умма-хана Аварского. Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 266.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

функций, полномочий каждого сословия, их материальных ресурсов, а также взаимоотношений этих сословий между собой, что крайне необходимо для выяснения характера социальной организации раннесредневекового Дагестана. Поэтому, если нам удастся дать, хотя бы самую общую характеристику социального организма раннесредневекового Дагестана, то поставленную перед собой задачу, мы считали бы выполненной, ибо даже такая характеристика будет способствовать показу степени феодализации Дагестана в V—XI вв. Настоятельная необходимость изучения данного вопроса в этих хронологических рамках диктуется тем обстоятельством, что без исследования этого вопроса в раннем средневековье всегда остается почва для архаизации общественного строя Дагестана, что делалось до последнего времени.

* * *

Дальнейший рост производительных сил, развитие различных отраслей производства существеннейшим образом отразились на социальной организации дагестанского общества к рассматриваемому времени. Судя по археологическим материалам, дающим богатые комплексы (Бежта), а также по некоторым различиям в погребальном обряде Агачкалинского могильника¹³¹, а также по захоронениям отдельных черепов (В. Годатль¹³², Бежта¹³³) в дагестанском обществе усиливается имущественная и социальная дифференциация. Источники же сообщают о наличии в Дагестане к началу рассматриваемого времени 11 царств. Бесспорно, эти царства образовались как необходимое следствие все возрастающей имущественной и социальной дифференциации в дагестанском обществе, когда оно раскололось на два враждебных социальных слоя — феодалов и зависимых... «Государство, как особый аппарат принуждения людей, — пишет В. И. Ленин, — возникло только там и тогда, где и когда появилось разделение общества на классы...»¹³⁴. Конечно, мы далеки от утверждения, что в дагестанском обществе уже сложились к интересующему нас времени основные классы феодального общества. Процесс закрепощения свободных общинников в Дагестане в силу ряда причин протекал чрезвычайно замед-

ленными темпами и этот процесс не завершился и в позднее время. Свободная сельская община в горах Дагестана продолжала существовать во все средневековье. Тем не менее, именно с этого момента в лице раннефеодальных государств господствующие слои Дагестана получили мощное средство закабаления общинников.

Согласно письменным источникам, во главе раннефеодальных государств стояли «цари»¹³⁵. Однако эти же источники, к сожалению, не сообщают о полномочиях дагестанских царей. Тем не менее, по косвенным источникам нетрудно установить некоторые функции царей дагестанских народов. Прежде всего они выступают в качестве военачальников. Так, еще в 371 году в знаменитом Дзиравском сражении во главе среднего полка албанских войск стоял «храбрый Шергир, царь левков»¹³⁶. Во всех политических событиях V—VI вв. дагестанские цари во главе своих войск принимали самое активное участие то на стороне персов, то на стороне армян. Это явление прекрасно иллюстрируют раннесредневековые армянские источники.

Кроме того, строительство крепостей, оборонительных сооружений на территории каждого царства являлось также компетенцией дагестанских царей. Для строительства крепостей привлекались не только собственно дагестанские народы, но и военнопленные, которых превращали в рабов. Для иллюстрации этого предположения приведем следующее сообщение албанского историка.

Перед Дзиравским сражением, где, как было сказано выше, приняли участие и дагестанские цари со своими полками, албанский царь Урнаир предупредил свои войска, говоря: «Когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд»¹³⁷. В результате строительной деятельности дагестанских царей, в Дагестане к началу рассматриваемого периода было много городов-крепостей. О наличии в Дагестане большого количества городов свидетельствуют археологические раскопки и разведки последних лет¹³⁸ и письменные источники: «Жители из пределов Даду живут в городах, у них крепости»¹³⁹.

¹³⁵ М. Каганкатваци. История Агван, СПб., 1861, стр. 11.

¹³⁶ М. Хоренский. История Армении. Пер. Н. Эмина. М., 1858, стр. 194.

¹³⁷ Ф. Бузанд. История Армении. Пер. с арм. М. А. Геворгиян. Ереван, 1953 г. кн. 5, гл. 4.

¹³⁸ В. Г. Котович, М. Магомедов и др. Указ. соч., стр. 51—99; Исламмагомедов, А. Указ. соч., стр. 159—160.

¹³⁹ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л. 1941, стр. 83.

¹³¹ Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане, как исторический источник. КСИИМК, вып. 46, 1952, стр. 103.

¹³² М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований в 1956 г., ч. II, РФ ИИЯЛ, д. 2312, стр. 108—109.

¹³³ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 245.

¹³⁴ В. И. Ленин. О государстве. ОГИЗ, 1945, стр. 8.

Наличие большого количества городов-крепостей в Дагестане говорит об относительно сильной политической власти дагестанских царей, способной мобилизовать средства на строительство этих городов и др. оборонительных сооружений. Это же обстоятельство свидетельствует об относительно развитом государственном аппарате.

Очевидно, дагестанские цари занимались и комплектованием гарнизонов этих крепостей, снабжением воинов и т. д. Правда, для начала рассматриваемого времени у нас нет определенных данных по этому поводу, но автор X в. особо подчеркивал мощь и неприступность крепостей царя Сарира, в одной из которых ежедневно сменялись, по словам автора «Худуд ал-Алам», стража из 1000 человек»¹⁴⁰.

Думается, что будет небольшой ошибкой, если мы предположим существование такого же порядка и в начале рассматриваемого времени. В пользу этого предположения говорит и свидетельство Балазури, который подчеркивал, что охрану пограничных крепостей Хосров Ануширван поручил местным дагестанским царям¹⁴¹, которые, по-видимому, и в то время, т. е. в VI в., занимались комплектованием и снабжением своих крепостей.

Кроме того, дагестанские цари при необходимости посылали свои войска и за пределы своих территорий для участия в политических событиях кавказского мира. Так, во время восстания армян против Сасанидского Ирана в 450—451 году войска почти всех дагестанских народов принимали участие на стороне персов.

Персы сумели провести полный набор «всех войск Таваспарана, горного и равнинного, и всю крепостную страну гор»¹⁴², — пишет Егише, современник этих событий. Очевидно во главе этих войск находились не дагестанские цари, а их военачальники. В противном случае Егише, будучи секретарем Вардана Мамиконяна, руководителя восстания армян упомянул бы об их участии потому, что он прекрасно знал участников этих событий.

Внешнеполитические сношения, заключения всевозможных договоров и т. д. также являлись функцией дагестанских царей еще в начале рассматриваемого времени. Это положение прекрасно иллюстрируют письменные источники. Согласно Балазури, Хосров Ануширван «заключил с ними (дагестан-

скими царями—А. Ш.) мир, обязав платить ему подати»¹⁴³. Отсюда видно, что дагестанские цари, будучи самостоятельными правителями подвластной им территории, от имени всего государства вступали в политические переговоры с другими государствами, с которыми цари вынуждены были считаться при решении военных вопросов. Но тем не менее, это не меняет положения потому, что царь все таки, в конечном счете, являлся главой государства. Дагестанские царства выступают как целый политический организм, иначе Сасаниды при заключении договоров с царствами Дагестана не воспринимали бы их как самостоятельные государства.

Еще в IV в. деки и таваспары в политическом отношении как единое целое входили в состав Албании, сохраняя политическую самостоятельность и автономно решая все вопросы внешней и внутренней политики¹⁴⁴.

О материальных ресурсах дагестанских царей в нашем распоряжении нет определенных данных. Но тем не менее с уверенностью можно предположить, что источником существования царя и его приближенных являлись всевозможные феодальные поборы, которые несли подданные дагестанских царей. О том, что дагестанские цари собирали подати с подвластной им территории сообщают раннесредневековые источники¹⁴⁵. Кроме того, немаловажным фактором пополнения казны дагестанских царей являлись также подарки, иногда регулярные жалования, которые платили Сасаниды дагестанским царям за несение пограничной службы на северных границах Сасанидской империи. В этом отношении характерно сообщение армянского историка V в. Егише, который указывает, что во время восстания армян против Сасанидов в 450—451 гг. последние с помощью Васака сумели принудить дагестанских царей выступить на их стороне, привлекая их «богатством, значительными подарками и щедрым дежом казенных денег»¹⁴⁶.

О том, что дагестанские феодалы получали подарки от сасанидских правителей, свидетельствуют не только письменные источники, но и некоторые найденные в Дагестане великолепные бронзовые изделия, в частности замечательный бронзовый кувшин своеобразной формы, близкой, в известной мере, к форме сасанидских кувшинов, который в настоящее время хранится в Эрмитаже¹⁴⁷.

¹⁴⁰ Худуд ал-Алам. Цит. по В. М. Бейлису. Из истории Дагестана VI—IX (Серир) «Исторический журнал», № 73, 1963, стр. 264.

¹⁴¹ Баладзори. Указ. соч., стр. 6—7.

¹⁴² Егише. Война армян против персов. Пер. и прим. Э. Диллена, Харьков, 1884, стр. 121.

¹⁴³ Баладзори. Указ. соч., стр. 7.

¹⁴⁴ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 150.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Егише. Указ. соч., стр. 121.

¹⁴⁷ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 317.

Егише недвусмысленно подчеркивал, что Сасаниды привлекали на свою сторону дагестанских царей не только раздачей денег и прочих драгоценностей, но и «утвари»¹⁴⁸, т. е. аналогичных этому кувшину вещей.

Не настаивая на том, что именно этот кувшин попал в Дагестан в качестве подарка дагестанским правителям за участие в подавлении восстания армян, сам по себе этот факт свидетельствует о том, что дагестанские мастера имели образцы сасанидских изделий, которым впоследствии подражали, а затем наладили собственное производство аналогичных изделий, которые шли на удовлетворение нужд феодальных дворов. О сильном влиянии сасанидского искусства на искусство дагестанских народов отмечает ряд исследователей¹⁴⁹.

Немаловажным источником обогащения царей и знати были военные походы в богатые закавказские страны. Именно «промысел войны» был постоянным источником накопления богатства в руках царей и знати. В этом отношении характерны мотивы отказа маскутов принять христианство во время посольства к ним епископа Григориса. «Это лукавство армянского царя... Если мы не станем грабить, то чем нам жить?»¹⁵⁰, — утверждали противники принятия христианства, которые, в конечном счете, одержали верх и Григорис был убит, христианство было отвергнуто маскутами.

Несмотря на то, что речь здесь идет не о дагестанских народах, а о маскутах, это не меняет положения. Дагестанские народы в течение V—VI вв. постоянно принимали участие в военных действиях то на стороне персов, то против них и во время этих походов территория Армении постоянно подвергалась грабежу и разорению. Львиная доля военной добычи бесспорно присваивалась царями и их приближенными.

Постепенное упрочение государственных образований Дагестана, а равно стабилизация власти их правителей к началу рассматриваемого времени объяснялась не только военными нуждами в сложную эпоху великого переселения народов, когда Дагестан пережил нашествия многочисленных кочевников, но и ускоренным внутренним развитием самого дагестанского общества, прежде всего социальной дифференциацией, заинтересованностью нарождающейся знати в относительно сильном государственном организме, способном закрепить классовые завоевания знати. Уже к VI в. дагестанские цари выступают как верховные собственники подвластной им террито-

рии, с которой они собирают подати. В свою очередь сбор податей дагестанскими царями с подвластной им территории позволяет предполагать наличие в царствах Дагестана относительно развитого аппарата принуждения, который обеспечивал регулярное поступление финансовых поборов.

Возможно, что власть дагестанских царей к началу рассматриваемого времени была ограничена народным собранием, что можно предположить из средневековых источников. Согласно письменным источникам, высшая власть у соседних маскутов сосредотачивалась в руках царя. Однако власть царя была ограничена народным собранием.

Данное положение, характерное для маскутов-кочевников, нельзя автоматически распространять на весь Дагестан и утверждать на этом основании, что власть всех дагестанских царей была ограничена народным собранием¹⁵¹. Власть царей собственно дагестанских народов была более стабильной и устойчивой, нежели власть царя маскутов-кочевников.

Стабилизация власти дагестанских царей отражает усиление имущественной и социальной дифференциации дагестанского общества, о чем говорилось выше. К сказанному необходимо присовокупить и то обстоятельство, что наличие социальной дифференциации в Дагестане свидетельствуют некоторые изделия ремесленного производства, которые были найдены в Дагестане. Так, замечательные бронзовые изделия, которые в настоящее время хранятся в Эрмитаже (чеканное бронзовое блюдо, группа прекрасных водолеев, курительниц и т. д.), качественно отличающиеся от подобных изделий Армении, Ирана¹⁵², могли принадлежать дагестанской знати. Производство подобных изделий в Дагестане вообще, в Кубачах, Бежта, в частности, свидетельствует о наличии мастеров, обслуживающих феодальные дворы. Об этом же свидетельствуют некоторые образцы ремесленного производства, обнаруженные при раскопках раннесредневековых могильников (Агачкала¹⁵³, Бежта¹⁵⁴), для изготовления которых требовалось большое мастерство и узкая специализация ремесленного производства.

Таким образом, к VI в. в Дагестане существовала давно сложившаяся и довольно устойчивая царская власть. Поэтому несколько анахронизмом звучат слова Балазури, который пишет, что дагестанских царей выбрал Ануширван: «И выб-

¹⁴⁸ Ф. Бузанд. Указ соч., стр. 13—14; Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 32.

¹⁴⁹ К. В. Тревер. Указ соч., стр. 317.

¹⁵⁰ Н. В. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана, КСИИМК, вып. 38, стр. 119.

¹⁵¹ Д. М. Атаев. Указ соч., стр. 238.

¹⁴⁸ Егише. Указ соч., стр. 94.

¹⁴⁹ А. И. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, стр. XIV—XVI.

¹⁵⁰ Моисей Каганкатваци. Указ соч., стр. 79.

рал Ануширван царей и назначил им, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью»¹⁵⁵.

Ануширван, бесспорно, застал здесь, в Дагестане, уже готовые государственные образования во главе со своими правителями. В пользу этого говорит целый ряд армянских историков V—VII вв. Кроме того, Ануширвану незначительно было заключать мирные договоры с дагестанскими царями; если бы они были его ставленниками. В данном случае Ануширван формально закрепил за царями Дагестана ту территорию, «шахство», которой они владели и до него, обязав их платить ему подати, что нашло отражение в исторической традиции.

Во время арабских завоеваний дагестанские цари продолжают выступать как самостоятельные правители раннефеодальных государств, с которыми арабы заключают мирные договоры.

Для послеарабского времени в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие дать не общую характеристику социального строя всего Дагестана, а подойти к каждому раннефеодальному государству отдельно, ибо для каждого раннефеодального государства характерны некоторые особенности социального развития, различные степени феодализации их обществ и т. д., что диктует необходимость дифференцированного подхода при изучении их социального организма. Поэтому в дальнейшем постараемся показать социальный строй каждого политического образования Дагестана вплоть до XI в. включительно.

ДЕРБЕНТСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Согласно письменным источникам, социальный организм Дербентского княжества состоит из ряда социальных прослоек, которые занимают различное место в социальной организации общества. В качестве вершины социальной пирамиды Дербентского княжества выступают эмиры. Поэтому характеристику этих социальных прослоек начнем именно с них.

Управление Дербентом и его округой со времен арабских завоеваний осуществлялось до середины IX в. наместниками Арабского халифата. Примерно с начала IX в. сепаратистские тенденции в Арабском халифате усиливаются, что привело к распаду этого огромного государства и образованию целого ряда независимых государств с наследственными правителями во главе. Аналогичный процесс переживало и наместничество Эрменийа, т. е. кавказ-

ское владение арабов, которое также добывается независимости. Дербентское эмиратство добывается независимости в 869 году¹⁵⁶. Возглавляла это государство мусульманская династия Хашимидов, правившая Дербентом до 1077 года, т. е. «ее господство продолжалось 215 лет»¹⁵⁷.

Верховная власть в Дербентском княжестве была сосредоточена в руках эмиров. При решении повседневных задач они опирались на целый штат «советников», которых возглавлял «везир»¹⁵⁸. Функции последнего, к сожалению, не вполне ясны.

Автор «Тарих-ал-Баб» дает только везиру эмира Абд ал-Малика очень лестную характеристику: «Он был милостивый и благородный человек достойного образа жизни и похвального поведения»¹⁵⁹. В Ширване везиры иногда играли крупную роль и они обладали обширными полномочиями. Видимо, аналогичный порядок существовал и в Дербенте. Наличие советников и везиров в Дербенте позволяет предполагать, что здесь существовал очень развитый аппарат управления.

Кроме того, эмиры при управлении княжеством считались со мнением раисов и «мудрых стариков», которые, по-видимому, выступали в роли советников. Это положение прекрасно иллюстрирует «Тарих ал-Баб»: «Он (эмир—А. Ш.) действовал со справедливостью и бескорыстием, решая дела, только посоветовавшись с мудрыми стариками и «начальниками». Чтобы он ни делал, он делал только по общему соглашению»¹⁶⁰. Несмотря на эти ограничения, власть эмиров была устойчивой. После смерти эмира ему автоматически наследовали его потомки.

В результате укрепления центральной власти Дербентское княжество играет ведущую роль в политических событиях Северного Кавказа. Эмиры ведут активную внешнюю политику, расширяют территорию своего княжества за счет захвата Маската¹⁶¹ и некоторых населенных пунктов, принадлежащих Шандану¹⁶², а также совершают грабительские походы на Шандан, Кайтаг и Сарир, захватывают крупные военные добычи и рабов. Кроме того, эмиры во главе газиев, «чтецов Корана», а также всевозможных «добровольцев», совершают «исламские» набеги на царства Дагестана. В результате этого Уркарах принял ислам и стал мусульманским «центром», правители его придерживались дербентской ориентации.

¹⁵⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 64.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же, стр. 71.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, стр. 65.

¹⁶¹ Там же, стр. 64.

¹⁶² Там же, стр. 65.

¹⁵⁵ Баладзори. Указ. соч., стр. 7.

Немаловажную роль в усилении власти эмиров, а также в повышении престижа их, играл город Дербент, как порт их внешнеполитических противников. Дагестанские цари были заинтересованы в сохранении благожелательного отношения к ним со стороны дербентского эмира, чтобы беспрепятственно пользоваться портом в торговых целях, продавать своих рабов и получать привезенные товары, в которых была заинтересована феодальная знать. Поэтому торговые операции, осуществляемые в Дербенте, служили тем рычагом, с помощью которого эмиры могли воздействовать на дагестанских царей.

Этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что царь Сарира, когда дербентский эмир, после неудачного похода на Шандан попал в плен, очень благосклонно отнесся к нему и отпустил его вместе с раисами: «Затем, высказав им (эмиру и его начальникам — А. Ш.) любезность и одарив их подарками очистил для них путь»¹⁶³. В то же время жители Шандана и Кайтага всех мусульман, попавших к ним в плен в этом бою, продали в рабство.

Экономической основой усиления власти дербентских правителей были все возраставшие феодальные поборы с «поместий и возделанных земель»¹⁶⁴ своих поданных, а также доходы с торговых операций, осуществляемых в Дербенте. Как и во всех средневековых городах, в Дербенте взималась определенная пошлина за ввозимые и вывозимые товары, которую присваивали эмиры. Поэтому они поощряли развитие ремесла и торговли в Дербенте. Этим можно объяснить поддержку, которую, как правило, оказывали торгово-ремесленные слои города эмиру в его борьбе с земледельческой знатью. Так, в событиях середины XI в., когда земледельческая знать подняла восстание против центральной власти, торгово-ремесленная знать была на стороне эмира. Очевидно, они были заинтересованы в сильной центральной власти, которая обеспечивала бы им спокойную внешнеполитическую обстановку для производства и сбыта ремесленных изделий, а также для ведения торговых операций. Одной из важнейших статей дохода дербентских эмиров была работоторговля. О том, что Дербент был крупнейшим центром работоторговли на Северном Кавказе, свидетельствуют все средневековые авторы. Многочисленные походы дербентских эмиров на немусульманские территории Северного Кавказа предпринимались, главным образом, с целью захвата пленных для дальнейшей продажи их. Автор «Тарих ал-Баб» неоднократно указывал, что дербентские

эмиры захватывали у своих противников «их имущество, полонили их детей и женщин»¹⁶⁵.

Дербентские эмиры не только продавали военнопленных, но и сами покупали рабов, из которых формировали личную гвардию (гулями). Гвардия эмира была комплектована из рабов в основном из русов. Она служила эмирам могучим средством в борьбе со своими политическими противниками. Гулями выполняли самые ответственные поручения эмиров, среди которых политические убийства занимали не последнее место¹⁶⁶. Процесс усиления власти эмиров Дербента продолжался до середины X в. С этого времени отчетливо заметна общая тенденция ослабления центральной власти.

Начало этому процессу было положено междоусобной борьбой между представителями династии Хашимидов. Так, в 916 году племянник эмира Абд ал-Малика б. Хашим Абу-н-Наджм восстал и с помощью «благосклонно» относящихся к нему жителей Дербента выгнал своего дядю из Дербента и захватил власть в свои руки¹⁶⁷. Но он правил Дербентом недолго. Вскоре Абд ал-Малик с помощью правителя Кайтага осадил Дербент, взял его и захватил всех восставших во главе с Абу-н-Наджмом в плен¹⁶⁸. После этого снова на короткое время власть дербентского эмира укрепляется. «Одержав победу над сыном своего брата, Абу-н-Наджмом, он умертвил его, и его положение укрепилося»¹⁶⁹, — пишет автор «Тарих ал-Баб».

Однако в Дербенте к этому времени резко усиливается земледельческая знать, которая уже не была заинтересована в сильной центральной власти. Поэтому закономерный процесс ослабления центральной власти, наметившийся к середине X в., привел к тому, что дербентские эмиры из полновластных правителей превратились в ставленников различных групп раисов, дальнейшая судьба которых находилась в прямой зависимости от расстановки сил противоборствующих групп раисов Дербента и его окрестностей.

Данное положение прекрасно иллюстрирует «Тарих ал-Баб». Если раньше (до середины X в.) после смерти эмира ему автоматически наследовали его потомки, независимо от желания раисов, то теперь положение резко изменилось: раисы «сажали» на престол удобного им человека из царствующих домов Дербента, Табасарана, ал-Лакза и Ширвана¹⁷⁰. Власть эмира находилась в прямой зависимости от пожелания раисов и ни один эмир не был уверен, что завтра он не будет

¹⁶³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48, 65.

¹⁶⁴ Там же, стр. 62.

¹⁶⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 65.

¹⁶⁶ Там же, стр. 69, 73.

¹⁶⁷ Там же, стр. 66.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же, стр. 67—79.

убран и на его место не будет поставлен другой. В результате такой практики эмир был лишен реальной власти и при управлении Дербентом он «оставался подчиненным раисам»¹⁷¹. Такая практика привела к тому, что во внутренние дела Дербента постоянно вмешивались почти все цари Дагестана, Ширвана, к которым обращались различные дружины раисов Дербента, отстаивающих свои кандидатуры на престол эмира.

Таким образом, к концу рассматриваемого времени власть дербентских эмиров ослабевает, эмиры превратились в марионеток различных групп раисов, интересы которых они защищали. В результате ослабления центральной власти, Дербент, несмотря на его укрепления, становился легкой добычей иноземных захватчиков. Уже в середине XI в. Дербент входит в состав империи сельджуков.

Раисы.

Под таким термином в «Тарих ал-Баб» выступают феодалы различных категорий. Раисы были крупными земельными собственниками в Дербенте и его округе, которые жили за счет эксплуатации крестьянского населения княжества. Дербентские эмиры были выходцами из этого слоя феодалов. Поэтому на первых порах эмиры были «первыми среди равных». Постепенно эмирам удалось подчинить себе феодалов и укрепить свою власть в государстве. Однако параллельно шел процесс экономического усиления и самих феодалов. Экономическое усиление феодалов происходило за счет беспощадной эксплуатации крестьян и издольщиков, которые сидели на землях поместий (дий'а). О формах эксплуатации крестьян и издольщиков известно ничтожно мало. Правда, в нашем распоряжении есть одно очень ценное замечание автора «Тарих ал-Баб», которое проливает в какой-то степени свет на этот вопрос. Так, раис Муфарридж «разослал своих сборщиков податей по селениям...»¹⁷². Отсюда видно, что феодалам Дербента принадлежало несколько селений. Кроме того, у феодалов, наподобие царей, имелся свой собственный штат сборщиков податей и других лиц, которые обеспечивали поступление феодальных повинностей.

К сожалению, мы не знаем размера повинностей крестьян, которые они должны были нести в пользу феодалов. О значительности феодальных поборов свидетельствуют косвенные данные. Дербентские феодалы, наподобие эмиров, обзаводились собственной гвардией из гулямов¹⁷³. Если бы эти феодалы были экономически слабыми, они вряд ли могли это делать, т. к. для содержания гвардии требовались значитель-

ные средства. Рабов необходимо было купить, затем — обучить их военному делу, содержать и т. д. Поэтому содержание личной пвардии было по плечу только экономически мощным феодалам.

Кроме того, дербентские раисы имели отряды «из подчиненных»¹⁷⁴, социальное лицо которых не вполне ясно. Личная гвардия и «отряды из подчиненных», по-видимому, выполняли две важнейшие задачи: во-первых, они обеспечивали поступление феодальных податей с зависимых крестьян и держали в повиновении их, и, во-вторых, вооруженные силы феодалов служили гарантией их прав на свои земли от посягательств со стороны других феодалов и эмира. Наличие вооруженной силы у феодалов позволяет нам предполагать, что феодалы в своих поместьях осуществляли и судебные функции, это открывало им широкие возможности для злоупотреблений.

Дальнейшее экономическое и политическое усиление феодалов привело к резкому столкновению с эмирами, которые вели централизаторскую политику. Примерно с середины X века раисы ведут длительную борьбу с центральной властью за подчинение ее власти феодалов. Экономическая подоплека этой затянувшейся борьбы, которая в конечном счете закончилась победой раисов, не совсем ясна. По-видимому, усиление центральной власти задевало какие-то экономические интересы феодалов. Во время сложной внешнеполитической обстановки раисы вынуждены были терпеть усиление власти эмиров, но когда внешнеполитическая обстановка стабилизировалась, когда их положение укрепилось, попытки эмиров подчинить их, опираясь на торгово-ремесленную знать города, раисы восприняли враждебно и начали решительную борьбу с центральной властью.

В ходе этой борьбы раисы выработали даже какие-то организационные формы, они объединились под началом могущественного феодала Муфарриджа, который выступает в источниках как «вождь раисов»¹⁷⁵, «глава начальников ал-Баба»¹⁷⁶. Вооруженные силы раисов не раз наносили поражение эмирам. К концу рассматриваемого времени раисы безраздельно контролировали Дербентское княжество, хотя номинально власть эмира продолжала существовать.

Бесспорно, что раисы не составляли однородной массы, среди них были не только крупные земледельцы, как раис Муфарридж, которым принадлежали несколько селений, но и мелкие. Эти мелкие феодалы, в свою очередь, находились в каких-то зависимых, вассальных отношениях от более крупных.

¹⁷¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 78.

¹⁷² Там же, стр. 77.

¹⁷³ Там же, стр. 74, 76.

¹⁷⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 71, 74.

¹⁷⁵ Там же, стр. 77.

¹⁷⁶ Там же, стр. 76.

Вполне возможно, что феодалы мелкоземельного типа получали свои земли от более крупных феодалов. Правомочность такого предположения документируется замечанием автора «Тарих ал-Баб», который пишет о каких-то феодалах, принадлежащих дому раиса Муфарриджа бен Музафара¹⁷⁷. Не исключена и другая возможность возникновения вассальных отношений между феодалами. Мелкие феодалы не могли защищать свои земли от захвата более могущественных феодалов. Поэтому они могли добровольно отдаваться под защиту крупных феодалов за определенную плату повинностей. Кроме того, зависимые феодалы обязаны были принимать участие в политических мероприятиях своих патронов. И не случайно поэтому феодалы этой категории со своими гулямами и зависимыми поддерживали крупных феодалов в их борьбе с центральной властью. Любопытно отметить, что мелкие феодалы по примеру своих патронов также содержали гвардию из гулямов¹⁷⁸.

Мелкие феодалы занимались непосредственной эксплуатацией крестьян тогда, когда их патроны или сюзерены находились в Дербенте, занимая определенные должности в феодальном государстве, что служило им дополнительным средством обогащения. В тексте «Тарих ал-Баб» упоминания о мелких феодалах встречается только тогда, когда события касаются всей округи, что лишний раз свидетельствует о том, что их резиденции находились вне дербентских стен. По требованию своих патронов, эти феодалы со своими вооруженными силами вмешивались в борьбу между раисами и эмиром, склоняя чашу весов на сторону раисов. В награду за такую поддержку Дербент иногда отдавался этим раисам и их гулямам на разграбление¹⁷⁹.

А'йан ас-суфуф. Собственно Дербент в рассматриваемое время выступает как крупный торгово-ремесленный центр на восточном Кавказе, который вел торговые операции с многими странами мира. Поэтому в политической жизни города важнейшую роль играла торгово-ремесленная знать города, которая в «Тарих ал-Баб» выступает под термином «а'йан ас-суфуф»¹⁸⁰. Для того, чтобы выяснить социальное лицо этих а'йан ас-суфуф необходимо, хотя бы в общих чертах, показать организацию ремесленного производства в Дербенте в рассматриваемое время. К сожалению, «Тарих ал-Баб», как и все средневековые хроники, главное внимание уделяет политической истории Дербента, касаясь всех осталь-

ных сторон общественной жизни лишь мимоходом. Поэтому по вопросу организации ремесленного производства «Тарих ал-Баб» дает лишь упоминание о раисе «дубильщиков» Хайсаме бен Майсуме и упоминание об «а'йане ас-суфуф». В. Ф. Минорский допускает перевод этого термина как «знать гильдий (разрядов)», однако считает более вероятным другое толкование этого термина — «знать среднего класса» или «аристократия базара»¹⁸¹. Разумеется, на основании столь неопределенного сообщения нельзя сделать никаких твердых выводов. Возможно, при обнаружении других, параллельных материалов, станет ясно, имеем ли мы право предполагать в упомянутой социальной группе верхушку городских (может быть даже цеховых) ремесленников.

Более определенно первое приведенное нами упоминание о существовании в Дербенте «старшины дубильщиков». Это сообщение указывает на значительную степень разделения труда в Дербенте к XI в., объединение ремесленников одной специальности в какие-то группы, наличие во главе этих групп старшин — раисов.

Само собой разумеется, что в ремесленную организацию во главе с раисом были организованы не одни только дубильщики, но и другие ремесленники Дербента.

Что же представляли собой эти организации дербентских ремесленников? Приведенное выше сообщение не позволяет определенно ответить на этот вопрос, однако дает право предполагать, что это были организации типа средневековых ремесленных цехов. Такое предположение тем более правомочно, что Дербент рассматриваемого времени относился к типичным развитым феодальным городам средневековья, где «идёт членение всего городского производящего населения на ремесленные организации, живущие своей внутренней «цеховой» жизнью, захватывающей круг определенного производства»¹⁸². Цехи возникают вместе с возникновением средневекового феодального города. А Дербент в рассматриваемое время переживал известный расцвет своего развития. В таких условиях не будет большой ошибкой, если предположить наличие в городе каких-то организаций ремесленного производства.

Следует однако отметить, что из-за отсутствия прямых указаний наше предположение (хотя и очень вероятное) не может считаться категорическим утверждением. Кроме того,

¹⁷⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 76.

¹⁷⁸ Там же, стр. 74, 76.

¹⁷⁹ Там же, стр. 76.

¹⁸⁰ Там же, 166—167.

¹⁸¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 167.

¹⁸² А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи. Сб. Фирдоуси. Л., 1934, стр. 66.

Дербент был тесно связан с мусульманским миром и, разумеется, мог заимствовать уже сложившиеся в средневековых городах Ближнего и Среднего Востока формы организации городского ремесла, как оболочку для отношений, выросших на местной почве. Тем не менее, в Дербенте к концу рассматриваемого времени существуют ремесленные организации во главе со старшинами-раисами.

К концу рассматриваемого времени Дербент окончательно сформировался, как восточный феодальный город, который топографически отражал во внешнем строении всю свою социальную структуру.

Центральная часть его представляла собой совокупность ремесленных кварталов (махалла), где сосредоточен определенный вид ремесла. Будучи в обыкновенное время местом производственной жизни, махалла в базарные дни становилась оживленными торговыми центрами¹⁸³. Согласно Табари, Маслама впервые в Дербенте создает своеобразные микрорайоны — махалла. «Маслама разделил город (Дербент — А. Ш.) на кварталы, из коих первый отдал выходцам из Шама, другой — племени Химе, третий — выходцам из Дамаска, а четвертый — арабам Джазира»¹⁸⁴. Следовательно, жители каждой махалла становились как бы клиентами (мавали) арабов, которых они должны были содержать.

Вполне возможно, что в Дербенте, как и в восточных городах, в этих махалла был сосредоточен определенный вид ремесла.

Конечно, было бы большой ошибкой предполагать, что ремесленники были хозяевами города. Настоящими владыками в городе были представители династии Хашимидов, торгово-ремесленная знать, земледельческая знать, которые в городе имели движимое и недвижимое имущество.

В рассматриваемое время огромное значение для Дагестана имела морская и караванная торговля, которая связывала Дагестан со странами Закавказья, Передней и Средней Азии, а также со странами юго-восточной Европы, в первую очередь с Русью. Средневековые географы и историки дают подробные маршруты путей этой торговли с перечнем проходивших городов, с точным указанием расстояния между ними, с описанием исторической топографии городов, с перечислением вывозимых и ввозимых товаров.

Караванная торговля была основана на перевозке как предметов роскоши, которые покупались феодализирующейся верхушкой дагестанского общества, так и предметов первой необходимости, продуктов питания, необходимого для ремесленного производства сырья.

¹⁸³ А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи, стр. 65.

¹⁸⁴ Дербент-наме, стр. 142.

К сожалению, мы не знаем ни организации морской и караванной торговли, ни в чьих руках она находилась. В источниках чаще всего упоминаются «мусульманские купцы» и поэтому трудно определить их национальную принадлежность.

Купцы, конечно, не могли вести караванную торговлю в индивидуальном порядке, так как издержки на отправку даже самого небольшого каравана были непосильны и для самого богатого купца. Поэтому можно предположить наличие в Дагестане рассматриваемого времени купеческих объединений, ставивших себе целью ведение торговых операций караванным путем. Во главе этих объединений находились наиболее богатые купцы, которых автор «Тарих ал-Баба» называет «а'йан ас-суфуф» (аристократия базара).

Первой и наиболее распространенной формой капитала было ростовщичество. «Капитал ростовщический, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала... и наблюдается в разнообразнейших экономических общественных формациях»¹⁸⁵.

Бурный рост торговли в Дагестане с VIII в., приносящий большие прибыли, думается, не мог обойтись без ростовщического капитала. Возросшая торговля требовала значительных денежных вложений, а иногда краткосрочных и долгосрочных ссуд. Из источников мы знаем, что, начиная с III г. хиджры (729—30), по 191 (753—54) год в Дербенте осуществлялась значительная чеканка дирхемов¹⁸⁶, которые, очевидно, шли не только для удовлетворения нужд арабского гарнизона в Дербенте, но, главным образом, для дальнейшего расширения международной торговли, центром которой на Каспийском море стал Дербент. Поэтому вряд ли приходится сомневаться в процветании, по крайней мере в Дербенте, Семендере и в ряде других населенных пунктах, которые были местом пребывания феодальных правителей Дагестана, ростовщичества. В пользу данного предположения свидетельствует и указание албанского историка М. Каганкатваци о наличии в Албании лиц, дававших деньги под проценты¹⁸⁷.

В условиях большого риска, которому подвергался ростовщик, ссужающий деньги, в условиях господствовавшего натурального хозяйства и слабого развития товарного производства ростовщический кредит не мог быть дешевым. Чем менее развито товарное производство, тем выше должен быть размер процента.

¹⁸⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 607.

¹⁸⁶ Е. А. Пахомов. Монеты Азербайджана, вып. 1. Баку. 1959, стр. 58—59.

¹⁸⁷ М. Каганкатваци. Указ. соч., стр. 349.

Укрепление центральной власти обеспечивало купцам возможность безопасного плавания по Каспийскому морю и транспортировки товаров на суше.

Поэтому торгово-ремесленная знать, как правило, выступает в защиту центральной власти. Так, например, во второй половине XI в. владетель Сарира совершил крупный поход на Дербент¹⁸⁸. Правителю Сарира оказывали помощь местные раисы Дербента, да и весь поход был инсценирован дербентскими раисами, которые добивались чужими руками ослабить власть эмиров. В этот критический момент на стороне эмира выступили торгово-ремесленные слои города, которые, в конечном счете, отогнали войско царя Сарира. «Раздались крики и призывы к оружию, и эмир Мансур выехал с теми из своих сотоварищей и а'йан ас-суфуф, которые последовали за ним»¹⁸⁹. Благодаря их помощи «владетель Сарира должен был с позором отступить»¹⁹⁰.

Эксплуатация ремесленников и торговые операции были источником богатства дербентских а'йан ас-суфуф и их господствующего положения на политику. Вполне возможно, что торгово-ремесленная знать города имела свои собственные вооруженные силы.

Как отмечено выше, к концу рассматриваемого времени вся власть в Дербентском княжестве находилась в руках земледельческой знати — раисов. Затянувшаяся борьба между эмиром и торгово-ремесленной знатью, с одной стороны, и раисами — с другой, закончилась победой последних: раисы взяли город, разрушили правительственные здания и «велели гулямам разграбить город. И в ту же ночь в городе произошло великое бесчинство, о подобном которому никто в этих краях не слыхивал». Эмиру и его опоре торгово-ремесленной знати был нанесен сокрушительный удар, от которого они не сумели оправиться. С этого времени наблюдается и общая аграризация экономики Дербента, начался упадок ремесла и торговли, что привело к падению роли торгово-ремесленной знати. В аграризации дагестанских городов вообще, Дербента, в частности, громадную роль сыграло и то обстоятельство, что Дагестан был отрезан к концу рассматриваемого времени от своих традиционных торговых путей с юга сельджуками и половецко-кипчакскими племенами с севера.

К сожалению, нет данных о формах эксплуатации этого основного производящего сословия в Дербентском княжестве, и только по косвенным данным можно проследить формы эксплуатации этого со-

циального слоя Дербентского общества. Как было сказано выше, с начала рассматриваемого времени до начала IX в. само раннефеодальное государство противостояло крестьянам-общинникам и через свой государственный аппарат собирало подати. Поэтому, получаемая дагестанскими царями дань с подвластной им территории, была близка по своей природе с феодальной рентой. При такой форме эксплуатации основная масса крестьян-общинников остается юридически свободной. И не случайно поэтому для V в. источники не дают сведений, подчеркивающих правовое неравенство общинников. И с другой стороны, если брать во внимание то обстоятельство, что дагестанские народы в качестве ополчения были вооружены, если вооруженный народ выступает в качестве народного собрания, на котором порою выбирались цари и решались важнейшие вопросы, касающиеся всего государства, то станет очевидным, что основная масса крестьян выступает как-будто свободной. В то же время археологический материал свидетельствует о существовании имущественного неравенства среди них и это экономическое неравенство, зафиксированное археологическими раскопками в Дагестане, существовавшее в дагестанском обществе и в V в. сводит на нет кажущееся равенство в правовом отношении в дагестанском обществе и поэтому общинная знать узурпировала права сельского схода, на котором состоятельная часть общины диктовала свою волю и принимались решения, угодные ей. Это положение в дагестанском обществе привело к тому, что если в источниках V в., касающихся дагестанских народов, фигурирует неопределенное понятие «народ», то в послеарабское время дагестанское общество выступает более дифференцированно в социальном отношении, дагестанская феодализирующаяся знать окончательно выделилась из среды общинников как юридически оформившийся слой населения. Параллельно этому явлению усиливается процесс размывания общинников и лишения их владельческих прав на землю. Усилению этого процесса соответствовало возникновение в Дагестане в IX в. феодальной категории землевладения икта, что привело и к эволюции феодальных повинностей. Дань (подати), собираемая центральной властью, превратилась в регулярно собираемую феодальную ренту, которую платили уже не свободные, а феодально-зависимые крестьяне.

Если раньше свободные общинники, как собственники земли, платили только поземельную подать в пользу центральной власти, то теперь право взимания податей переходит к феодалу, который, опираясь на свои вооруженные силы (гулямов), мог повысить размеры феодальных повинностей.

¹⁸⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же, стр. 74.

О форме взимания этих податей дагестанскими феодалами в нашем распоряжении есть только два чрезвычайно интересных замечания автора «Тарих ал-Баб»: «Затем Муфарридж... вместе с другими карахскими начальниками отправился в Маскат собирать урожай». Очевидно, феодалы осенью отправлялись по деревням со своими гулямами и собирали подати с зависимых крестьян. О размерах податей данных нет. В другом месте «Тарих ал-Баб» говорится, что тот же Муфарридж отправил своих сборщиков податей по селениям¹⁹¹ для взимания феодальных поборов.

Очевидно, степень эксплуатации крестьян-общинников была относительно высокой потому, что в Дербенте к концу рассматриваемого времени существует слой издольщиков. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что и сами крестьяне не составляли однородной массы: прежде всего сельская верхушка при благоприятных условиях могла пополнить ряды мелких феодалов, а некоторая часть рядовых общинников, наоборот, теряла свои права на землю и попадала в разряд издольщиков.

Издольщики. Выше мы отмечали, что арабская колонизация в Дагестане сопровождалась перераспределением земельного фонда. Выходцы из Сирии, Куфы, Басры и др. арабских областей заняли значительные земельные массивы в Южном Дагестане, а местное население обьязано было обрабатывать земли переселенцев. Об этом красноречиво свидетельствует Балазури: «Когда арабы заняли Азербайджан, то многие племена из двух областей (Басры и Куфы) и Сирии устремились туда, причем каждое из них захватило то, что могло захватить, некоторые же приобрели за деньги земли у местных жителей; кроме того им были уступлены для охраны деревни, жители которых, т. о. сделались издольщиками (музара'а), работавшими на них»¹⁹². Арабские переселенцы обосновались не только в Азербайджане, но и значительные массы арабов обосновались в Дербенте, Камахе, ал-Мухаммедийа, Баб-Ваке, Рукеле, Кала-Суваре и др. населенных пунктах Южного Дагестана¹⁹³. Земли арабских военачальников в Дагестане, как и в других завоеванных областях Халифата, обрабатывались издольщиками. Категория зависимого сословия издольщиков музара'а была широко представлена в Азербайджане¹⁹⁴, Средней

Азии¹⁹⁵, Афганистане¹⁹⁶, Иране¹⁹⁷ и др. областях Халифата, вплоть до Испании¹⁹⁸. Данная категория феодально-зависимых крестьян встречается и в Дагестане. Так, например, согласно «Тарих ал-Баб», в Южном Дагестане существовала категория феодально-зависимых крестьян музара'а. В «Тарих ал-Баб» музара'а упоминается в связи с мероприятиями дербентских райсов и эмира по охране домов «музара'а ва акара»¹⁹⁹ от нападений курдов²⁰⁰. Что из себя представляла социальная категория музара'а? Техническое значение этого термина для VIII—XI вв. дали А. Ю. Якубовский²⁰¹ и Б. Н. Заходер²⁰². Термин музара'а употребляли в Арабском халифате для обозначения зависимых крестьян-издольщиков, которые сидели на землях крупных феодальных поместий типа дий'а.

К сожалению, в источниках не указан способ эксплуатации музара'а в Дагестане. Поэтому для характеристики социальной категории музара'а необходимо привлекать материал из сопредельных стран, где они были широко представлены.

Как указывает А. А. Али-заде, музара'а в Азербайджане делились на несколько групп. Некоторые из них располагали незначительными участками своей земли, а другие, не имея собственной земли, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и семян, работали в хозяйстве крупных феодалов, получая от них часть урожая. В ряде случаев музара'а обрабатывали земли частных владельцев со своими семенами, рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. В таком случае в пользу музара'а поступала определенная доля урожая в зависимости от условий арендных отношений²⁰³. Видимо, и в Дагестане музара'а эксплуатировались аналогичным образом.

Любопытно отметить, что в «Тарих ал-Баб» наряду с термином музара'а встречается еще один термин, который также обозначает издольщиков — акара²⁰⁴. Вместе с тем необходи-

¹⁹⁵ История народов Узбекистана, т. 1, стр. 235—236.

¹⁹⁶ Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства сельджуков, В. И. 1945, № 5—6, стр. 127.

¹⁹⁷ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 171—184.

¹⁹⁸ Там же, стр. 171.

¹⁹⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 75. (Термин музара'а В. Ф. Минорский перевел как крестьянин).

²⁰⁰ Там же, стр. 75.

²⁰¹ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв. ТИПСА М.—Л., 1937, стр. 45—47. А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах в Ираке, стр. 171—184.

²⁰² Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 127.

²⁰³ А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 76.

²⁰⁴ В. Ф. Минорский, Указ. соч., стр. 75.

¹⁹¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 77.

¹⁹² Баладзори. Указ. соч., стр. 17. (П. К. Жузе термин музара'а перевел как батрак).

¹⁹³ Г. Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 25.

¹⁹⁴ А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 75—77.

мо указать, что автор «Тарих ал-Баб» различает эти две социальные категории зависимых крестьян, т. е. музара'а и акара, находясь в различной степени зависимости. Действительно, в Арабском халифате термин акара обозначал наиболее бесправную часть крестьянства, подвергавшуюся самой жестокой эксплуатации²⁰⁵. В отличие от издольщиков типа музара'а у другой категории феодально-зависимых крестьян-издольщиков акара, кроме умения сеять, пахать, т. е. трудовых навыков крестьянина, ничего не было. Поэтому они вынуждены были арендовать землю у феодалов на самых тяжелых условиях.

По-видимому, разорению и обнищанию рядовых общинников способствовала и близость Дербента, где процветало ростовщичество. Ростовщики могли скупать земли крестьян, которые превращались в издольщиков, обрабатывающих ту же землю, которой раньше пользовались на владельческих правах. К. Маркс указывает на регрессивную роль ростовщического капитала «в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства»²⁰⁶.

В рассматриваемое время процесс обезземеливания крестьян в Дагестане протекал относительно интенсивно. Свободные общинники теряли свои земельные участки и превращались в издольщиков. Для обозначения этой социальной прослойки феодально-зависимого крестьянства в Арабском халифате в зависимости от районов и местных условий чаще всего употребляли термины барзигар, музара'а, акара. Употребление в «Тарих ал-Баб» двух терминов — музара'а и акара — для обозначения одного и того же содержания — издольщиков и их противопоставление друг другу — свидетельствует о том, что в Дагестане существовали различные степени феодально-зависимых отношений.

Земельные захваты феодалов, непрерывные феодальные войны, во время которых крестьянские земли подвергались страшному разорению, приводило к обеднению и обезземеливанию крестьян, часть из которых пополняла ряды издольщиков, а часть из них устремлялась в город Дербент, пополняя ряды деклассированных элементов города.

Во внутренней жизни Дербента рассматриваемого времени большую роль играли так называемые «борцы за веру», «добровольцы» (муттави'), «чтецы Корана», «пришлые» (гураба) и т. д. Объединенные в специальные отряды

«Борцы
за веру»
(гази).

²⁰⁵ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 182—184. А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 76.

²⁰⁶ К. Маркс. Капитал, т. 3, стр. 609.

(сарайа) во главе со своими начальниками, гази представляли в Дербенте внушительную силу, с которой эмиры были вынуждены считаться. «Гази — сила в истории востока IX—X вв. крупная, с которой ни одному правительству нельзя было не считаться», — пишет А. Ю. Якубовский²⁰⁷.

Что же представляли собой эти «борцы за веру» в социальном отношении, каковы были источники их формирования в Дербенте?

Выше мы показали, что усиление феодальной эксплуатации крестьян, прямые захваты их земель, а также постоянные феодальные войны IX—XI вв., во время которых крестьяне подвергались разорению, угонялся их скот²⁰⁸ и т. д., все это вместе взятое создавало почву для раскрестьянивания, общинники теряли свои земли, деклассировались и уходили в город Дербент. С другой стороны, наличие деклассированных элементов в городе, в свою очередь, служит красноречивым свидетельством обнищания и обезземеливания крестьян.

Однако Дербент не мог, несмотря на то, что он был крупным торгово-ремесленным центром, использовать большое количество свободных рук. Поэтому основная часть этих деклассированных «пришлых» становилась газиями, «борцами за веру». А. Ю. Якубовский в цитированной выше работе пишет, что «из среды обезземеленных, бездомных людей складывались отряды газиев, «добровольцев» и «борцов за веру»²⁰⁹.

Что побуждало эти деклассированные элементы вступать в отряды газиев? Прежде всего дербентские эмиры содержали их. Для этого дербентские эмиры выделяли специальные имения (дий'а), в частности поместье «Ризкийя»²¹⁰, доходы с которых шли газиям. Кроме того, доходы с нефтяных колодцев Баку и солеварен также шли на содержание газиев. Следовательно, гази получали определенную плату за свою религиозную и военную деятельность от верховной власти.

Однако гази были беспокойным элементом. В условиях ожесточенной борьбы между эмирами и раисами гази в конечном счете могли склонить чашу весов в ту или иную сторону. Поэтому эмиры, чтобы отвлечь их внимание от внутренних вопросов, совершали во главе газиев грабительские походы и «исламские набеги» на соседние страны. Было бы большой ошибкой думать, что гази совершали «исламские

²⁰⁷ А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи, стр. 63.

²⁰⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73.

²⁰⁹ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 63.

²¹⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 90.

набеги» в горы Дагестана только из-за любви к религии. Основной целью этих набегов было грабеж и захват пленных, которых затем продавали на рынках Дербента. Поэтому прав был В. Ф. Минорский, когда писал, что в менее благочестивые дни гази охотились на людей, чтобы продавать их в рабство.

Любопытно отметить, что близ современных аулов Дагестана находятся так называемые «шахидские кладбища», где согласно преданиям, похоронены «борцы за веру». Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о том, что по мере развития феодализма в Дагестане из-за обезземеливания общинников всегда был источник формирования газиев, которые огнем и мечом распространяли ислам и ожесточенным сопротивлением дагестанских народов против распространения ислама, с другой стороны.

Такова была социальная структура Дербентского княжества в рассматриваемое время.

АЛ-ЛАКЗ

Письменные источники свидетельствуют о том, что социальная структура государства ал-Лакз была построена по иерархическому принципу, она образует как бы социальную пирамиду, вершиной которой является царь (малик). «Они (лакзы — А. Ш.) имеют свободных людей, которые называются хамашира, над ними стоят малики, а ниже их служащие м. шак, а затем пахари (акара) и слуги или ремесленники»²¹¹.

Для того, чтобы общество ал-Лакза раскололось на такие социальные слои, чтобы в обществе существовала такая резкая социальная градация, чтобы сложились такие отношения господства и подчинения, требуется огромный отрезок времени. Бесспорно и то обстоятельство, что процесс формирования вышеуказанных социальных слоев протекал в рассматриваемое время. Механизм, пути и характер этого процесса не известны. И только отрывок из «Истории» Иакута сообщает нам конечный результат социального развития общества ал-лакзов.

Хронологические рамки процесса образования этих слоев также еще неизвестны. Но тем не менее можно с уверенностью предположить, что начало этого процесса выходит за рамки IV в. н. э. потому, что в это время у леков существовала царская власть, следовательно, и другие социальные слои. В составе войск албанского царя в 371 году войска ле-

ков со своим царем во главе принимали участие в знаменитом Дзиравском сражении²¹².

Дальнейшее укрепление власти у ал-лакзов и у других народов Дагестана свидетельствует о сравнительно интенсивном процессе классообразования. Процесс размытия свободных общинников и образования сословий раннефеодального общества у ал-лакзов привел к тому, что в X в. у них были уже юридически оформившиеся социальные слои маликов, хамашира, м. шак, акара и слуг или ремесленников²¹³.

Терминология средневекового автора до сих пор не подвергнута анализу, хотя вышеприведенный отрывок из «Истории» Иакута давно привлекался исследователями для характеристики общественного строя ал-лакзов. Между тем, выяснение социального лица носителей этих терминов представляет значительный интерес для определения степени феодализации дагестанского общества рассматриваемого времени.

Верховная власть в государстве ал-Лакз была сосредоточена в руках царя (малик). Власть царя была относительно стабильной вплоть до арабских завоеваний.

Малики.

Во время этих завоеваний царь ал-лакзов Авиз, из местной династии оказал упорное сопротивление арабам. Наместник Армении Мерван вынужден был снарядить специальную экспедицию вглубь территории ал-Лакза, чтобы покорить его. Он «покорил жителей, разорил страну и оставался в ней целый год, не будучи в состоянии сломить сопротивление крепости, в которой заперся Авиз»²¹⁴. После покорения страны ал-лакзов, Мерван ликвидировал власть местной царской династии и управление страной возложил на Хашраму ас-Сулами, который является родоначальником последующих царей ал-Лакза. Один из его потомков в середине X в. был приглашен в качестве эмира Дербента²¹⁵.

Характер власти, основные функции и полномочия малика ал-лакзов не отличались от власти дербентского эмира.

Хамашира

Согласно Иакуту, под этим термином выступает сословие «свободных» в ал-Лакзе. Однако это расплывчатое понятие «свободные» не раскрывает истинного содержания данного термина. Судя по той градации социальных слоев, которую дает Иакут, хамашира занимает второе после маликов место в социальной иерархии

²¹² М. Хоренский. Указ. соч., стр. 174.

²¹³ Иакут. История. Цит. по В. Ф. Минорскому. Указ. соч., стр. 113.

²¹⁴ Баладзори. Указ. соч., стр. 19; В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 112.

²¹⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 67.

²¹¹ Иакут. История. Цит. по В. Ф. Минорскому. Указ. соч., стр. 113.

государства ал-Лакз. Следовательно, можно предполагать, что содержание термина «хамашира» идентично содержанию понятия «раис» в Дербенте, т. е. под термином «хамашира» в ал-Лакзе выступает сословие феодалов. В. Ф. Минорский уверенно допускает чтение этого термина как «хашарима». «Я уверен, — пишет В. Ф. Минорский, — что хамашира только народная метатеза вместо хашарима»²¹⁶. Если это так, то под йакутовским термином «хамашира» выступают потомки того Хашрама ас-Сулами, которого Мерван назначил в качестве правителя ал-Лакза, т. е. феодальная знать ал-Лакза арабского происхождения.

Интересно заметить, что в местной хронике X в. «История Абу Муслима» приводится обширный список сел Южного Дагестана, которые получили потомки Абу Муслима²¹⁷, что лишний раз подчеркивает о существовании в ал-Лакзе значительной прослойки феодалов арабского происхождения. В нашем распоряжении нет прямых данных о формах и степени эксплуатации феодалами зависимых крестьян в ал-Лакзе. В «Истории Абу Муслима» имеется загадочная фраза: «И остались дела Микраха в руках Сейф ад-дина» (внука Абу Муслима — А. Ш.) после того как его «назначили в это селение»²¹⁸. Видимо, Сейф ад-дин и другие феодалы существовали за счет эксплуатации путем взимания феодальных поборов с жителей того населенного пункта, куда их «назначила» центральная власть. Степень эксплуатации, по видимому, была высокой потому, что в ал-Лакзе имеется юридически оформившийся слой издольщиков, о чем свидетельствует вышеприведенный отрывок из «Истории» Йакута.

Акара. Выше было отмечено, что в Дербентском эмиратстве существовала наряду с крестьянами социальная прослойка издольщиков, т. е. акаров. Судя по тексту «Истории» Йакута, такая же прослойка существовала и в ал-Лакзе, что позволяет предполагать, что издольщики — это общедагестанское социальное явление. В пользу данного предположения говорят и некоторые косвенные данные из истории других народов Дагестана. Так, согласно ал-Гарнати, все жители Зирихгерана были заняты исключительно ремесленным производством и что у них нет обрабатываемых земель и садов²¹⁹. Отсюда видно, что сами жители «страны Зирихгеран» не занимались сельским хозяйством.

²¹⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

²¹⁷ История Абу Муслима. Цит. по Х. Х. Рамазанову и А. Р. Шихсаидову. Указ. соч., стр. 38—39.

²¹⁸ Там же, стр. 39.

²¹⁹ Ал-Гарнати. Тугфат ал-албаб. Цит. по Х. Х. Рамазанову, А. Р. Шихсаидову. Указ. соч., стр. 60.

Однако это не означает, что сельскохозяйственные угодья Зирихгерана находились втуне и никто их не обрабатывал. Это было бы непростительной роскошью для Дагестана, где всегда существовал острый земельный голод. Из более поздних данных известно, что кубачинцы свои пахотные и прочие угодья отдавали в аренду жителям соседних селений на определенных началах, а сами занимались исключительно ремесленным производством²²⁰. Видимо, такой же порядок существовал и в рассматриваемое время. К тому же в даргинском языке существует термин «хъубзар» буквально «пахарь», который имеет и социальное значение²²¹. «Хъубзури» — это социальная прослойка в Акуша-Дарго безземельных или малоземельных общинников, которые на издольных началах арендовали у богатых общинников пахотные участки. Необходимо особо подчеркнуть, что в обычном праве дагестанских народов арендные отношения нашли широкое отражение. Все это вместе взятое позволяет предполагать, что акара, т. е. издольщики, существовали у всех дагестанских народов. Однако сама по себе такая констатация не раскрывает еще социальное положение носителей этого термина. По той социальной структуре общества ал-Лакз, которую дает Йакут, известно, что акара занимали почти такое же социальное место в обществе, какое занимали слуги. Отсюда видно, что акара были наиболее бесправной частью социального организма общества ал-Лакз.

Для того, чтобы раскрыть наиболее полно социальное положение дагестанских издольщиков необходимо использовать материал из сопредельных стран (в частности из Азербайджана), где акара были широко представлены. А. Ю. Якубовский пишет, что акара были центральной фигурой сельского хозяйства Арабского халифата²²².

Автор «Книги о харадже» Абу-Юсуф акарами называет тех издольщиков, которые были полностью лишены средств производства и которым собственник земли дает в аренду не только землю, но и семена и быков²²³. При таких условиях Абу-Юсуф предлагает оставить издольщику только одну шестую или одну седьмую долю урожая²²⁴. Таково было социальное положение классических акара, которых было очень много в Арабском халифате, Иране, Средней Азии и в Азербайджане.

²²⁰ Полевой материал К. Омарова.

²²¹ Б. Г. Алиев. Указ. соч., стр. 147.

²²² А. Ю. Якубовский. Об издольных арендах в Ираке в VIII в. стр. 171—184.

²²³ Там же, стр. 182.

²²⁴ Там же.

Эксплуатация акаров в этих странах была исключительно жестокой. Однако это не дает основания предполагать, что дагестанские акара также подвергались аналогичной эксплуатации. Для того, чтобы ипольщик пошел на такие жесткие арендные условия, необходимо, чтобы он полностью был лишен средств производства, т. е. земли, а также, чтобы он оторвался от сельской общины. Правда, наличие деклассированных элементов в городах дает право предполагать, что процесс размыwania общинников протекал довольно интенсивно. Однако сельская община все еще была внушительной силой, с которой феодалы все еще вынуждены были считаться. Она защищала своих общинников, поэтому и эксплуатация издольщиков в Дагестане была относительно слабее нежеле в других странах. Согласно устной традиции, арендные отношения в Дагестане в позднее время осуществлялись на условиях 1/3 доли урожая.

Слой издольщиков в Дагестане рекрутировался частично из общинников, потерявших свои владельческие права на земли, а также из рабов, которых владельцы крупных дий'а сажали на свои земли на ипольных началах.

САРИР

Раннефеодальное общество государства Сахиб ас-Сарир к концу рассматриваемого времени уже относительно четко распадалось на два антагонистических класса — феодалов и зависимых крестьян. Эти сословия в свою очередь находились на разной степени зависимости от центральной власти. Верховная власть в государстве Сахиб ас-Сарир была сосредоточена в руках его правителя, малика. Господствующие слои разделялись на батриков и тарханов, старшин («начальники»).

На противоположном социальном полюсе находились зависимые крестьяне, слуги и рабы. Разумеется, в раннефеодальном государстве Сарир свободная сельская община сохраняла значительные позиции. Поэтому в обществе должен был существовать целый ряд промежуточных слоев, которые в свою очередь, по мере разложения свободной сельской общины, могли рекрутировать как представителей господствующих классов, так и зависимых крестьян. Процесс закабаления свободной общины и размыwania общинников протекал во всем Дагестане чрезвычайно замедленными темпами потому, что сохранившиеся пережитки родовой общины оказывали сравнительно сильное влияние на структуру дагестанского общества рассматриваемого времени. В силу этого процесс феодального закабаления свободных общинников не получил в Дагестане своего завершения.

Какова же была социальная структура раннефеодального государства Сахиб ас-Сарир?

Возникновение наследственной власти царя (малик Сахиб ас-Сарир) историческая традиция связывает с именем Хосрова Ануширвана. О несостоятельности подобных утверждений средневековых авторов было сказано выше. Некоторые же средневековые авторы (Масуди, ал-Истахри) возникновение царской власти в Сарире связывают с конкретной исторической личностью — с Сасанидом Бахрамом Гуром. Согласно этой версии, «Иездигерд, отступая после поражения (от арабов — А. Ш.) отослал в это царство (Сарир — А. Ш.) свой золотой трон, свои сокровища и имущество с неким потомком Бахрама Гура. Этот человек поселился в этой области и захватил в ней царскую власть»²²⁵. Из этого отрывка видно, что и до Бахрама Гура на данной территории существовало царство со своей собственной династией правителей. Потомки Бахрама Гура, если верить этой версии, только захватили власть.

Несмотря на существенные расхождения в версиях средневековых авторов, они солидарны в вопросе о наследственном характере власти правителей Сарира. Согласно Масуди, власть царя Сарира «и престолонаследие оставалось в его (Бахрама Гура — А. Ш.) семье»²²⁶. Ал-Истахри в этом вопросе более категоричен. Он утверждает, что «И царство это (Сарир — А. Ш.) до сего дня (X в. — А. Ш.) в их руках»²²⁷, т. е. страной управляли потомки того Бахрама Гура, который узурпировал ее в середине VII в. Эти данные прекрасно иллюстрируют наследственный характер власти правителей Сарира. «Тарих ал-Баб» знает трех правителей Сарира с именем Бухт Йишо, что лишний раз подчеркивает наследственный характер власти царя Сарира.

Вышеприведенный материал свидетельствует о том, что власть царя Сарира во все рассматриваемое время была в достаточной мере стабильной и устойчивой.

Согласно письменным источникам, власти царей Сарира присущи черты публичной власти, стоящей над народом. Существуют данные, свидетельствующие о том, что цари Сарира обладали принудительной властью и ограничивали права рядовых общинников. Так, согласно Масуди, правители Сарира могли любого свободного общинника превратить в раба²²⁸. Данное обстоятельство может свидетельствовать и о том, что цари Сарира обладали верховными судебными

²²⁵ Масуди. Указ. соч., стр. 203—204.

²²⁶ Там же, стр. 204.

²²⁷ Ал-Истахри. Указ. соч., стр. 49.

²²⁸ Масуди. Указ. соч., стр. 204.

полномочиями. Возможно, что цари рассматривали наиболее важные преступления, касавшиеся всего государства. Однако вышеприведенные факты не дают основания придавать чрезмерно большое значение власти царя Сарира. Пережитки институтов и обычаев родоплеменного строя в изучаемое время все еще довольно сильны в этом государстве и поэтому бесспорно власть царя была в известной мере ограничена. Царям Сарира принадлежало руководство внешними сношениями: заключение всевозможных договоров с другими странами являлось функцией царей. Иногда межгосударственные союзы закреплялись династическими браками между договаривающимися сторонами. Так, в середине IX в. правитель Сарира выдал свою дочь за арабского наместника Тифлиса Исхака ибн-Исмаила. В основе этого союза лежали политические мотивы — борьба с мусульманским югом. В этой борьбе правитель Сарира ловко использовал сепаратиста Исхака ибн-Исмаила, отколовшегося от Арабского халифата. Согласно Масуди, союз правителей Сарира и Алан тоже был скреплен обоюдной брачной связью²²⁹. В XI в. одна из дочерей правителя Сарира была замужем за дербентским эмиром²³⁰.

Как известно, экономическое положение любого феодала в средневековье находилось в прямой зависимости от количества подданных, от количества зависимых крестьян. В этом отношении правители Сарира находились в более выгодном положении, нежели другие цари Дагестана. Правители Сарира контролировали довольно обширную территорию: «У него было 12 тыс. селений», — пишет Масуди²³¹. Что касается Ибн-Руста, то он указывает на другую цифру: «Царю принадлежат 20 тыс. долин, населенных людьми, разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни»²³². Материальные ресурсы царей Сарира складывались в первую очередь из феодальных поборов с подвластной им территории. О значительном размере феодальных поборов, которые шли в пользу царя, указывает и размер дани, которую он обязан был платить арабам — 100 тыс. мер зерна²³³, что намного превышает размеры дани других феодальных правителей Дагестана. Данное обстоятельство свидетельствует и о том, что подвластные царю общины в основном несли натуральные повинности в пользу центральной власти.

²²⁹ Масуди. Указ. соч., стр. 204.

²³⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 70.

²³¹ Масуди. Указ. соч., стр. 209.

²³² Ибн-Руста. Цит. по В. Ф. Минорскому. Указ. соч. Примечание IV, стр. 219.

²³³ Багадзори. Указ. соч., стр. 7.

Феодальные подати, которые поступали с подвластной территории, способствовали накоплению значительных материальных ценностей в руках правителя Сарира. Согласно Ибн-Руста, в стране Сарир был специальный замок, где хранились материальные богатства царей Сарира: «Царь Сарира имеет другой крепкий замок, называемый Алал-ва-Гумик, где находится его сокровищница»²³⁴.

Немаловажную роль в накоплении материальных ценностей играл «промысел войны». Все военные походы на страны мусульманского юга в IX—XI вв. сопровождались грабежом и пленением людей, которых часто продавали в рабство²³⁵. Все это вместе взятое способствовало упрочению власти правителей Сарира.

Источники подчеркивают, что в государстве Сарир, как и во всех царствах Дагестана, было много крепостей. Свидетельство раннесредневековых авторов о наличии в Дагестане крепостей подкрепляется в настоящее время археологическими раскопками. Наличие значительного количества городов-крепостей свидетельствует о сравнительно развитом аппарате управления в государстве Сарир. В этих крепостях находились гарнизоны местного управления с феодалами во главе. Строительство крепостей, их снабжение и т. д. являлись функциями царя Сарира. Так, согласно «Худуд ал-Алам», в одной из крепостей царя ежедневно сменялась стража из 1000 человек²³⁶. Эти гарнизоны, во главе которых стояли доверенные люди центральной власти, выполняли две важнейшие функции: они обеспечивали, с одной стороны, регулярное поступление феодальных поборов с мест и, с другой, обеспечивали территориальную целостность государства.

Таким образом, вышеприведенный материал показывает, что к концу рассматриваемого времени власть царя Сарира была относительно устойчивой и стабильной.

Под этими терминами в обществе Сарир выступает следующее за царями сословие — тарханы и батрики. Их экономическое положение не совсем ясно. Известно, что батрики (патриции) являлись феодальной верхушкой, возникшей на чисто местной основе. Они в то же время являлись христианскими подданными царя Сарира²³⁷. Что же касается тарханов, то они могли формироваться из числа наемников-тюрьков²³⁸. В пользу данного предположения говорит то обстоятельство, что царь Сарира

²³⁴ Ибн-Руста. Указ. соч., стр. 220.

²³⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48, 51, 65, 67, 73.

²³⁶ Худуд ал-Алам. Цит. по В. М. Бейлису. Указ. соч., стр. 264.

²³⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 136.

²³⁸ Там же.

часто привлекал тюрок-наемников к борьбе с Дербентом и Ширваном.

«Владелец Сарира собрал большое скопище неверных и различных тюрок...» и двинулся с ними на ал-Баб²³⁹. Во главе этого «скопища» стояли тарханы и батрики.

Отсюда видно, что во время военных походов эти феодалы выступали в качестве военачальников. Верховное командование во время военных операций принадлежало царю. Он ставит боевую задачу командирам (в данном случае тарханам и батрикам) отдельных отрядов. Так, во время одного из походов царь Сарира ставит задачу угнать скот, принадлежащий Дербенту. «Он (царь Сарира — А. Ш.) послал свое войско с тарханами и батриками к воротам города и угнал стадо»²⁴⁰. Вполне возможно, что в мирное время они возглавляли гарнизоны городов — крепостей и занимались управлением той территории, которая служила округой их резиденций. С данной территории они собирали феодальные подати в пользу центральной власти, часть которой они присваивали лично. Данная прослойка была относительно многочисленной в Сарире, в одном из сражений в 968 г. в Дербенте погибло одних «начальников» «сто человек».

По своему экономическому положению эти феодалы, разумеется, не составляли однородной массы. Наиболее могущественные слои составляли приближенные царя. Согласно Гардизи, приближенные царя занимали серебряный трон. Видимо, управление страной осуществлялось с помощью этих приближенных. Кроме того, могущественными феодалами были те, которые получали в управление такие города-крепости, как Аркас. «Худуд ал-Алам» упоминает город Х.ндан, который является резиденцией сипах-саларов царя Сарира.

По мере укрепления позиций местных феодалов, по мере усиления их экономической и военной мощи в государстве Сарир, как и в Дербенте, к концу рассматриваемого времени усиливаются сепаратистские тенденции, которые в конечном счете с неизбежностью должны были привести к гибели раннефеодальное государство Сахиб ас-Сарир, что случилось в предмонгольское время.

Кроме вышеперечисленных категорий феодалов, в Сарире, согласно письменным источникам, существовала еще одна категория и, очевидно, довольно многочисленная, хотя в экономическом положении далеко не однородная — старшины. Социальная категория старшин формировалась из сельской феодализирующейся

верхушки. Та ярко выраженная имущественная дифференциация, которая зафиксирована археологическими памятниками в средневековой Аварии²⁴¹, привела к социальному обособлению наиболее состоятельной части общинной верхушки, которая при благоприятных условиях могла трансформироваться в феодальную прослойку. Однако на пути этого важного процесса стояли довольно сильные пережитки патриархально-родовой общины. Поэтому в рассматриваемое время прослойка старшин ничем не отличалась от рядовой части общинников: перед обычным правом они были равны. Обычное право в одинаковой степени защищало и рядового общинника и представителя сельской верхушки. В пользу данного предположения говорит то обстоятельство, что дагестанские адаты, зафиксированные в XVI—XVII вв., знают только две социальные категории — свободный общинник и раб. Социальная недифференцированность общины, правовое равенство ее основных членов были характерной чертой социального строя дагестанских общин рассматриваемого времени. Однако это вовсе не означает, что в сельских общинах изучаемого времени царил социальный мир и народоправство. Экономическое неравенство среди общинников, существовавшее к этому времени в Сарире, создавало условия для появления новых социальных отношений в общинах горного Дагестана. Правда, эти отношения, даже в позднее время, были завуалированы патриархально-родовыми пережитками. Но в то же время эти старые формы производственных отношений были уже внутренне изменены, приспособлены к потребностям феодальной эксплуатации.

Состояние источников по истории рассматриваемого времени не позволяет нам характеризовать зависимое население Сарира. Вышеприведенная характеристика господствующего класса государства Сарир позволяет априорно предположить наличие и зависимых категорий населения этого государства, ибо формирование класса феодалов и их могущество зиждется на закабалении и эксплуатации зависимых общинников. Достоверно известно наличие в Сарире рабов и слуг²⁴², причем источником рабства в этом государстве служили не только военнопленные, но и подданные царя Сарира. В раннефеодальном государстве объектом эксплуатации являются, разумеется, не рабы, хотя и они эксплуатировались, а общинники. К сожалению, имеющиеся источники не позволяют нам дать характеристику формам эксплуатации зависимых крестьян. Очевидно, что формы эксплуатации в

²³⁹ В. Ф. Минорский. Указ соч., стр. 73.

²⁴⁰ Там же.

²⁴² Масуди. Мурудж ад-Дзахаб, стр. 204.

²⁴¹ Д. М. Атаев. Указ соч., стр. 245.

Сарире были такими же, какие существовали в рассматриваемое время в Дербентском эмиратстве и в ал-Лакзе.

Таким образом, краткая характеристика социальной структуры раннесредневековых государств Дербент, ал-Лакз и Сарир относительно выпукло показывает степень феодализации дагестанского общества в целом. Отмеченные выше моменты социальной структуры трех государств раннесредневекового Дагестана позволяют реконструировать общую структуру социального организма всего Дагестана. Правда, не все стороны общественной организации освещены в одинаковой степени, но рассматриваемые в данной работе вопросы, дополняя друг друга, рисуют вполне определенно социальную структуру раннефеодального общества.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XVI-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Внутриполитическое положение Дагестана, его международное положение, уровень социально-экономического развития народов Дагестана привлекали большое внимание как дореволюционных, так и советских исследователей, которые в разной степени затрагивали эти вопросы или их отдельные стороны. Большой вклад в изучение рассматриваемого вопроса вносят труды дореволюционных исследователей С. А. Белокурова «Сношения России с Кавказом» (вып. I, М., 1889), А. К. Бакиханова «Гюлистан-Ирам» (Баку, 1926), Г.-Э. Алкадари «Асари Дагестан» (Махачкала, 1929), Н. М. Карамзина «История государства Российского» (тт. I—XI, СПб.), С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе» (тт. 1—2, М., 1890), в которых содержится большой фактический материал.

Из советских исследователей особенно большой вклад как в изучение, вообще истории Дагестана, так и исследуемого вопроса внесли А. И. Тамай («Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана» — Революционный Восток, № 5, 1935; рукописи — «Дагестан в XVI—XVIII вв.»; «Кумыки в XV—XVII вв.»), С. В. Юшков («К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане» — Уч. зап. Свердловского госпединститута, 1938), Н. А. Смирнов («Россия и Турция в XVI—XIX вв.» М., 1946; «Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв.»), Нальчик, 1948; «Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв.» М., 1958), Е. Н. Кушева («Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв.» М., 1963; «Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв.» Махачкала, 1954), Р. М. Магомедов («Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков». Махачкала, 1957; «История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в.» Махачкала, 1968), Х.-М. Хашаев («Общественный строй Дагестана в XIX веке». М. 1961), С. Ш. Гаджиева («Кумыки». М., 1961), В. Г. Гаджиев («Роль России в истории Дагестана». М., 1965), А. Р. Шихсаи-

дов (см. Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. «Очерки истории южного Дагестана». Махачкала, 1964), Р. Г. Маршаев («Очерки истории лаков», соответствующий раздел в «Очерках истории Дагестана», т. 1. Махачкала, 1957), Л. И. Лавров («Тарки до XVIII века»; «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 1. X—XVII вв. М., 1966), И. П. Петрушевский («Джаро-Белокапские вольные общества в первой трети XIX в.» Тифлис, 1934; «Государства Азербайджана в XV в. — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. 1. Баку, 1949). Краткая характеристика общественно-экономического развития Дагестана в XVI—XVII вв. дана в «Очерках истории Дагестана» (т. 1. Махачкала, 1957) и «Истории Дагестана» (т. 1. М., 1967). Однако хотелось бы отметить, что в поставленном нами плане рассматриваемая тема не стала предметом специального исследования.

* * *

! Дагестан в конце XVI века представлял страну с пестрым политическим строем. На его территории рядом с феодальными владениями существовали союзы сельских обществ, где феодальные отношения переплетались со значительными пережитками патриархально-родового строя.

Наиболее крупным политическим объединением в Дагестане в конце XVI века было Казикумухское шамхальство, в состав которого входила территория лаков, кумыков, часть территории аварцев, лезгин и даргинцев. Оно оказывало огромное влияние на политическую жизнь в Дагестане. Особенно сильно было его влияние при Чубан-шамхале, владевшем, по словам А. Бакиханова, «всем краем от границ Кайтага, Кюринского округа, Аварии, черкесов и реки Терека до моря Каспийского»¹.

Главным центром шамхальства до XVII века являлся Казикумух. Но шамхалы имели укрепленную резиденцию и на плоскости — в Тарках². Как правило, шамхалы лето проводили в горах (Казикумухе), а зиму — на плоскости (Тарки, Буйнак). Положение изменилось с конца XVI — начала XVII вв., когда стабилизировалась политическая обстановка в плоскостном Дагестане, куда переместились и экономические интересы шамхалов. В XVII веке они уже лишь изредка приезжали в Казикумух, где их влияние стало ослабевать, хотя им кази-

кумухцы и платили дань³. И в 1640 году, когда умер шамхал Сурхай, казикумухцы избрали себе особую правителя — халклавчи, независимого от шамхалов, и «совершенно отложились от них»⁴. После этого шамхалы жили то в Буйнаке, то в Тарках и в других плоскостных селениях⁵.

Власть шамхала в конце XVI века опиралась на большое количество войск, находившихся в его подчинении. Так, по свидетельству документов того времени, он мог выставить со всей подчиненной ему территории около 15 тысяч воинов. Непосредственно он и его сыновья распоряжались 1080 всадниками⁶. Ни один другой феодальный владетель Дагестана не имел в своем распоряжении столько войск. Это обстоятельство обеспечивало шамхалу преимущество перед другими владетелями Дагестана⁷. Подтверждение этому мы находим у западноевропейских путешественников А. Олеария и Я. Стрейса, посетивших приморскую часть Дагестана в то время.

Олеарий писал, что «в этой стране (Дагестане — У. М.-С.) имеются различные князья, почти в каждом городе имеется особый, а главный из них именуется шемхал»⁸, т. е. шамхал. Стрейс же пишет, что в Дагестане «много властелинов и князей, самые почитаемые из них шамхал и уцмий», но «первый самый могущественный»⁹. Однако, власть шамхала опиралась не только на военную силу, но и на экономическое могущество. Он «являлся крупным собственником земель, реализация которых давала ему право получать доходы в свою пользу». Шамхалы имели в Казикумухе пахотные земли и пастбища. Они же имели «лучшие угодья, пашни и сенокосы и рыбные ловли» в устье реки Койсу, т. е. на плоскости¹⁰. Кроме того, в их распоряжение поступали и сборы от налогов с подвластного им населения. Большую статью дохода шамхалов составляли и пошлины с торговых караванов, проходивших через территорию шамхальства.

Этими политическими и экономическими преимуществами шамхала объяснялась в основном острая борьба между отдельными владетелями шамхальства за это достоинство, разгоревшаяся с особой силой в первой половине XVII века.

³ Г. Алкадари. Асарн Дагестан. Махачкала, 1929 г., стр. 58.

⁴ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 54.

⁵ Там же; П. В. Гидулянов. Сословно-земельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. См. Этнографическое обозрение № 1, 1901 г.

⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 293.

⁷ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 94.

⁸ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 494.

⁹ Я. Я. Стрейс. Три путешествия. Спекгиз, 1935 г., стр. 220.

¹⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 275.

¹ А. К. Бакиханов. Гулистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 88.

² С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1 (1578—1613), М., 1889, стр. 404—405; ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869. Казикумухские и кюринские ханы, стр. 5.

Нужно отметить, что по установившейся традиции в XVI веке в шамхальском роде «старший возрастом получал достоинство шамхала, остальные его близкие ограничивались тем, что были в его распоряжении и повиновении».

Некоторые коррективы были внесены в этот вопрос в конце XVI века. После смерти шамхала Чубана его сыновья Ильдар, Гирей, Андий и Магомед жили независимо друг от друга, но, по утверждению А. Бакиханова, «общий правитель их шамхал избирался из этих четырех домов»¹¹, т. е. из рода шамхалов. Следовательно, достоинство шамхала передавалось не по прямому наследству. Оно было выборным, но давалось только представителю шамхальского рода, а не любому другому феодалу. Поэтому, на наш взгляд, точнее будет сказать, что это достоинство было выборно-наследственным, а не только выборным. Ни А. Бакиханов, ни другие исследователи не перечисляют среди сыновей Чубан-шамхала Сурхая, но русские документы 1601—1603 гг. наряду с Андием сыном шамхала называют и Сурхая, которого продолжают называть все Сурхай-шевкалом, т. е. Сурхай-шамхалом¹². Вероятно, он и был шамхалом после смерти Чубан-шамхала. Жил Сурхай в Тарках.

В XVII веке шамхальство «давалось» одному из старших князей шамхальского рода на собраниях князей, мурз и «лучших людей» Кумыкской земли¹³. Процедура избрания шамхала описана А. Олеарием: при выборе шамхала «мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник (мулла) бросает в них позолоченное яблоко; в кого оно попадет, тот становится шамхалом», но при этом священник хорошо знал, «в кого он должен бросить» яблоко¹⁴.

С перемещением основного центра шамхальства на плоскость в этот вопрос стали вмешиваться и внедагестанские силы. Особую активность в этом отношении проявляли Россия и Иран, к которым обращались за помощью и поддержкой претенденты на шамхальство. Не оставалась безучастной в отношении шамхальства, а также Дагестана в целом и Турция¹⁵.

Так, тарковский владетель Гирей в 1615 году в борьбе с шамхалом Андием¹⁶ был поддержан русским царем. После смерти Андия в 1623 году Ильдар обращался к Москве, чтобы «в Кумыках к большому чину быть» ему¹⁷. Хотя по решению съезда дагестанских владетелей 1621 года после Андия шамхалом должен был стать эндерейский владетель Султан-Махмуд, русское правительство по предложению терских воевод, писавших в Москву, что «Ильдар государю Султан-Магмута прибыльнее», дало Ильдару жалованную грамоту на шамхальство, с большой государственной печатью¹⁸.

В 1635 году уже Иран стал проявлять особую активность при выборе нового шамхала, вместо умершего Ильдара. Шамхальство должно было перейти к Султан-Махмуду эндерейскому. Но он уступил это достоинство своему старшему сыну Айдемиру, поддержанному всеми кумыками, кроме тарковских владетелей—сыновей Ильдара¹⁹. Россия официально не признала Айдемира шамхалом. Иранский шах Сефи I был тоже против Айдемира за его протурецкую ориентацию и присягу царю (1635 г.) и хотел сделать шамхалом Сурхая Гиреева, хотя тот незаконно претендовал на это. Поддержанный шахом Сурхай в 1637 г. направил в Москву посольство, чтобы добиться от царя инвеституры на шамхальство. При этом он послал в Москву грамоту шаха Сефи I, просившего царя «учинить» Сурхая шамхалом во имя дружбы с Ираном²⁰.

Однако русское правительство в это время не поддержало Сурхая, так как приход к шамхальству сторонника Ирана противоречил интересам России на Северном Кавказе, усиливал позиции шаха в Дагестане. Поэтому Москва отклонила ходатайство шаха, не дала грамоты Сурхаю на шамхальство, а только послала ему подарки, чтобы все же иметь на него какое-то влияние. Только в 1643 году после смерти Айдемира (1641) Сурхай добился от Москвы признания его шамхалом. На этот раз он в своей грамоте с просьбой не упомянул о поддержке его шахом Аббасом II²¹.

Как отмечает Е. Н. Кушева, шамхальское достоинство «в XVII в. не соединялось с каким-либо особым шамхальским

¹⁶ Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII вв., стр. 47—54 (в дальнейшем — Русско-дагестанские отношения...); Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 94—95.

¹⁷ Русско-дагестанские отношения..., стр. 76; Р. Маршаев. Очерки истории лаков, т. I: Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 73, л. 221.

¹⁸ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа. См. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 918.

¹⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 136—137.

²⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 311 (в дальнейшем — Е. Н. Кушева. Указ. соч.).

²¹ Русско-дагестанские отношения..., стр. 160—161; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 311; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 137—138.

¹¹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 53; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88.

¹² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 350, 367—370, 531—535, 542.

¹³ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа. См. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 908.

¹⁴ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 495.

¹⁵ Имеется сообщение о приезде в Казикумух турецких агентов во время поездки туда Султан-Махмуда с сыном Айдемиром для избрания последнего шамхалом. См. Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII вв., стр. 134—137.

владением, и влияние, и сила того или иного шамхала зависели главным образом от того, сколько владельцев было с ним «в единичестве»²². Но шамхальство давало большую политическую власть в сочетании с экономическими выгодами, позволяло контролировать основную часть территории Дагестана, чем и объяснялось стремление в этот период внедагестанских сил поставить своего человека во главе такой большой политической силы. Чтобы подчинить шамхала своему влиянию, правители Ирана, Турции, России посылали ему богатые подарки, назначали жалованье, обещали помощь от «недругов», оказывали особый почет.

Шамхальство в конце XVI века переживало процесс углубления феодальной раздробленности, вступило в полосу междоусобий и стало распадаться на ряд независимых друг от друга феодальных владений. Его положение в самом начале XVII века хорошо охарактеризовано послом грузинского царя в Москву старцем Кирилом, заявившим, что ослепший шамхал не может устоять против русских, так как «дети его все в розни и всякий живет себе», что «и с Кумычены у Шефкала рознь и брань великая» и «против государевы рати Шефкалу стоят не с кем»²³.

Именно в это время от него отложились часть Кумыкской плоскости, где образовалось независимое от шамхала Эндерейское княжество. Образованию Эндерейского владения предшествовала междоусобная борьба между сыновьями Чубан-шамхала Ильдаром, Магомедом, Андием, Гиреем и Сурхаем, которые отказались дать удел своему брату Султан-Махмуду, считая его чанкой. Последний отправился в Кабарду к родственникам по матери за помощью. Собрав значительный отряд войск, он вернулся в Дагестан и захватил земли «между реками Сулаком и Тереком с нижней частью Мичикича и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета»²⁴. Своей резиденцией Султан-Махмуд избрал аул Эндери, от которого его удел получил название Эндерейского ханства²⁵.

Это владение с самого начала играло важную роль в политической жизни Дагестана: Султан-Махмуд проводил независимую от шамхальства политику. Он, несмотря на сопротивление тарковских владетелей, которым покровительствовали Иран и в первой четверти XVII века Россия, в 1635 году даже добился шамхальства, от которого, из-за старости отказался в пользу своего сына Айдемира.

²² Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа. См. Очерки истории СССР, XVII, в. М., 1955, стр. 908.

²³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 401.

²⁴ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88; ССКГ, вып. 1. Шамхалы тарковские, стр. 58; СМОНПЖ, вып. 16, от. 1. Тифлис, 1898. М. Афанасьев. Селение Костек, стр. 87.

²⁵ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 94.

Эндерейское владение занимало выгодное положение в Северном Дагестане, так как через его территорию проходила сухопутная трасса волжско-каспийского международного торгового пути из России в Закавказье. Перевозы через Сунжу и Койсу (Сулак) находились в руках эндерейских владетелей и приносили им значительные прибыли. Под их контролем находились и зимние пастбища Северного Дагестана, игравшие огромную роль в развитии отгонного овцеводства и приносявшие немалый доход. Если учесть, что до образования и обособления Эндерейского владения все эти экономические выгоды были в руках тарковских владетелей, то станет ясно, почему они в XVII веке постоянно враждовали с эндерейскими владетелями, добиваясь, хотя и безуспешно, их подчинения себе.

Из шамхальства же несколько позднее выделилось Мехтулинское ханство, объединившее 11 селений и обществ²⁶. Его основатель Мехти происходил из рода казикумухских шамхалов²⁷. В дальнейшем из состава шамхальства выделилось Бамматулинское ханство. Добились самостоятельности койсу-булинцы²⁸. Из-под влияния Казикумуха вышли и верхние даргинцы, имевшие свое политическое объединение — союз сельских обществ Акуша-Дарго²⁹.

Как выше отмечалось, казикумухцы избрали себе правителя-халклавчи (глава народа) и образовали вполне самостоятельное феодальное владение. Первым халклавчи был избран известный в Кумухе феодал Алибек, происходивший из побочной линии шамхальского рода. Алибек проводил политику независимую от Тарков.

С переносом резиденции в Тарки шамхальство стало называться Тарковским. Но и в Тарковском шамхальстве были тенденции центробежного характера. Владетели крупных населенных пунктов Казанище, Кафыр-Кумух, Карабудахкент, Эрпели, Буйнак, Утемыш, Губден добивались независимости от Тарков, старались принять отдельно от шамхала присягу на верность царю и т. д. Как отмечает Е. Н. Кушева, на территории шамхальства в XVII в. «имелось более 10 юртов или

²⁶ ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869. Мехтулинские ханы; А. И. Тама. Кумыки в XV—XVII вв., Рук. ф. ИИЯЛ ДФАН СССР, ф. 3, оп. 3, л. 165, л. 23.

²⁷ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. 1 (исторический). Свердловск, 1938, стр. 70); ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869, Мехтулинские ханы, стр. 1—2.

²⁸ П. В. Гидулянов. Указ. ст. из Этнографического обозрения № 1, 1901, стр. 17.

²⁹ Б. Г. Алиев. Административно-политическое устройство Акуша-Дарго в XVII-первой четверти XVIII вв. (Рукопись), стр. 37.

³⁰ Там же; Р. М. Магомедов. История Дагестана, т. 1, стр. 166.

уделов, которыми правили владельцы из родственных между собой линий шамхальского дома»³¹.

Другим значительным феодальным владением в Дагестане в этот период было уцмийство Кайтагское, граничившее на севере с владениями шамхалов казикумухских (а позже тарковских), на юге по реке Дарбах — с Дербентским ханством. Население его в основном состояло из кайтагцев (даргинцев), но проживали в нем также кумыки, терекмейцы³² и некоторое количество горских евреев. Точных сведений о численности населения уцмийства нет, а имеющиеся — противоречивы, различны. По русским архивным документам, число подданных уцмий в первой половине XVII века достигало 40—60 тысяч³³, а по сообщению Эвлия Челеби — 20—50 тысяч человек³⁴.

Уцмийство было более устойчивым в территориальном отношении феодальным владением, чем шамхальство, но политическая жизнь и в нем характеризовалась центробежными тенденциями, феодальными усобицами, борьбой сельских обществ за самостоятельность от уцмиев. Именно выступления против их власти были одной из главных причин (в этом большую роль играло перемещение экономических интересов уцмиев на плоскость в связи со стабилизацией политического положения в плоскостной, приморской части Дагестана), заставивших кайтагских правителей перенести свою резиденцию с гор (Кала-Корейш) на плоскость в Башлы и Маджалис. Однако в Кайтаге тенденции к обособлению отдельных частей не имели успеха, и уцмий, как отмечает Р. М. Магомедов, «продолжал считать себя повелителем всего Кайтаг-Дарго и по-прежнему требовал дани с тех населенных пунктов, которые ему удалось подчинить». Но были и села ряда обществ (Мюира, Гапш, Ганк, Ирчамул), не платившие дани уцмий, «хотя и считались входившими в состав уцмийства»³⁵.

Уцмий в разных частях Кайтага выступали в разной роли. Если уцмий в Нижнем Кайтаге «выступал в роли феодального монарха», то в Верхнем Кайтаге он являлся только военным предводителем. Но уцмий стремился усилить свою власть и в Верхнем Кайтаге, создать там себе опору. Главной функцией уцмий считалась защита Кайтага от внешней опасности. Во время походов он возглавлял ополчение кайтагцев; он же вершил суд по особо важным делам³⁶.

³¹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа. См. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 908.

³² Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 99.

³³ Русско-дагестанские отношения..., стр. 123.

³⁴ Эвлия Челеби. См. «Выдержки из Эвлия Челеби». Научн. архив. Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 814, л. 11; Там же, д. 1204—1205, л. 29; Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, лл. 16, 82.

³⁵ Р. М. Магомедов. Памятник истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1964 г., стр. 13.

³⁶ Там же, стр. 21.

Уцмийское достоинство давало большую власть и силу. Поэтому-то об уцмие говорили, что он «в порах человек первый», «самовластной и гордой» и «никоторые де боязни себе не имеет», что он даже при имени царя «на коленках не станет и шапки не снимет»³⁷. Такое могущество уцмий являлось, по-видимому, основой того, что он выступал в качестве авторитетного посредника для примирения враждовавших между собой кумыкских феодалов. Так, уцмий Рустам-хан в 1632 году ездил в Тарки и Эндери «Солтан-Махмуда помирить с шевкалом»³⁸, чем вызвал недовольство русского правительства. Без его участия не проходили съезды феодальных владетелей, созывавшиеся в Дагестане при усилении внутренних феодальных распри или угрозы нападения извне. К помощи уцмий Рустам-хана прибегла правящая верхушка Дербента в 1607 году при изгнании турок из крепости.

Уцмийское достоинство, как и шамхальское, было выборным³⁹ и пожизненным. Для избрания уцмий, по имеющимся сведениям, «на определенном месте собирались все совершеннолетние мужского пола в возрасте от 20 до 50 лет, а иногда одни старшины и выборные от каждого селения и после совещания избирали правителя из членов определенной династии»⁴⁰. Избранный уцмий обычно угощал феодальную и общинную знать, дарил подарки⁴¹. Поскольку по традиции уцмием мог стать только старший из этого рода⁴², то выборы были простой формальностью, процедурой утверждения у власти старшего из рода уцмиев.

Однако и такие выборы уцмий происходили не всегда в мирной обстановке. Поскольку род уцмиев имел две линии (маджалисская и янгикентская), претендовавшие на это достоинство и враждовавшие между собой, то борьба за власть уцмий в Кайтаге к середине XVII в. превратилась в настоящую феодальную войну, приведшую к полному истреблению маджалисской ветви рода уцмиев, за исключением одного мальчика, спасенного одним из его молочных братьев⁴³.

Относительно долгим было правление уцмий Рустам-хана (1601—1645 гг.), при котором Кайтаг играл важную роль

³⁷ Русско-дагестанские отношения..., стр. 65.

³⁸ Там же, стр. 97.

³⁹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа. См. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955 г., стр. 908.

⁴⁰ П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. См. Этнографическое обозрение, № 1, 1901 г. стр. 19—20.

⁴¹ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Сост. Х.-М. Хамаев. М. 1965, стр. 36.

⁴² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 52.

⁴³ Там же.

в политической жизни Дагестана, в сношениях с Россией и в борьбе с Ираном. При нем в Кайтаге был установлен строгий порядок во внутривластной жизни улумийства, были упорядочены взаимоотношения центральной власти с сельскими общинами, феодалов с зависимым населением, что нашло отражение в опубликованном Р. М. Магомедовым «Своде заповедных законов Кайтаг-Дарго»⁴⁴ и «Постановлениях кайтагского улумия Рустем-хана»⁴⁵.

Однако попытки Рустам-хана покончить с усобицами в Кайтаге и укрепить свою власть не привели к успеху. Оппозиция его власти сильна была еще в 1631—32 гг., так как именно тогда его посол в Москве сообщал, что после смерти улумия «будут на княженьи братья его Чюкук да Устархан, да сын его Хан»⁴⁶. В оппозиции к нему находились и «братья его двоюродные», которых он зазвал к себе и «побил до смерти» за то, что они хотели «после смерти отца своего быть у кизылбашского шаха в подданных»⁴⁷.

Борьба за власть в Кайтаге усугублялась вмешательством иранских правителей, стремившихся установить в нем власть своих ставленников. Как известно, улумий Рустам-хан в 1607 году помог иранцам изгнать турок из Дербента и до 1639 года придерживался проиранской ориентации. Иранские шахи в эти годы покровительствовали ему и даже дали ему грамоту (1616 г.) на управление Дербентом⁴⁸, старались использовать его в своих захватнических целях. Но с 1639 года отношения Рустам-хана с Ираном испортились, причиной чему был отказ его помочь ставленнику шаха Сефи I крымскому царевичу Шагин-Гирею в строительстве иранских крепостей на Северном Кавказе. Поэтому Сефи I (1629—1642) и Аббас II (1642—1666) стали поддерживать противников Рустам-хана. В 1645 году с помощью иранских войск он был вытеснен из Нижнего Кайтага Амирхан-Султаном⁴⁹ и отступил в Верхний Кайтаг, где он и закрепился.

Из этого видно, что улумийство Кайтагское в первой половине XVII века также переживало процес феодальных усобиц. Однако в нем не произошло дробления на отдельные части в силу их внутреннего развития. Здесь решающую роль сыграл

внешний фактор-вмешательство Ирана. Только после событий 1645 года Нижний Кайтаг на время попал под власть упомянутого выше Амирхан-Султана. С этого времени Кайтаг оставался до начала XVIII века фактически поделенным на две части.

В Центральном Дагестане в рассматриваемый период важную политическую роль играло Аварское ханство или нуцальство, ядром которого являлось Хунзахское плато⁵⁰, где находилась главная резиденция ханов — Хунзах.

Главным правителем Аварии являлся хан или нуцал, избиравшийся на собрании представителей патриархально-феодальной знати. При этом нуцалом становился только старший в ханском роде, а не любой другой феодал. Непременным условием считалось, чтобы кандидат в нуцалы был рожден от равного брака, не был чанкой⁵¹.

Аварское ханство в конце XVI века было довольно сильным для своего времени феодальным владением с сильной центральной властью⁵². Поэтому другие владетели Дагестана стремились заручиться его союзом, установить с ним тесные связи, как это сделал эндерейский владетель Султан-Махмуд, женившись в 1594 г. на дочери аварского хана⁵³. В 30-х годах XVII века аварский нуцал писал терским воеводам, что «кумыцкие люди со мною добро живут»⁵⁴, характеризуя свои хорошие отношения с кумыками. Аварское ханство было сильным не только во внутривластном отношении. Оно стало играть значительную роль на Северном Кавказе особенно с ослаблением шамхальства, стало оказывать влияние на многие соседние сельские общества⁵⁵ и народы. Так, аварские владетели захватили нижнюю часть Мичикича (Чеченшали, Герменчук-шали, Атака и др.), находившуюся до этого в подчинении эндерейских владетелей. Поводом к этому послужило убийство двух родственников гумбетовского и аргунайского владетелей Аварии эндереевцами⁵⁶.

В этом ханстве, в отличие от шамхальства и улумийства, не наблюдалось усиления стремления отдельных частей обособиться, хотя, по имеющимся сведениям, между отдельными обществами и феодалами часты были конфликты за пастбища

⁴⁴ Р. Магомедов. Памятник истории письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

⁴⁵ ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868.

⁴⁶ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 113; Русско-дагестанские отношения..., стр. 126.

⁴⁷ Русско-дагестанские отношения..., стр. 95.

⁴⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 98; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 50.

⁴⁹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 322; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 99.

⁵⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа. См. Очерки истории СССР, М., 1955 г., стр. 908.

⁵¹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 113.

⁵² Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 48.

⁵³ О. В. Соболева. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII-начале XIX вв. (Канд. дисс. 1955 г.), л. 32.

⁵⁴ Русско-дагестанские отношения..., стр. 90.

⁵⁵ Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 136—137, 139.

⁵⁶ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 90.

и пахотные земли⁵⁷. Наоборот, в нем шел процесс централизации и усиления политической власти хана. Особенно усилилась центральная власть при хане Уммахане, по приказу которого был составлен судебник, кодифицировавший «выгодные господствующему классу нормы обычного права», отражавшие уровень общественных отношений в Аварии⁵⁸.

Усилением Аварского ханства объяснялось и стремление соседней Грузии наладить отношения с ним. Это особенно заметно усилилось в конце XVI века, когда стали налаживаться дипломатические отношения Грузии с Россией. Грузинские цари наилучшим путем для поддержания связей с Россией сочли «путь через землю мирного князя аварского». И, действительно, ряд русских посольств в конце XVI—начале XVII веков прошел в Грузию через Аварское ханство⁵⁹. Причиной такого выбора были не только трудность связи через Азербайджан, занятый иноземными войсками, препятствовавшими отношениям России с Закавказьем, но и стремление грузинских царей привлечь на свою сторону аварского хана и положить конец набегам его отрядов, в которых активное участие принимали и джаро-белокапские общества, находившиеся под влиянием аварских ханов.

Аварское ханство имело тесные связи и с Русским государством. Эти отношения наладились еще в конце XVI века. В 1629 году аварский нуцал в грамоте к терским воеводам по этому поводу отмечал, что и дед его при строительстве Терского города «был вместе тут же», т. е. с русскими. Далее нуцал предлагал русским воеводам принять меры против шахского ставленника на Северном Кавказе Шагин-Гирея и иранских войск, обещая помочь русским, чем только возможно будет⁶⁰.

В горной, пограничной с Грузией части Дагестана были также и союзы сельских обществ авароязычной группы населения, не входившие в состав Аварского ханства. В них не было власти феодала. История их сравнительно слабо изучена. Но в них уже шел процесс феодализации и распада патриархально-родовых отношений.

Одним из таких «вольных» обществ являлось Гидатлинское общество, адаты которого были зафиксированы и изданы⁶¹. Согласно этим адатам и народным преданиям, в Гидатлин-

ском обществе все же установилась феодальная власть, так как известны гидатлинские шамхалы, которые часто вступали в союз с аварскими нуцалами для совместных действий против соседних сельских обществ и т. д.⁶² Кроме того, были сельские общества, составлявшие отдельные союзы, создававшиеся для защиты своих джамаатов от посягательств со стороны других обществ и феодалов.

В центральной части Дагестана находился крупный союз сельских обществ и верхнедаргинцев Акуша-Дарго, граничивший с шамхальством Тарковским, уцмийством Кайтагским, ханством Аварским, Мехтулинским и Казикумухским владениями. Центром его являлось селение Акуша, отчего союз и получил такое название.

Образование союза Акуша-Дарго уходит в глубь истории народов Дагестана. Одной из причин его образования являлась необходимость объединения верхнедаргинцев для организации отпора соседним хунзахским феодалам, посягавшим на их территорию и независимость. Только объединенными силами сумели верхнедаргинцы разбить отряд хунзахского нуцала, посланный к ним для сбора ежегодной дани, и избавиться от этой повинности.

В состав этого союза, по утверждению Б. Г. Алиева, более или менее постоянно входил ряд союзов сельских обществ даргинцев: акушинский, усишинский, цудахарский, мекегинский, мугинский⁶³.

Вся полнота верховной светской и религиозной власти в Акуша-Дарго находилась в руках акушинского жадия, которому подчинялись все кадии сельских обществ, входивших в союз.

Акушинский союз стал усиливаться и стал фактически самостоятельным после переноса центра шамхальства в Тарки, но продолжал поддерживать с шамхальством тесные связи⁶⁴. Связи его с шамхальством складывались на экономической основе: нехватка пастбищ (зимних) «заставляла верхнедаргинцев вступать в определенные связи с шамхальством Тарковским, уцмийством Кайтагским и другими владениями и народами Дагестана»⁶⁵. Хотя Акуша-Дарго за плату арендовало пастбища у шамхалов, последние не могли вмешиваться во внутренние дела верхнедаргинцев, имевших всегда, как подчеркивал еще А. Бакиханов, «свои собственные права»⁶⁶.

⁵⁷ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 98; А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. Об одном памятнике по истории Аварии XVII века. Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР, т. 5, 1958, стр. 132—133.

⁵⁸ О. В. Соболева, Указ. соч., л. 34.

⁵⁹ Там же, лл. 31—32.

⁶⁰ Русско-дагестанские отношения..., стр. 90.

⁶¹ Гидатлинские адаты. Подгот. к печати Х. М. Хашаевым и М.-С. Саидовым. Махачкала, 1957.

⁶² Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 137.

⁶³ Б. Алиев. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ. См. Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР, т. XII, Махачкала, 1964 г., стр. 117—119.

⁶⁴ Б. Г. Алиев. Административно-политическое устройство Акушинского союза (Рукопись), л. 37.

⁶⁵ Там же, лл. 39—40, 41.

⁶⁶ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 132.

Представители же союза, между тем, принимали активное участие при избрании шамхала; только акушинский кадий имел право при этом надевать на нового шамхала папаху и опоясывать его мечом (саблей).

Это объяснялось тем, что шамхалы не могли не считаться с Акуша-Дарго, с авторитетом его кадия, который, как отмечалось выше, имел огромное влияние на все союзы сельских обществ, входивших в состав Акуша-Дарго, в свою очередь, являвшегося ранее составной частью Казикумухского шамхальства. По-видимому, Акуша-Дарго в составе шамхальства пользовалось своего рода автономией, признавая верховную власть шамхала, а в своей внутренней жизни оставаясь самостоятельным. Шамхалы, соглашаясь с сохранением упомянутого выше старого обряда после выделения Акуша-Дарго из шамхальства, старались сохранить в его лице сильного союзника, способного выставить в случае необходимости большое количество вооруженных людей. И в самом деле, в дальнейшем шамхалы не раз нанимали себе вооруженные отряды в обществах Акуша-Дарго.

Акуша-Дарго поддерживало тесные связи и с уцмийством Кайтагским. Как сообщает И. Г. Гербер, акушинцы перегоняли свой скот на зимние пастбища в Кайтаг, выплачивая уцмийам большую ренту овцами⁶⁸. Но они, несмотря на стремление уцмиев подчинить их своему влиянию, сохраняли самостоятельность и «усмей с ними вежливо поступать принужден» был, «ибо оные себя подданными числить не дают»⁶⁹. Правда, сообщение Гербера относится к первой четверти XVIII века, но такие связи Акуша-Дарго с Кайтагом возникли еще задолго до рассматриваемого времени.

Взаимоотношения даргинцев, в частности верхнедаргинцев с другими политическими владениями Дагестана, как отмечает Б. Г. Алиев, строились на взаимовыгодных договорных обязательствах⁷⁰.

На территории даргинцев были и другие союзы сельских обществ (Каба-даргва, Буриун-даргва, Сирга), но состав и количество их часто менялись. Многие из них попадали под власть уцмий или других феодальных владетелей Дагестана⁷¹ и не играли особой политической роли.

Южный Дагестан практически мало отличался по политическому устройству от Северного. Наряду с феодальными владениями (Табасаранское майсумство, Цахурское султанство) здесь в этот период также существовали сельские общества и их союзы: Ахтынский, Докузпаринский, Алтыпаринский. Упоминаются, как самостоятельные территории, Хнов и Рутул⁷².

Особое место в Южном Дагестане занимал город Дербент, являвшийся единственным своего рода оборонительным сооружением на западном побережье Каспийского моря и лучшим стратегическим пунктом, которым все завоеватели стремились овладеть и превратить в свою базу. В конце XVI века он подпал под власть Турции, правители которой, по сообщению Эвлии Челеби, получали с торгового оборота в нем 247 мешков денег⁷³. В 1607 году на смену туркам в Дербент пришли иранцы, установившие в нем свои колониальные порядки. Хотя Дербент и был важным стратегическим пунктом, жителей в нем было мало. Этим вызвано сообщение русского купца Федота Котова от 1623 года, что Дербент «крепок», но «не люден»⁷⁴. Последнее было следствием того, что иранские шахи под предлогом борьбы против суннитов, изгоняли из Дербента местное население.

В Дербенте власть принадлежала султану, назначавшемуся иранским шахом. В его подчинении находился и ряд близлежащих сел, составлявших вместе с Дербентом одну из 7 «улька» в составе Ширвана⁷⁵. По свидетельству А. Олеария, «под управлением дербентского султана» находилась и область Мюскюр—«часть провинции Ширвана», простиравшаяся от Дербента до Гиляна и насчитывавшая до 200 селений⁷⁶. Но политика дербентских правителей всецело определялась шахским правительством.

Из правителей Дербента первой половины XVII века известны Ходжа-Мухаммед, сын которого ездил к Аббасу I с изъявлением покорности в 1607 г.⁷⁷; Бархудар-султан, правивший до 1622—1623 гг.⁷⁸. Последний являлся уже ставленником Аббаса I и по его приказу совершил карательные

⁷² Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964 г., стр. 92—93.

⁷³ Эвлия Челеби. Отрывки из «Путешествия». Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 25; «Выдержки из Эвлии Челеби». Науч. архив Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 814, л. 18.

⁷⁴ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958, стр. 34.

⁷⁵ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 93.

⁷⁶ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 449.

⁷⁷ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 94.

⁷⁸ Л. И. Лавров. Южнодагестанский хронограф. 1710—1712 гг. См. Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1959 г., вып. 32, стр. 21.

⁶⁷ Там же; Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965, стр. 15.

⁶⁸ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 107.

⁶⁹ История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 101 (И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.).

⁷⁰ Б. Г. Алиев. Административно-политическое устройство Акушинского союза, стр. 51.

⁷¹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 98.

походы на Эндери в 1619—1620 гг. и на Ахты в 1621—1622 гг., чтобы привести их в покорность Ирану. Как отмечалось, уцмий Рустам-хан получил в 1616 году от Аббаса I грамоту на управление Дербентом⁷⁹, но практически он им не управлял.

При Аббасе I Дербент был еще больше укреплен и превращен в опорную базу Ирана для наступления на Дагестан. Особое внимание было уделено крепости Нарын-кала, где под охраной пушек и 500 солдат проживал шахский наместник, отчитывавшийся перед шахом за продвижение по Прикаспию торговых караванов и дипломатических посольств. Так, Олеарий сообщает, что дербентский правитель, задержку голыштинского посольства объяснял необходимостью соблюдения безопасности, чтобы с ним ничего плохого не случилось и ему не «пришлось бы нести тяжкую ответственность перед шахом»⁸⁰.

Другим крупным феодальным владением южного Дагестана являлось Табасаранское майсумство, праничившее на севере с Кайтагом, на юго-востоке — с владениями Дербента, на юго-западе — с Хивом, на юге — с Кюрой (по реке Гюльгерычай)⁸¹. Население майсумства состояло из табасаранцев и частью из лезгин (жители ряда сел нынешних Касумкентского и Хивского районов). По сообщению русских документов, табасаранский правитель «князь Кадит Зихраров сын» имел «500 человек конных»⁸², что было большой силой для того времени.

Власть в Табасаране в XVII веке, как и в других феодальных владениях Дагестана, была наследственной. Однако у правителя Табасарана сильным соперником являлся кадий, добивавшийся самостоятельного удела и правления⁸³, что свидетельствует о феодальных усобицах в этом владении. К концу XVII века владение табасаранских кадиев превратилось в полунезависимое.

На территории современных лезгин в первой половине XVII века не сложилось ни одного крупного феодального владения. Но еще в XV веке наблюдались тенденции к объединению лезгинских земель вокруг отдельных сел (Ахты, Курах) и образованию так называемых союзов сельских обществ⁸⁴. Союзы сельских обществ являлись уже в XVI века определен-

ную роль в политической жизни Дагестана стали играть также Рутул и Хнов. В грамоте шамхала, например, от 1597 года, как его союзники, упоминаются Хнов («хновская рать») и Рутул («рутульская рать»)⁸⁵, что говорит об их сравнительной политической самостоятельности. В конце XVI—начале XVII вв. в Рутуле даже установилась власть Газибека, которого турецкие и иранские правители стремились привлечь на свою сторону, даря ему в пожалование отдельные близлежащие села⁸⁶.

На самой южной границе Дагестана расположено было султанство Цахурское, охватывавшее, по свидетельству Эвлия Челеби, 150 сел.⁸⁷ Его центр Цахур являлся не только резиденцией правителей: в нем ежегодно устраивались большие базары (ярмарки)⁸⁸, игравшие важную роль в жизни цахур.

По сообщению русских документов, в распоряжении цахурского владетеля Ади Куркулу-бека в конце XVI века было «200 человек конных» воинов⁸⁹.

До вступления шахских войск в Дагестан Цахур находился под влиянием Турции, султан которой еще в 1607 пожаловал его владетелю ряд сел, чтобы удержать его под своим влиянием⁹⁰. Но влияние Турции на Цахур длилось не долго, поскольку правитель последнего был в числе выразивших покорность Аббасу I после вступления его войск в Дербент⁹¹. Более того, можно полагать, что цахурские владетели помогли иранцам при их вторжении в Дагестан и изгнании турок, поскольку Аббас I писал им, призывая их продолжать службу шахскому «двору с подобающим усердием, без упущения», что они «исполнили долг преданности и приверженности»⁹². Об этом же говорит и ряд грамот иранских шахов в исследуемый период к владетелям Цахура Али-Султану, Мамед-хан-беку, Халил-беку с призывом совершать набеги на Грузию совместно с шахскими войсками⁹³. В этих же грамотах видны попытки шахов привлечь к себе владетелей Цахура дарением им денег и земель^{94—99}.

⁸⁵ Там же, стр. 102—103; Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 27.

⁸⁶ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 103.

⁸⁷ Отрывки из «Путешествия» Эвлия Челеби. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 37, л. 26.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 293.

⁹⁰ АКАК, т. II, стр. 1085; ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873. И. Линевич. Бывшее Елисейское султанство, стр. 7.

⁹¹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 94.

⁹² АКАК, т. II, стр. 1086.

⁹³ Там же, стр. 1086—1088.

^{94—99} Там же, стр. 1087.

⁷⁹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 98; И. П. Петрушевский. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, стр. 160.

⁸⁰ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 487, 489—490.

⁸¹ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 97; Отрывки из «Путешествия» Эвлия Челеби. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. I, оп. I, д. 37, л. 25.

⁸² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 293.

⁸³ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 98—99.

⁸⁴ Там же, стр. 94—95.

Особое внимание заслуживает фирман шаха Аббаса II на имя владельца Цахура Халил-бека от 1642 года. В нем говорится, что «владение цахурское на таком же основании, как оно было во владении его отца, жалуюм ему (Халил-беку — У. М.-С.) в тиуль»¹⁰⁰, т. е. в условное пожалование с правом налогового иммунитета. Поскольку такого вида пожалование в Дагестане в исследуемый период встречается в единственном числе, нужно полагать, что цахурские владельцы находились в значительно большей зависимости от иранских шахов, чем остальные владельцы Дагестана. К тому же, Цахур совместно с Элису входил в состав Ширванской области¹⁰¹, правитель которой находился под непосредственным контролем шаха, что также не говорит о самостоятельной политике цахурских владельцев в первой половине XVII века.

Как между этими феодальными владениями, так и между ними и сельскими обществами Дагестана были часты конфликты по самым различным вопросам (борьба за власть, земельные споры и т. д.). Особенно часто конфликтовали тарковские и эндерейские владельцы. Имелись противоречия феодального характера также между Эндери и Аварией, хан которой даже захватил подвластную владельцам первого часть Чечни¹⁰², воспользовавшись для этого незначительным поводом. Феодальные владельцы Аварии стремились подчинить своему влиянию и соседние с ними сельские общества и союзы сельских обществ¹⁰³.

В Дагестане в рассматриваемое время, как и в другие периоды средневековья, имели место феодальные междоусобицы, столкновения феодалов с сельскими обществами или их союзами¹⁰⁴, а также противоречия между союзами сельских обществ и внутри них.

Между тем, анализ имеющихся фактических материалов показывает, что в рассматриваемый период, хотя в Дагестане было много конфликтов внутреннего порядка, народы Дагестана в решающие исторические моменты находили силы и способы объединиться для организации отпора внешним врагам.

Так, например, в 1594 году и в 1604—1605 гг. против царских войск, занявших приморскую часть северного Дагестана до Тарков, выступили не только кумыки, населявшие эти места, но и другие народы шамхальства, а также отряд аварского хана. В 1602 году табасаранцы совместно с кюринцами

и другими горцами выступили против турок, а в 1609—1610; 1610—1611 гг. они уже вместе с лезгинами выступали против шахских войск, вторгшихся в Дагестан. В антииранском вооруженном выступлении 1659—1660 гг. принимали активное участие почти все народы Дагестана. О наличии политических связей между дагестанскими владельцами свидетельствует и грамота шамхала от 1597 г. терским воеводам, где он пишет о «хновской», рутульской, табасаранской, «исминской» (удмийской), «ильперинской» ратях, как о своих союзниках в военное время¹⁰⁵.

Значительную роль в политической жизни Дагестана в то время играли съезды феодальных владельцев и знати Дагестана, созывавшиеся в годы усиления опасности иноземной агрессии и при усилении феодальных распрей и т. д. Как правило, на этих съездах обсуждались вопросы общедагестанского характера: войны и мира, престолонаследия в шамхальстве, взаимоотношений дагестанских владельцев и т. д. Согласно имеющимся сведениям, такие съезды в Дагестане созывались в 1615, 1617, 1618, 1621, 1632, 1633 гг.¹⁰⁶ Несмотря даже на несоблюдение принимаемых на них решений (запрещение междоусобиц, запрет привлекать на помощь себе иностранные войска), созыв этих съездов свидетельствовал о наличии в Дагестане определенных объединительных союзнических тенденций и стремлении его народов к внутреннему миру. Хотя эти объединительные тенденции в силу ряда причин и не привели к образованию общедагестанского государства со всеми его атрибутами, они способствовали укреплению дружбы между дагестанскими народами, что имело большое значение в условиях феодальной раздробленности.

Следует также отметить, что уровень экономической жизни и общественные отношения в различных феодальных владениях и союзах сельских обществ Дагестана в описываемый период были различны: в Дагестане в этот период рядом с феодальными владениями, отличавшимися друг от друга по размерам, численности населения, уровню общественно-экономического развития, существовали многочисленные сельские общества и их союзы, которые также играли важную роль в политической жизни Дагестана.

* * *

Не менее сложную картину представляло в этот период и внешнеполитическое положение Дагестана. Сложность его объяснялась тем, что Дагестан в конце XVI — первой поло-

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Указ соч., стр. 100.

¹⁰² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 90.

¹⁰³ История Дагестана, т. I, М., 1967, стр. 251.

¹⁰⁴ Там же, стр. 98.

¹⁰⁵ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 27.

¹⁰⁶ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 57.

вине XVII вв. стал объектом борьбы трех крупных держав: Ирана, Турции, России, стремившихся установить над ним свое политическое господство. Внешнеполитическое положение Дагестана в этот период наряду с торгово-экономическими и политическими связями с другими народами Кавказа, определялось политикой указанных стран на Кавказе, их отношением к Дагестану.

В конце XVI и в самом начале XVII вв. Россия пыталась военным путем установить свое политическое господство над Дагестаном.

Это было вызвано как стремлением ее распространить свое влияние на Северный Кавказ, так и желанием обезопасить свои южные границы, в частности город Астрахань, от возможной крымской и турецкой агрессии, вероятность которой не была исключена, так как еще в 1569 году крымско-турецкие войска пытались захватить Астрахань¹⁰⁷.

Захват Дагестана Турцией или Ираном не был в интересах политики России, так как царское правительство само стремилось овладеть Дагестаном. Поэтому, воспользовавшись формальным обращением к нему грузинских правителей направить «рать на Шевкала»¹⁰⁸, царское правительство двинуло весной 1594 г. в шамхальство Казикумухское войска в числе двух тысяч пятисот человек. По пути к Койсу (Сулаку) к ним присоединились терские казаки¹⁰⁹. Хворостинину, возглавлявшему русские войска, удалось разбить отряды шамхала, отступившего в Тарки.

Царские воеводы поставили ряд крепостей по пути своего продвижения в Дагестане. Но попытка их основать крепость также у Тарков кончилась крахом, так как сыновья Чубаншамхала, собрав ополчение из горских народов, «града поставить не дали»¹¹⁰. В конце концов русский отряд, оторвавшийся от своей основной базы в Астрахани и лишенный всякой помощи из России, потерпел поражение.

После этой неудачи Россия в течение 10 лет не решалась наступать на Дагестан, а только «старалась сбить Турцию

с ее позиций на Северном Кавказе»¹¹¹, чтобы не потерять окончательно влияние на северо-кавказские народы.

В 1604 году царь Борис Годунов сделал решительную попытку утвердиться в Дагестане. С этой целью он направил под Тарки около 10 тысяч войск под командованием Бутурлина и Плещеева. Кроме русских стрельцов, в этом походе принимали участие и «ногайские мурзы»¹¹². По-видимому, царские войска не случайно были двинуты в Дагестан именно в этом году. На наш взгляд, вызвано было это расчетом, что Турция (по договору ее с Ираном от 1590 года Дагестан считался сферой влияния Турции), занятая перешедшими в наступление в 1603 г. шахскими войсками, не сможет организовать сопротивление русским войскам в Дагестане.

Наступление царских войск шло успешно. По пути в Тарки они «поставили крепости на Сулаке и Акташе»¹¹³, тем самым отрезав горцев от зимних пастбищ, что тяжело отразилось на их хозяйстве (скотоводстве). Русские войска заняли Эндери, Теплые воды. Была захвачена и резиденция шамхалов Тарки, где царские воеводы решили создать укрепление под названием Новый город. Строительные работы развернулись широко, так как воеводы спешили до наступления зимы закончить строительство укреплений¹¹⁴. Опасаясь потерять независимость, владетели Дагестана, особенно шамхальства, подстрекаемые также султанской Турцией, стали собирать силы для изгнания русских.

Царские воеводы, как отмечал еще Н. М. Карамзин, — «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада»¹¹⁵ у горцев. Этой грабительской политикой они восставили против себя все местное население. Поэтому шамхалу, вытесненному русскими войсками из Тарков и в силу этого проявившему большую инициативу в изгнании русских из шамхальства, не стоило больших трудов организовать борьбу горцев, которых, как отмечает В. Потто, посылал к нему каждый день встревоженный Дагестан¹¹⁶. Шамхалу в короткий срок удалось блокировать русские отряды в Тар-

¹⁰⁷ См. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки М.—Л., 1954, стр. 64—86.

¹⁰⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. СПб., стр. 288; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 253—265; В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 77—78.

¹⁰⁹ В. В. Бартольд. Дагестан. Соч., т. III, М., 1965, стр. 414; В. Потто. Кавказ до Петра. СПб., 1896, стр. 2; Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850, III отд., стр. 44; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 131—132; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, стр. 278.

¹¹⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CV; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

¹¹¹ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг., стр. 17.

¹¹² Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Уч. зап. МГУ, т. II, 1946, стр. 4; Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850, отд. III, стр. 44.

¹¹³ В. Потто. Кавказ до Петра, стр. 5.

¹¹⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI, СПб., стр. 36—37; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CX; В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 81.

¹¹⁵ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, стр. 37; В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 81—82.

¹¹⁶ В. Потто. Кавказ до Петра. СПб., 1898, стр. 3.

ках, где создано тяжелое положение с продовольствием. К весне 1605 года он организовал уже довольно сильную антирусскую коалицию, куда входили силы шамхала, крым-шамхала, кумыкских мурз, аварцев, даргинцев¹¹⁷.

Однако дагестано-русский конфликт 1604—1605 гг. вышел за рамки русско-дагестанских отношений. В него вмешалась султанская Турция, сохранявшая к 1604 году господствующее положение в Дагестане и опасавшаяся лишиться его с вступлением русских войск в Дагестан. Поэтому она и помогла Султан-Махмуду в изгнании русских войск из Дагестана. Султан-Махмуду удалось в 1604 г. «собрать 13 000 черкесов, которые, будучи подкрепляемы крымскими татарами и Герейхан-шамхалом, сыном Чубан-шамхала»¹¹⁸, напали на русские укрепления.

Вначале «турки, соединились с кумыками, лезгинами, аварцами» и весной 1605 года выбили небольшой отряд князя В. Долгорукого из крепости на Койсу¹¹⁹. После этого они перенесли главный удар на Тарки, где были сосредоточены основные силы русских во главе с Бутурлиным. Шамхал добивался немедленного ухода царских войск из его владений. Бутурлину удалось договориться с ним на выгодных условиях, которые при их соблюдении должны были гарантировать безопасность русских отрядов. Русские воеводы требовали, чтобы отряды шамхала отошли от Тарков и дали русским возможность без потерь уйти за Сулак, чтобы шамхал позаботился о русских тяжелобольных и раненых, которых невозможно было сразу вывезти из Тарков. Кроме того, воеводы потребовали в заложники сына шамхала на время до ухода из Тарков всех остающихся там русских людей за Сулак¹²⁰.

Шамхал, турки и духовенство, добиваясь выхода царских войск из Тарков, формально согласились со всеми условиями воевод, дали клятву соблюдать их. Более того, они даже обещали наделить русских всеми нужными запасами¹²¹. Но когда русские отряды вышли из крепости и направились в сторону Сулака, муллы «освободили» всех мусульман от

клятвы и провокационно объявили, что смерть в бою с «неверными» равна превознесению в рай. Это послужило тому, что отряды шамхала, турков и крымцев, нарушив условия договора с русскими, напали на их отступавшие отряды. Русские войска «открыли сражение и, — как подчеркивает Г. Алкадари, — бились пока все не были убиты»¹²². Их потери, согласно имеющимся сведениям, доходили до 7000 человек¹²³.

События 1604—1605 гг. в Дагестане и участие в них турецких отрядов привлекли внимание ряда исследователей. Суть вопроса состоит в том, кто нанес основной удар по царским войскам — дагестанские отряды или турки. В дореволюционной историографии на этот вопрос обратили внимание Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев.

Н. М. Карамзин писал, что «шавкал, тщетно ожидая вспоможения от Аббаса, искал защиты Магомета III, который велел дербентскому и другим пашам своим в областях каспийских изгнать россиян из Дагестана». Однако, хотя идея «изгнать россиян из Дагестана» исходила от султана, практически ее исполнили «вероломные кумыки», которые, как Н. М. Карамзин отмечает далее, дав русским «свободный путь из крепости до степи, вдруг окружили их и начали страшное кровопролитие»¹²⁴.

Идентично этому и утверждение С. М. Соловьева о том, что русские «вторично утвердились было в Тарках, но турки вытеснили их отсюда, а кумыки перерезали их при отступлении»¹²⁵.

Советские историки Ш. А. Месхиа и Я. З. Цинцадзе, Н. А. Смирнов, Е. Н. Кушева, В. Г. Гаджиев¹²⁶ дают этому вопросу в основном одинаковую оценку, несколько преувеличивая роль турок в изгнании царских войск из шамхальства. Наиболее четко эта линия выражена Н. А. Смирновым, пишущим, что «после длительного сопротивления Бутурлин заключил с турецким пашой перемирие», «чтоб его выпустить

¹¹⁷ Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 43.

¹¹⁸ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, стр. 374; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CX.

¹¹⁹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, стр. 43.

¹²⁰ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IV, стр. 374.

¹²¹ Ш. А. Месхиа и Я. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958, стр. 50—51; Н. А. Смирнов. Указ. соч., т. II, стр. 4; его же. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVII—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 26; Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. (Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 133); В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 82.

¹²² Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 43; Кавказский календарь на 1851 г., Тифлис, 1850, III отд., стр. 44.

¹²³ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

¹²⁴ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CX; Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, стр. 43; Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 26; В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 82.

¹²⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. CX; В. Потто. Указ. соч., стр. 8; В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 82.

¹²⁶ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. XI, стр. 43.

на Терек здорово, не побити и не пограбити»¹²⁷. Здесь турецкий паша объявляется главным действующим лицом.

На наш взгляд, при исследовании событий 1604—1605 гг. нельзя как преувеличивать, так и недооценивать роль турецких пашей и войск в изгнании русских из Дагестана. Безусловно, Турция опасалась вступления русских войск в Дагестан, так как это означало бы конец ее влиянию на дагестанских владетелей. Поэтому турецкий султан разжигал антирусскую вражду среди владетелей шамхальства и даже оказал им помощь в изгнании царских войск. Но если учесть, что в 1603—1605 гг. турецкие войска с трудом сдерживали натиск шахских войск в Закавказье, то становится ясным, что турецкий отряд, прибывший из Шемахи на помощь шамхалу под Тарки, не мог быть таким многочисленным, чтобы разбить три полка русских войск.

В уходе же русских войск из шамхальства больше, чем султан Турции, были заинтересованы шамхал казикумухский и Султан-Махмуд эндерейский, вытесненные царскими воеводами из своих резиденций. Приход царских войск, как выше отмечалось, с их грабежами и бесчинствами возмущал и рядовых горцев, видевших в пришельцах типичных захватчиков, тем более, что и до этого царские войска совершали на территории Дагестана разорительные походы. Этим и объясняется то, что Султан-Махмуду к весне 1605 года удалось собрать до 13 тысяч войск, которые при создавшихся тогда неблагоприятных для царских войск условиях могли выбить их из шамхальства и без помощи турок. Кроме того, анализ выдвинутых русскими воеводами условий их ухода из Тарков (требовали гарантий безопасности именно от шамхала, а не от турецких пашей) также свидетельствует о решающей роли местных (дагестанских) сил в изгнании царских войск.

Нужно отметить, что это была единственная попытка России в XVII в. насильственным путем утвердиться в Дагестане, хотя от этой идеи царизм никогда и не отказывался. В рассматриваемый же период развернувшаяся с 1606 года польско-литовская интервенция отвлекла все силы Русского государства, поэтому вопрос о Дагестане оставался для него открытым, нерешенным. Россия старалась в этот период только не дать туркам или иранцам захватить Дагестан, понимая угрозу такого явления для интересов безопасности своих южных границ.

Однако Россия, отказавшись от применения военной силы в отношении Дагестана, взяла на вооружение иные методы. Создав на Северном Кавказе еще в конце XVI века ряд кре-

постей (Терки, Сунженский городок и др.), она использовала их для усиления своего влияния на местные, в том числе и дагестанские народы. Особую роль в этом деле царизм отводил Терскому городку, из которого царское правительство осуществляло своего рода политический надзор над северокавказскими народами. Из Терского городка посылались в Дагестан представители царской администрации с грамотами царя к феодальным владетелям. В Терском и Сунженском городках содержались царские гарнизоны, наличие которых в северокавказских крепостях, играя положительную роль в сдерживании натиска иранцев и турок на Дагестан, оказывало также определенное политическое влияние и на местные народы.

Царская администрация требовала также от дагестанских владетелей, чтобы они в знак верности царизму, посылали своих заложников (аманатов) в Терский город. Кроме того, от дагестанских владетелей требовалось, чтобы они были «надежными» царю, охраняли бы его послов и торговых людей, выступали бы против его врагов и т. д. Так, в 1598 году царь Федор Иванович пишет: «И ты б, Аварский князь, похотя к себе нашего жалованья, тем нам первую свою службу показал, сына своего или племянника на Терку к нашим воеводам прислал и наших послов через свою землю пропустил и проводить их послал людей своих до Грузинские земли»¹²⁸. Таковы же были по своему характеру и множество других грамот русских царей дагестанским владетелям¹²⁹.

Царское правительство, внешне проводя политику союза с владетелями Дагестана, старалось в то же время не допустить мира между ними, разжигало вражду среди них, искусно лавируя среди феодальных противоречий. Оно давало указание терским воеводам «Ильдара-мурзу с Султау Магмутом мурзою ссорити тайным обычаем», но чтобы последним это было «не ведомо» и «помирится бы им однолично не дати»¹³⁰. Терским воеводам, являвшимся проводниками русской политики на Северном Кавказе, рекомендовалось царем писать к Султан-Махмуду и Ильдари каждому в отдельности, что только тот именно и пользуется покровительством царя, а не другой. И все это делалось, чтобы «им в соединенье быти не дати»¹³¹.

Такого рода сведения встречаются во многих русских документах. Так, в решении Боярской думы (1614 г.) о приня-

¹²⁸ С. А. Белокуров, Указ соч., стр. 104.

¹²⁹ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958, документы: №№ 1, 2, 4, 9, 13, 20, 32, 33, 34, 40, 44, 49.

¹³⁰ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 305, ч. II, л. 245.

¹³¹ Там же, д. 305, ч. V, лл. 718—719.

¹²⁷ Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 4.

тии кумыкского владельца Султан-Махмуда в русское подданство сказано, чтобы князю Гирею во избежание обострения отношений с ним написали, что по его просьбе царь «Султан-Магмута-мурзы з братьею под свою царскую руку принимать и в Терский город закладов у него имать не велел»¹³². Царское правительство в 1632 году выразило также прямое недовольство попыткой уцмий Рустем-хана кайтагского помирить враждовавших кумыкских владетелей Султан-Махмуда эндерейского и Ильдара тарковского¹³³.

Общей тенденцией политики России в отношении Дагестана оставалось стремление привлечь на свою сторону его владетелей. Но при этом она стремилась не допустить объединения их в единый политический союз, старалась привлечь к себе каждого в отдельности, чтобы легче было диктовать им свою волю и т. д. Поскольку же Россия после 1605 года не сделала ни одной попытки силой оружия подчинить Дагестан своей власти, а лишь старалась усилить свое влияние на его владетелей различными уступками торгово-экономического характера, то ее политика в исследуемый период не представляла прямой угрозы политической независимости Дагестана. Более того, в создавшейся международной обстановке усиление ее позиций на Северном Кавказе даже играло объективно положительную роль в сдерживании агрессии иранских шахов в Дагестане.

Внешнеполитическое положение Дагестана осложнялось в этот период усилением натиска турецких и иранских правителей на Северный Кавказ. В конце XVI века часть территории Дагестана, особенно южного, оказалась под контролем турок, гарнизон которых до конца 1606 года оставался в Дербенте, оказывая влияние и на ряд владетелей Дагестана. Турция в XVI в. несколько раз пыталась организовать проход через Дагестан крымских войск в Закавказье против иранцев¹³⁴. Как правило, эти походы сопровождалась грабежами и насилиями. Поэтому местное население выступало против них. Это сопротивление северокавказских народов (кабардинцев, дагестанцев), поддержанное русским правительством, заставило турецкого султана отказаться от намечавшихся в 1606, 1608, 1616, 1629 и 1635 гг. походов крымских войск через Дагестан в Закавказье¹³⁵.

В начале XVII века влияние Турции на Кавказе значительно ослабло. Турки вынуждены были уйти и из Дагестана, где уже против них в 1602 году восставали кюринцы,

табасаранцы и другие горцы¹³⁶, с которыми турецкие войска расправились жесточайшим образом.

Однако турецкие правители даже после ухода из Дагестана под натиском шахских войск, вытеснивших их из Закавказья, никак не хотели мириться с потерей своего влияния на горцев. Они не раз пытались вновь привлечь дагестанских владетелей на свою сторону, обещая им всякие блага. Так, в 1635 году несколько турецких агентов тайно проникло в Дагестан и встретилось с владетелями Эндери, Казикумуха, Табасарана и Кайтага¹³⁷. Однако последние не выразили особого желания установить связи с султаном. И только уцмий Кайтага Рустам-хан в 1645 году при нападении на его владение иранских войск с целью свержения его и возведения в уцмийское достоинство его претендовавшего на уцмийство племянника Амирхан-Султана имел намерение обратиться за помощью к Турции¹³⁸. Но и это намерение Рустам-хана не было практически реализовано в силу сложности создавшейся к этому времени политической обстановки на Северном Кавказе.

Наиболее серьезную угрозу политической независимости народов Дагестана в первой половине XVII века представляла агрессивная политика иранских шахов в отношении северо-восточного Кавказа. Одержав в 1603—1606 гг. в Закавказье ряд побед над турками в возобновленных в 1603 году военных действиях, шахские войска вторглись в 1607 году в пределы Дагестана, оккупировали Дербент, превращенный ими в опорную базу для борьбы за господство над Дагестаном и другими народами Северного Кавказа.

По ирано-турецкому мирному договору 1612 года в сферу влияния Ирана попал и Дагестан¹³⁹. Правители Ирана приняли ряд мер к закреплению своего политического господства в Дагестане. С этой целью они совершили ряд походов в горные районы Дагестана, о чем сохранились сведения в надписях на надгробных памятниках и плитах, а также на полях арабских рукописей¹⁴⁰. Походы иранских войск причиняли большой ущерб хозяйству горцев. Аул Ахты был настолько разрушен шахскими войсками в 1620—1621 гг., что его смогли восстановить только через 8 лет.

¹³⁶ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Указ. соч., стр. 112.

¹³⁷ Русско-дагестанские отношения..., стр. 134—137.

¹³⁸ Там же, стр. 170.

¹³⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 134.

¹⁴⁰ Л. И. Лявов. Южнодагестанский хронограф 1710—1712 гг. Краткие сообщения Ин-та этнографии, т. XXXII, М., 1959; Б. Г. Алиев. Памятники старины. Газ. «Ленинское знамя» (даг. яз.) от 21 января 1965 г., стр. 3—4.

¹³² Русско-дагестанские отношения..., стр. 46.

¹³³ Там же, стр. 96—98.

¹³⁴ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 84—85.

¹³⁵ Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 921.

Дагестан был для правителей Ирана наиболее удобным плацдармом для борьбы за Северный Кавказ, ставший с конца XVI века предметом особого внимания России, Турции, Крыма и Ирана. Без подчинения Дагестана иранские шахи практически не могли осуществить и свой план по созданию огромного государства от границ Индии «и до Крыма»¹⁴¹ с включением в него всех и северокавказских народов. Этим объяснялось упорное стремление шахов Ирана овладеть Дагестаном.

Во имя достижения своих целей шахи не скупились на подарки владельцам Дагестана, давали им жалование, дарили им земли, награды, но когда это не оказывало должного действия и не приводило к положительным результатам, в ход пускались угрозы и войска. И нужно отметить, что к последнему средству борьбы иранские шахи прибегали весьма часто.

В 1609—1610 гг. имело место столкновение иранских войск с отрядами табасаранского майсума; в 1610—1611 гг. было столкновение табасарано-лезгинских сил с шахскими войсками; в 1611—1613 гг. войска кзылбашей не раз вторгались на территорию Акуша-Дарго; согласно обнаруженной в селении Хурик Табасаранского района арабской рукописи, в 1615 году кзылбашаи совершили карательный поход по аулам Кайтага и Табасарана; в 1619—1620 гг. иранские войска посланы были против эндерейского владельца, чтобы привести его в покорность шаху; в 1620—1621 гг. отряды карательных войск иранцев разрушили Ахты.

Особую активность по подчинению Дагестана своей воле проявил шах Аббас II (1642—1666). В 1645 году он добился свержения непослушного ему уцмий Кайтага Рустам-хана и установления в Нижнем Кайтаге власти своего ставленника Амирхан-Султана. Уцмий Рустам-хан был вытеснен в горы. Однако попытки Аббаса II расширить сферу своего влияния и подчинить себе горцев Дагестана привели к 30-тысячному антииранскому вооруженному выступлению народов Дагестана в 1659—1660 гг. На подавление этого выступления шах направил около 20 тысяч солдат с артиллерией. Серьезную угрозу политической независимости горцев в этот период представляли и попытки шахов создать в Дагестане сеть крепостей для поселения в них своих гарнизонов. Как сообщают документы, они хотели «на Койсе и в Тарках ставить города» и в них «посадить людей своих» с воеводами¹⁴².

¹⁴¹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 305.

¹⁴² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 540—541; ИГАДА, ф. 121. Кумыкские дела, 1614 г., д. 1, л. 3.

Все это свидетельствует о том, что внешнеполитическое положение Дагестана в исследуемый период было довольно сложным и что наибольшую опасность независимости его народов представляла агрессивная политика иранских шахов.

Важным фактором, влиявшим на внешнеполитическое положение Дагестана в этот период, было наличие тесных торгово-экономических и политических связей с народами Северного Кавказа и Закавказья, также ведшими борьбу против захватнической политики иранских шахов. Так, в 1614—1615 гг. шах Аббас I двинул свои войска на подавление антииранского восстания в Грузии. Подавив это восстание, Аббас I направил часть войск на Северный Кавказ через Дарьял, чтобы оттуда проникнуть в северную часть Дагестана, расправиться с кумыками за их отказ выступить против Грузии, боровшейся за свою независимость.

Однако народы Кабарды и Осетии оказали иранским войскам упорное сопротивление и северокавказская экспедиция Аббаса I потерпела поражение. Шахские войска имели успех лишь в части северокавказских земель, прилегавших к Грузии. Из кабардинских князей только Мудар Алкасов, владения которого находились близ Дарьяльского ущелья, сделался вассалом шаха¹⁴³. Остальные владельцы Кабарды оказали упорное сопротивление шахским войскам, которые поэтому вынуждены были отступить¹⁴⁴.

Из Кабарды иранские войска повернули в Осетию. Но и «осетины оказали шаху серьезное сопротивление»¹⁴⁵, не пропустили через свою территорию его войска.

В силу этой невыгодной для его захватнических планов обстановки на Северном Кавказе, которая по времени совпала с мощным антииранским восстанием в Грузии, где было уничтожено «до 47 тысяч персиян»¹⁴⁶, и антикзылбашскими восстаниями 1614—1615 гг. в Ширване и Карабахе, шах Аббас I вынужден был отказаться от плана окружения Дагестана и направить свои усилия на подавление этих восстаний.

Особую угрозу представляло для Ирана восстание в Ширване, население которого в знак протеста против попыток шаха Аббаса I переселить «непокорных» во внутренние Иран и южный Прикаспий поднялось на борьбу против гнета династии Сефевидов, пришедшей к власти в Иране в начале XVI века. Восставшие установили связь с кахетинскими по-

¹⁴³ Кабардино-русские отношения. т. 1, № 55; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 82.

¹⁴⁴ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 381.

¹⁴⁵ М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России, стр. 37.

¹⁴⁶ А. А. Цагарели. Указ. соч., стр. 18.

встанцами¹⁴⁷. Аббас I двинул против восставшего Ширвана 15 тысяч войск во главе с Исфендияр-ханом¹⁴⁸. С большим трудом ему удалось подавить это восстание.

Отказу Аббаса I от похода в Дагестан в эти годы способствовало и восстание 1615 года в Карабахе, являвшемся местом зимовки шахской армии. Население Карабаха страдало от насилий и грабежей шахских солдат, а также от многочисленных поборов в пользу иранской армии¹⁴⁹, почему оно и поднялось на борьбу против шахского гнета.

Несомненно, на исход этих событий существенное влияние оказало и сопротивление России усилению шахских позиций на Северном Кавказе. Россия в январе 1615 года направила в Иран Григория Шахматова, чтобы предотвратить поход шахских войск в Дагестан и Кабарду¹⁵⁰. Аббас I при крупных антииранских восстаниях в Закавказье и нападении 100-тысячной турецкой армии на Ереван¹⁵¹, где был осажден иранский гарнизон, не решился обострить отношения с Россией из-за Дагестана.

В силу выше изложенных обстоятельств Аббас I воздержался от похода на Дагестан в 1614—1615 гг. и ограничился угрозами послать «Исуп-хана своего со многою ратью»¹⁵². Основной удар он направил в эти годы против восставшей Грузии и против турок¹⁵³ под Ереваном. Но от идеи похода на Дагестан шах не отказывался.

В 1616 году с целью предотвращения нового похода шахских войск на Дагестан направлено было в Иран царем посольство Ф. Левонтьева и Б. Тимофеева; с аналогичной целью в 1618 году в Иран был направлен князь Барятинский. В дальнейшем туда же был направлен ряд представителей России¹⁵⁴.

Таким образом, внутреннее и внешнеполитическое положение Дагестана в первой половине XVII века оставалось очень сложным, неустойчивым, его историческая судьба и политическая независимость находились в неразрывной связи со

всей системой политических взаимоотношений народов Кавказа между собой и с наиболее заинтересованными в кавказской политике странами: Турцией, Ираном, Россией, Крымом. Владетелям Дагестана, чтобы сохранить свою политическую независимость, приходилось маневрировать между ирано-турецкими и ирано-русскими противоречиями. И нужно сказать, что они это делали успешно.

* * *

В XVII веке население Дагестана, как и ранее, занималось земледелием и скотоводством, вело торговлю с соседними странами Кавказа и с Россией. Земледелием и скотоводством занимались как в горах, так и на плоскости, но в зависимости от естественно-географических особенностей местности та или иная отрасль хозяйства принимала ведущую форму.

У жителей плоскостной зоны Дагестана ведущее место в хозяйстве занимало пашенное земледелие. В приречных местах оно было орошаемое, но в основном — не поливное (богарное). Сеяли здесь почти все известные на Кавказе культуры: пшеницу, ячмень, рожь, просо, горох, а также коноплю, лен, овес¹⁵⁵. Особенно благоприятной для земледелия была кумыкская территория: мягкий климат, плодородная почва, множество рек, «создававших большие возможности для орошения». На орошаемых землях кумыки «сеяли ячмень, просо, пшеницу, рис и другие хлебные злаки»¹⁵⁶. Особое место среди злаков отводилось пшенице, которая шла не только на удовлетворение внутренних потребностей Дагестана, но и на русский рынок — в Терский город¹⁵⁷.

Сообщение русских документов о том, что, когда в 1614 году «в Кумыках и в Черкасах хлеб не дородился», русские крепости на Северном Кавказе испытывали большие затруднения в снабжении хлебом¹⁵⁸, позволяет предполагать о значительных площадях, отводимых под пшеницу.

Существенное место занимало земледелие также в Кайтаге и приморской части южного Дагестана. Кайтаг полностью обеспечивал себя хлебом. Имеются даже сведения, что из Кайтага отправляли в Терский город пшеничную муку для

¹⁴⁷ А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. М., 1959. (Канд. дисс.), л. 98; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. II (XIII век — сер. XVII в.); (макет). Глав. ред. ак. М. Н. Тихомиров, стр. 100.

¹⁴⁸ А. П. Новосельцев. Указ. соч., л. 100.

¹⁴⁹ Там же, л. 102.

¹⁵⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 307.

¹⁵¹ А. П. Новосельцев. Указ. соч., л. 100.

¹⁵² Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 292.

¹⁵³ Там же, стр. 223.

¹⁵⁴ Д. М. Лебедев. География в России XVII века. М.—Л., 1949, стр. 175—176.

¹⁵⁵ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 40; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 100—101.

¹⁵⁶ А. И. Тамай. Кумыки в XV—XVII вв. Махачкала, 1957. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 165, л. 2.

¹⁵⁷ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 52.

¹⁵⁸ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 299; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 73.

продажи там¹⁵⁹. О наличии в Кайтаге развитого пашенного земледелия можно судить и из сообщения А. Олеария о деревнях, имевших вокруг себя «тучные пашни»¹⁶⁰. Почти то же самое пишет и Стрейс («Прекрасные луга и поля, поросшие хлебными злаками, ячменем, различными овощами и зеленью, которая употребляется в пищу»)¹⁶¹.

Пашнями были богаты также районы Дербента, Табасарана, Кюре, где широко «применялось искусственное орошение»¹⁶². В этих районах сеяли пшеницу, ячмень, просо. В плоскостных районах Дагестана производилось достаточное количество хлеба, но в горах ощущался его недостаток.

Несмотря на большие затраты труда, земледелие не могло прокормить горцев. У них не хватало на год своего хлеба. Поэтому они закупали хлеб на плоскости, в Грузии, Азербайджане, обменивая на него продукты животноводства¹⁶³. В некоторой степени эта нехватка хлеба в горах и необходимость приобретать его на плоскости или у соседних народов заставляла горцев вступать в торговые (меновые) отношения с ними, что способствовало разрушению натурального хозяйства, являвшегося основным типом хозяйства в горах.

На характер земледелия большое влияние оказывали естественно-географические условия тех или иных мест. В плоскостной части Дагестана, где весной и летом ощущалась нехватка осадков, населению приходилось уделять много внимания орошению посевов, полей и садов. В горных районах же нехватка пахотоспособных земельных площадей заставляла горцев заниматься весьма трудоемким terracing горных склонов, чтобы отвоевать у суровой природы хотя бы мизерные клочки пахотной земли, расчистить их от камней. «Вековой опыт научил горца наиболее удачно использовать горные склоны, создать террасную систему земледелия»¹⁶⁴. Создание искусственных террас свидетельствовало о том громадном значении, которое придавалось горцами земледелию, об упорности их борьбы за приобретение клочка пахотной земли, о нехватке естественных пахотных участков.

В горной части Дагестана земледелие было широко представлено в Хунзахском, Батлукском, Койсубулинском обществах и в отдельных лакских селениях¹⁶⁵. Развито было зем-

леделие в Урахинском и Акушинском союзах сельских обществ¹⁶⁶ и т. д.

Обработка земли в Дагестане на плоскости и в горах производилась в основном одними и теми же сельскохозяйственными орудиями: соха, мотыга, кирка, борона и т. д., зачастую изготовлявшимися в индивидуальных хозяйствах местными мастерами. Особенно тщательно проводилась пахота, которая имела свои особенности на плоскости и в горах. В горах пахали сохой, которую, как правило, тянула пара быков. Малые земельные наделы давали горцам возможность тщательно обработать их. На плоскости же применялся деревянный плуг с железным лемехом. В плуг на плоскости впрягалось по несколько пар быков или буйволов¹⁶⁷, что давало возможность глубоко пахать.

Наряду со злаковыми культурами в Дагестане, широкое распространение имели и садовые культуры. В Дагестане, как отмечают путешественники, выращивались яблоки, груши, абрикосы, гранаты, айва, клюква, черешня, шафран, вишня, орехи, тутовые (шелковичные) деревья, персики и другие фрукты¹⁶⁸. Сады разводились в речных долинах, где легко можно было их поливать, на землях трудных для пахоты, на склонах гор, защищенных от ветров. Садоводство, как отмечает Е. Н. Кушева, позволяло дагестанцам вести широкую торговлю фруктами на Северном Кавказе, с Россией¹⁶⁹.

Сады имелись как в части Дагестана, населенной кумыками, так и во всем Южном Дагестане. Так, Олеарий сообщает о винограднике недалеко от Дербента¹⁷⁰. Турецкий путешественник Эвлия Челеби пишет о местечке «Рукал» под Дербентом «с мечетью, гостиницей, баней, улицами, садами, садиками до трех тысяч домов»¹⁷¹. Он же пишет о «густых лесах» по пути из Дербента в Кюре, о садах в Кюре («у них есть свои сады»), о Табасаране, расположенном «между садами и цветниками»¹⁷².

¹⁶⁶ Подробно об этом см. Б. Г. Алиев. Землевладение и землепользование в Урахинском союзе сельских обществ; его же. Акуша—Дарго в XVII—XVIII вв.

¹⁶⁷ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 101.

¹⁶⁸ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 490, 495; Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 223; Г. Шобер. Указ. соч., стр. 390.

¹⁶⁹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 289.

¹⁷⁰ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 490.

¹⁷¹ «Выдержки из Эвлии Челеби». Пер. с тур. яз. Ф. Бабаева. Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 814, л. 16.

¹⁷² Эвлия Челеби, л. 26, 100. (Взято из книги Х. Х. Рамазанова, А. Р. Шихсандова «Очерки истории южного Дагестана», Махачкала, 1964, стр. 88).

¹⁵⁹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 299;

¹⁶⁰ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 495.

¹⁶¹ Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 223.

¹⁶² Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсандов. Указ. соч., стр. 87—88.

¹⁶³ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 41.

¹⁶⁴ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсандов. Указ. соч., стр. 87.

¹⁶⁵ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 101.

Садоводство занимало большое место в хозяйстве и кайтагцев. У них, по сообщению Олеария¹⁷³, было много «плодовых садов». Стрейс также пишет, что их путь в Кайтаге лежал «через заросли, где видели много кабанов, пожирающих плоды, упавшие с деревьев, так как этот лес был ничем иным, как фруктовым садом, с различными плодовыми деревьями» «с множеством яблок, груш, вишен, слив, фиг, каштанов, грецких и волошских орехов и других»¹⁷⁴.

Несомненно, садоводство развито было и в северной плоскостной и предгорной частях Дагестана. Так, по сообщению русских архивных документов, в районе аула Буйнак были «села многие и винограду и пашни и лесу много»¹⁷⁵. В начале XVIII века эта часть Дагестана была богата садами. Так, по сообщению Готлиба Шобера (1717 г.), предгорные лесосады были наполнены плодовыми деревьями: яблонями, грушами, абрикосами, персиками, шелковыми деревьями, и лесным виноградом, а в садах рос виноград, ягоды которого имели до двух дюймов длины, были прозрачны и почти без косточек¹⁷⁶.

Садоводством занимались и в горных районах Дагестана, за исключением высокогорных, где природные условия для этого были неблагоприятными. Садовые культуры почти все были известны дагестанцам.

Большое место в земледельческом хозяйстве жителей плоскостной части Дагестана, как и раньше, занимало разведение марены, из которой получали красители, и торговля ею.

Большое внимание в Дагестане уделялось как обработке земли, так и применению местных удобрений (зола, навоз, птичий помет и т. д.). Искусственное орошение практиковалось почти повсеместно, где оно было возможно в тогдашних условиях. Особенно искусно проводилось оно в горах, где для полива садов воду проводили по каменистым склонам гор, через ущелья и т. д.

Не менее важным занятием населения Дагестана в этот период, как и ранее, было животноводство, особенно овцеводство, носившее отгонный характер. Путешественники, побывавшие в Дагестане в то время, пишут, что «кормятся они (дагестанцы — У. М.-С.) скотоводством», из чего легко понять значение и роль животноводства в жизни горцев. Олеарий писал, что владетель Буйнака «средства для жизни»

получает от овечьих стад, которых у него было очень много»¹⁷⁷. Сообщение о скотоводстве в районе Буйнака мы находим и в русских документах («около того городища села многие... и скоту добре здорово») ¹⁷⁸. Стрейс также отмечал, что в Кайтаге «очень много скота, жирных коров, козлов, овец с широкими хвостами»¹⁷⁹, т. е. курдючных овец. Овцеводство было развито повсеместно. Овец было много, если судить даже по одному сообщению, где говорится, что только в одном феодальном набеге люди тарковского шамхала Ильдара отогнали у эндерейского владетеля Султан-Махмуда 10000 овец¹⁸⁰.

Наличие зимних и летних пастбищ позволяло жителям плоскости и предгорий Дагестана заниматься разведением не только мелкого, но и крупнорогатого скота, а также лошадей, игравших большую роль в их хозяйстве.

Однако в горных районах, где в изобилии имелись летние альпийские пастбища, особое внимание обращалось наиболее рентабельной в тех условиях отрасли животноводства — овцеводству, продукция которой шла не только на удовлетворение своих нужд, но и на продажу. Правда, точных данных о количестве овцепоголовья в горном Дагестане в рассматриваемое время нет. Однако сообщение И. Г. Герберера от начала XVIII века, что «акушинцы и тавлинцы... гоняют на хайдакскую паству... овец более 100 000 в пригоне»¹⁸¹, позволяет в какой-то мере судить о масштабах овцеводства в Дагестане. Безусловно, в рассматриваемый период овцепоголовье в Дагестане было более значительным, чем это указано у Герберера. Такое предпочтение овцеводству объяснялось его выгодностью, возможностью получать самую различную продукцию (шерсть, шкуры, мясо, молоко, молочные изделия), а также сырье для производства предметов домашнего обихода, одежды и т. д.

Вместе с тем преобладание овцеводства ни в коей мере не уменьшало значение и других отраслей животноводства, в частности значение крупнорогатого скота, которого использовали как тяговую силу при вспашке земли, перевозке тяжестей и т. д. Молочный же скот составлял предмет особой заботы горцев и даже не перегонялся на зимние пастбища.

Поскольку в горах скот мог пастись на пастбищах лишь в весенне-летнее время, то естественно, что не было возможности заготовить для большого количества овец и крупноро-

¹⁷³ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 495.

¹⁷⁴ Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 223.

¹⁷⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 401, 405.

¹⁷⁶ Г. Шобер. Описание теплиц Святого Петра, при реке Терки находящейся. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, сентябрь 1760, СПб., стр. 390.

¹⁷⁷ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 494—495.

¹⁷⁸ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 405, 401.

¹⁷⁹ Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 223.

¹⁸⁰ Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 305, ч. VII, л. 1021.

¹⁸¹ И. Г. Герберер. Указ. соч., стр. 107.

гато́го скота достаточно кормов на зимовку. Поэтому горцы вынуждены были перегонять скот (овец) на зимние пастбища (кутаны) на плоскость в Кумыкию, Кайтаг, а часть аваро-язычных народов перегоняло свой скот в Грузию (Кахетию)¹⁸². В силу этих естественно-географических условий в горной части Дагестана издревле сложилась отгонная система животноводства¹⁸³. При этом перегонявшийся скот сопровождался лишь чабанами, пастухами, а остальное население гор продолжало жить на постоянном месте.

Разводили в Дагестане и лошадей, отличавшихся выносливостью. Дагестанские кони — аргмаки высоко ценились в России и на Северном Кавказе, в частности в Терском городе, куда их пригоняли на конский базар¹⁸⁴. О «прекрасных» конях дагестанцев-всадников отряда хана Улубека (Кайтаг) сообщает, например, и Эвлия Челеби¹⁸⁵. Кони использовались для верховой езды, как средство связи, для транспортировки грузов и т. д. Вооруженные отряды дагестанцев также состояли в основном из всадников, которых, по русским сведениям конца XVI века, насчитывалось «с 15000 конных оприч пеших людей»¹⁸⁶.

Имеющиеся сведения говорят, что в Дагестане в этот период разводились и верблюды. В частности, имеется упоминание о верблюдах, использовавшихся для транспортировки товаров по территории Дагестана¹⁸⁷. В 1667 году царь просил шамхала Сурхая оказывать содействие армянским купцам, когда последние «учнут быти от Вас верблюды...» для провоза товаров¹⁸⁸. Более того, в 1652 году из Сунженского городка нападавшими на него владельцами было угнано 500 верблюдов¹⁸⁹. Однако говорить о повсеместном разведении верблюдов в Дагестане в это время не приходится. Их разводили и содержали, главным образом, для торговых целей в плоскостной части Дагестана, по которой проходила торговая трасса от Астрахани в Закавказье.

¹⁸² Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 39; М. В. Сандова. Указ. соч., л. 71; Д. Г. Мегреладзе. Указ. соч., стр. 6.

¹⁸³ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 107; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 39; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 88.

¹⁸⁴ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1, стр. 146.

¹⁸⁵ Отрывки из «Путешествия» Эвлии Челеби. Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 95.

¹⁸⁶ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 292—293.

¹⁸⁷ Русско-индийские отношения в XVII веке, стр. 41; Армяно-русские отношения в XVII веке, стр. 58.

¹⁸⁸ Армяно-русские отношения в XVII веке, стр. 58.

¹⁸⁹ Е. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929, стр. 25.

Сообщение Олеария, что у крестьян здесь имеется также очень много буйволов¹⁹⁰, дает основание говорить о разведении в Дагестане буйволов.

Особенностью животноводства плоскостной части Дагестана являлось то, что, по свидетельству современников, «скот как зимою, так и летом ходил на пастбища». Поэтому плоскостное население не заготавливало большого количества сена на зиму¹⁹¹. Наличие обширных зимних пастбищ и мягкий климат позволяли почти круглый год пасти крупнорогатый скот вблизи селений, а не перегонять его в горы. На летние альпийские пастбища перегонялся только мелкорогатый скот.

Приморские жители занимались также и рыболовством. По сообщению русских документов, «в шевкалове земле на реке на Койсе на устье у моря... были у шефкала лутчие угодыя пашни и сенокосы и рыбные ловли»¹⁹². «Тарковские кумыки и горские черкасы ловят рыбу», — сообщает русский купец Котов, посетивший Дагестан в 20-х годах XVII века¹⁹³. Рыба, как отмечает Е. П. Алексеева, шла как на удовлетворение местных нужд, так и «на продажу в русские города»¹⁹⁴. Рыболовством занимались в основном жители приморской территории, но поскольку реки Койсу (Сулак), Самур и другие также богаты рыбой, то можно полагать, что рыболовством занимались и на этих реках.

Определенную роль в хозяйстве дагестанцев играла и домашняя птица. В частности, Стрейс сообщает о разведении в Кайтаге кур, гусей, уток и голубей¹⁹⁵. Водоплавающая птица разводилась в приречных селах, а в горных районах — в основном куры, петухи.

На высоком уровне развития находилось в этот период и ремесленное производство, получившее широкое распространение во всем Дагестане.

Особенное распространение имела обработка овечьей шерсти. Она была самым распространенным видом домашней промышленности у аварцев, лезгин, лаков, даргинцев. Из шерсти изготовлялись najlepsze бурки, войлок, сукна, платки, носки и другие предметы одежды, хурджины, узорчатые сумы и т. д. Анди, Ботлих, Гогатль, Сеух являлись основными центрами производства бурок¹⁹⁶, а в Тлярата, на-

¹⁹⁰ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 450.

¹⁹¹ Там же, стр. 449.

¹⁹² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 275.

¹⁹³ Хоженце купца Федота Котова в Персию. М., 1958, стр. 33—34, 70.

¹⁹⁴ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 58.

¹⁹⁵ Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 223.

¹⁹⁶ Там же.

Пример, изготавливалась также обувь, вязанная из шерстяных ниток.

Широкое распространение имели в Дагестане издревле также ковроткачество и производство сумахов. Но особенно этим занимались в южном Дагестане: Ахты, Микрах, Касумкент, аулы Табасарана и др. Ковры изготавливались вручную, но они были очень красивы и пользовались большим спросом на международном рынке, в частности в России¹⁹⁷.

В животноводческих хозяйствах горных районов обработке подвергались также шкуры забитого скота, из которых изготавливались овчины (шубы), обувь, папахи, бурдюки, выделывалась кожа и т. д., т. е. горцы были заняты переработкой сырья, получаемого от животноводства. То же самое, только в более ограниченных размерах, имело место и на плоскости.

В плоскостной и особенно в южной части Дагестана занимались также шелководством (район Дербента). Южнодагестанский шелк из Дербента горцы приобретали в обмен на продукты животноводства¹⁹⁸.

Развиты были в Дагестане в исследуемый период и металлообработка, кузнечное ремесло. Металлообработка сосредоточивалась в основном в наиболее крупных населенных пунктах. Таковы аварские селения Гочатль, Араканы, Согратль, Голотль, Кахиб, Урада, Хучада, Гочатль; кайтагские — Кубачи, Амузги; лакские — Кумух и др.¹⁹⁹

Обработкой металла занимались также и в Кумыкии, Табасаране, Акуша-Дарго. По мнению исследователя истории южного Дагестана А. Р. Шихсаидова, добыча благородных и других цветных металлов также была неизвестна и «южнодагестанским обществам XVI—XVII вв»²⁰⁰. Эвлия Челеби также пишет об одном из селений южного Дагестана, в котором было «очень развито изготовление серебряных ремней»²⁰¹.

Наиболее известен в Дагестане, как центр металлообработки, был аул Кубачи, где изготавливались самые различные предметы хозяйственного обихода, украшения и главное — оружие (холодное и огнестрельное) как для Дагестана, так

и на продажу за его пределы²⁰². В Кубачах существовала древняя традиция: мастерство металлообработки передавалось из поколения в поколение и являлось главным занятием его жителей.

В Дагестане были и другие центры металлообработки. Так, в Тарках в 1614 году были мастеровые люди, которые делали прекрасные «пансыри и сабли, и луки»²⁰³. Селение Верхнее Казанище же издавна было популярно в Дагестане своим изготовлением отличных кинжалов²⁰⁴, т. е. тоже было центром металлообработки. Весь сельскохозяйственный инвентарь (серпы, косы, мотыги, топоры, лемеха для плугов) изготавливался в Дагестане в основном местными кузнецами из местного или привозного, из-за пределов Дагестана сырья.

Металлообработка, в частности, изготовление холодного и огнестрельного оружия и других предметов вооружения дагестанскими мастерами имели громадное значение в условиях борьбы дагестанцев за сохранение независимости от иноземных захватчиков в исследуемый период.

Широкое распространение в Дагестане получила в XVI—XVII веках и обработка (резьба) дерева и камня.

Известным центром по обработке дерева был Унцукуль. Здесь изготавливались различные деревянные изделия, посуда, костыли, украшения и т. д.²⁰⁵ Художественная и хозяйственная обработка дерева широко представлена была в южном Дагестане богатом лесами и мягкой удобной для обработки (резьбы) древесиной. Наиболее же чаще встречалась в Дагестане хозяйственная обработка дерева твердых пород. Из такого дерева изготавливались местными мастерами сохи (дурец), молотильные доски, лопаты для веяния зерна, вилы, предметы домашнего обихода. Хозяйственная обработка дерева широко представлена была у даргинцев Акуша-Дарго²⁰⁶, кайтагцев, аварцев, лаков, т. е. почти у всех народов Дагестана.

Обработка камня имела место в Аварии (Ругуджа), Табасаране, Кумыкии, Лакии (Кума), Даргинии (Сутбук, Усиша), т. е. по всему Дагестану. Особенно распространено было изготовление орнаментированных надгробных памятников, как правило, устанавливавшихся над могилами представителей социальной верхушки.

¹⁹⁷ Е. Н. Кушева, Указ. соч., стр. 299; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 101; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов, Указ. соч., стр. 88, 91; А. И. Тамай, Кумыки в XV—XVII вв., Махачкала, 1957 г. (Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 165, л. 5).

¹⁹⁸ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов, Указ. соч., стр. 91.

¹⁹⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 102.

²⁰⁰ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов, Указ. соч., стр. 89.

²⁰¹ Отрывки из «Путешествия» Эвлии Челеби (Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 21).

²⁰² Р. Г. Маршаев, Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв. (См. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 14).

²⁰³ С. А. Белокуров, Указ. соч., стр. 539.

²⁰⁴ А. Тамай, Кумыки в XV—XVII вв., Махачкала, 1957 г. См. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 165, л. 3.

²⁰⁵ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 101.

²⁰⁶ Б. Г. Алиев, Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Рукопись канд. дисс.), л. 99.

В этом отношении примечательны надгробные памятники, установленные «на кладбище уцмиев» в Кайтаге и на «шамхальском кладбище» в Казикумухе, где выработался даже особый «шамхальский стиль» орнаментировки²⁰⁷. В Табасаране также выработался «надмогильный памятник единого типа с единым стилем декора», устанавливавшийся на могилах знатных лиц, принадлежавших майсумскому роду²⁰⁸ или родственных ему.

Дагестанские камнерезы умели создавать самые разные орнаменты, сложные узоры, вырезать арабские буквы, растительный, ленточный, геометрический и растительно-геометрический орнаменты²⁰⁹. Эта унификация обработки камня свидетельствует о большом искусстве камнерезов, возможно даже о наличии определенной школы камнерезного искусства в Дагестане. Резьба по камню широко была распространена и среди верхнедаргинцев Акуша-Дарго. Особенно искусно изготовлялись каменные надгробия, украшавшиеся богатой резьбой. Профессия камнереза, как правило, передавалась по наследству²¹⁰.

Но обработка камня не заключалась только в создании надмогильных памятников и надписей на них. «В XVII веке, — как отмечает А. Р. Шихсаидов, — наблюдается особый размах строительного дела»²¹¹. В связи с этим возросли и размеры обработки камня в хозяйственно-строительных целях: строительство мечетей, мостов, сооружение водопроводов, караван-сараев и т. д.²¹²

Несомненно, о росте и распространении обработки камня в хозяйственно-строительных целях говорят и такие обстоятельства. В селении Усиша, например, сохранилась мечеть, построенная в 1659 году каменщиками из 100 селений, о чем свидетельствует сохранившаяся на ней надпись²¹³. Возведение при шахе Аббасе I в Дербенте двух поперечных стен, разделивших город на три части, строительство там же большой башни в море, укрепление других стен; безусловно, потребовало обработки огромного количества камня. Вос-

становление в 1621—1628 гг. разрушенного шахскими войсками в 1620—1621 гг. такого крупного населенного пункта, как Ахты, тоже, несомненно, говорит в пользу роста строительной обработки камня в исследуемый период в Дагестане. Образование крупных населенных пунктов, строительство общественных зданий (мечетей, бань и т. д.), а также жилищное строительство требовало много камня и его обработки.

В Дагестане в этот период распространена была и обработка кости и рога. Из кости и рога изготовлялись рукоятки кинжалов, ножей, сельхозорудий, а также предметы домашнего обихода, гребни.

Широкую известность в это время получило древнее искусство балхарских и сулевкентских гончаров, снабжавших своей продукцией (чаши, горшки, кувшины и т. д.) весь Дагестан²¹⁴.

Немалую роль играли в хозяйстве приморских жителей Дагестана добыча и продажа соли. Соль добывалась в озере Турали (Тузлук)²¹⁵. Недалеко от него добывались также сера и селитра²¹⁶, применявшиеся для производства пороха. Нужно отметить, что почти весь Северный Кавказ (Кабарда, Чечня) пользовался дагестанской солью, вывозил ее²¹⁷.

Важную роль в экономической жизни народов Дагестана имела также торговля, дававшая возможность регулировать несоответствие в хозяйственном развитии отдельных районов, и способствовавшая в целом развитию экономики, ремесленного производства Дагестана. Поскольку в горах преимущественное развитие имело скотоводство, а на плоскости — полеводство и садоводство, то в соответствии с этим и осуществлялся обмен между горной и плоскостной частями Дагестана.

Торговля и обмен между отдельными частями Дагестана осуществлялись по путям внутреннего значения. «В XVII в. известными торговыми путями, связывающими равнинные и горные районы, были дороги, идущие от Тарки, через Таркалы, Кафыр-Кумух, а затем через Дультидагский перевал в Закаталы; из Казикумуха, через Турчидагский перевал в Согратль, Чох, Гуниб и далее; из Чечни шла дорога в Гумбет, Аварию, Андалал, Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию»²¹⁸.

²⁰⁷ П. М. Дебиров. К истории искусства резьбы по камню у лезгин и даргинцев. Махачкала, 1959, (См. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 86, лл. 90, 97, 100, 101, 104).

²⁰⁸ П. М. Дебиров. К истории искусства резьбы по камню у лезгин и кумыков. (См. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 123, лл. 66, 94).

²⁰⁹ П. М. Дебиров. Указ. соч. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 3, л. 86, лл. 22, 23, 56.

²¹⁰ Б. Г. Алиев. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Канд. диссерт., лл. 101—102.

²¹¹ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 88.

²¹² Там же, стр. 83, 91, 121, 122.

²¹³ Б. Г. Алиев. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Канд. дисс., л. 101.

²¹⁴ Е. Н. Кушьева. Указ. соч., стр. 41.

²¹⁵ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 401.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв., т. 1, стр. 99.

²¹⁸ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 102.

Важную роль во внутренней торговле играл и торговый путь, ведущий с плоскости в горы Дагестана с продолжением в Грузию. Основными пунктами этой дороги были Терки—Тарки—Таркалы—Кафыркумук — Казикумук — Грузия (Загем)²¹⁹. В Дагестане были свои известные центры торговли: Тарки, Эндери, Ахты, Цахур, Рутул, Курах, Дербент, Казикумук и др.²²⁰

Торговля внутренняя была в основном меновая, так как в Дагестане не было своей монеты. Горцы меняли продукты животноводства на хлеб, соль, фрукты, на предметы ремесла и на другие требующиеся им товары²²¹. Но в развитии внутридагестанской торговли были и значительные трудности: феодальные уособия и феодальные пошлыны, пестрый этнический состав населения, нашествия иноземных войск, господство натурального хозяйства, отсутствие денежных отношений и хороших дорог. Но тем не менее, внутридагестанская торговля продолжала развиваться и укрепляться на базе обмена и частично на иностранном денежном материале (иранская и русская монета и т. д.).

Важную роль в экономической жизни Дагестана в рассматриваемый период играла и внешняя торговля, в первую очередь, торговля с Россией, с которой народы Дагестана вступили в непосредственные экономические контакты в конце XVI — начале XVII вв.

Особую роль в торговых отношениях горцев Дагестана с Россией и северокавказскими народами играл Терский город, ставший в XVII веке центром царской администрации на Северном Кавказе и важным торгово-экономическим центром²²². В нем два раза в неделю бывали базарные дни, был специально и конский базар, куда пригоняли лошадей для продажи со всего Северного Кавказа²²³. В Терском городе встречались товары как русского, так и местного производства, а также и восточные товары.

Из Дагестана в Терки везли товары местного производства. Так, кумыки привозили в гор. Терки фрукты, орехи, марену, ковры, попоны, овчины, шубы и пригоняли скот²²⁴. Большое место в торговле дагестанцев с Россией занимали сельскохозяйственные продукты. Значительное количество

пшеницы шло в Терки из Дагестана. Так, по сообщению самарского воеводы Дм. Пожарского к казанским воеводам от 30 марта 1614 г., «пшеницы покупают в Астрахани пуд по десяти алтын, а на Тереке де покупают пуд пшеницу по гривне, а иде де на Терек пшеница из Кабарды, из Кумык»²²⁵.

На продажу в Терский город шла также рыба, которую «ловили терские люди и тарковские кумычане и горские черкесы»²²⁶. В Терский городок шли товары не только из Кумыкии, но и из других частей Дагестана. В частности, из Кайтага в 1630-х годах в этот город было прислано на продажу 30 кулей пшеничной муки²²⁷. Привозили в Терки из Кайтага и Табасарана также фрукты.

Торговые связи Дагестана с Россией в первой половине XVII в. приняли систематический характер. Торговый оборот составлял довольно большую сумму. Так, в 1621, 1623, 1627 гг. в Москву купчиной тарковского владетеля Ильдара было привезено товаров на 8557 рублей, а в 1642 году купчина (посол) Сурхая тарковского привез в Москву товары на 8110 рублей²²⁸. Непосредственно с Москвой торговали и люди кайтагского уцмья. Например, в 1635 году прибыли в Москву из Кайтага посол уцмья Рустам-хана Бадархан и с ним купчина Варданас с большим количеством разнообразных товаров²²⁹.

Большая торговля велась дагестанцами в Астрахани. В торговле с Астраханью особенно активно участвовали тарковские шамхалы, добившиеся освобождения от пошлыны в пользу царской казны товаров стоимостью до 600 рублей. В 1631 г. два человека шамхала Ильдара привезли товары на 2133 руб.; в 1624 году в Россию привезено было «на 5-ти санех товару» ценою в 1430 рублей Томулдуком и Фаргатом, а также куплен русский товар для вывоза в шамхальство²³⁰. В 1641 г. «человек» таркаловского мурзы привез в Астрахань товаров на 700 рублей²³¹.

Активное участие в торговле с Россией через Астрахань принимал и Дербент, сохранявший в XVI—XVII вв. значение не только города-крепости, но и важного торгового центра,

²²⁵ Цитируется по работе Е. П. Алексеевой. «Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв.». Карачаево-Черкесское книж. изд-во, 1957, стр. 52.

²²⁶ Там же, стр. 58.

²²⁷ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 125.

²²⁸ Там же, стр. 123; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 76—77.

²²⁹ Русско-дагестанские отношения..., стр. 128—129.

²³⁰ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 305, ч. III, л. 388.

²³¹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 297.

²¹⁹ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 404.

²²⁰ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсандов. Указ. соч., стр. 90—91.

²²¹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 41; А. И. Тамай. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. Жур. Рев. Восток, № 5, 1935, стр. 120.

²²² Всемирная история, т. IV, стр. 573.

²²³ История Дагестана, т. I, стр. 285.

²²⁴ А. И. Тамай. Кумыки в XV—XVII вв. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 165, стр. 5; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 299.

несмотря на большую конкуренцию в этом отношении со стороны Баку. Дербентские торговцы везли в Астрахань товары частично местного производства, но в большей части «заморского товара», как отмечается во многих русских документах того времени²³².

Дербент, Терский город, Астрахань являлись связующими звеньями, центрами транзитной торговли международного масштаба по волжско-каспийскому международному торговому пути, связывавшему Европу через Россию (по Волге) с Закавказьем, Ираном. От Астрахани этот путь распадался на морскую (вдоль западного побережья Каспия) и сухопутную (Астрахань — Терки — Тарки — Дербент и т. д.), проходившую по дагестанскому берегу Каспийского моря, трассы. Прохождение этих важных торговых путей втягивало население Прикаспия в мировую торговлю. По этому сухопутному пути, а также морем народы Дагестана и Закавказья получали из России товары русского и частично европейского происхождения и производства.

С юга на север, т. е. из Ирана, Закавказья этими путями в Россию шли, главным образом, шелковые ткани, шелк-сырец, хлопчатобумажные товары, текстильные и ювелирные изделия, драгоценные камни, кожа-сафьян, нефть, бархат, парча, кумач, золото и серебро в слитках, конское снаряжение, кафтаны, ковры²³³. Из Ирана же везли в Россию соль, шафран, орешки чернильные, сорочинское пшено, уксус, сахар, сушеный изюм, орешки белые, ядра миндальные²³⁴ и неофициально табак, ввоз которого в Россию был запрещен царским правительством²³⁵.

Из Дагестана к этим товарам присоединялись товары местного производства, овчины, шубы, попоны, конская сбруя, ковры, сумахи, изделия дагестанских ремесленников, скот, кони, марена, соль, пшеница, сухофрукты, орехи и другие продукты сельского хозяйства, товары иностранного производства, попадавшие в Дагестан разными путями. В частности, источником накопления в Дагестане восточных товаров

²³² Русско-дагестанские отношения..., стр. 201—214 и т. д.

²³³ М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, стр. 96; М. М. Альтман. Московско-иранские дипломатические сношения в XVI—XVII вв. (Научн. архив Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 1229, стр. 20—21); В. А. Ульяницкий. Сношения России с Среднею Азией и Индией в XVI—XVII вв. (Без места и даты издания), стр. 16; А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг., см. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Перевод с англ. яз. Ю. В. Готье, 1937, стр. 172.

²³⁴ ЦГАДА, ф. 77. Персид. дела. 1649—1650 гг., кн. 12, лл. 381—381 об.; «Выдержки из «Эвлия Челеби». Научн. арх. Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 814, л. 18.

²³⁵ ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, 1629 г., кн. 7, л. 19-об.

были пошлины с проезжих купцов натурой «со выюка по киндяку да по бязи лощеной» или «со выюка по 3 киндяка»²³⁶.

Важное место во внешней торговле играла и разводившаяся повсеместно в приморском Дагестане марена, из которой получали красильное вещество. Она пользовалась большим спросом в России и в Закавказье и приносила большие прибыли торговцам ею.

Нужно отметить, что шахское правительство уделяло вопросу марены большое внимание. Оно делало большие закупки марены в Дагестане и Терском городе. По сообщению русских документов, «Шах-Басов посол Мамаселе-бек на Терке оставил человека своего Талыбечка», который «отпустил того травного коренья марены в прошлом в 138-м году 4 бу-сы»²³⁷, т. е. в 1630 г.

Широкая торговля мареной велась и в Дербенте²³⁸, куда ее свозили на продажу со всего южного Дагестана, для которого «производство и продажа марены составляла одну из главных статей дохода».

Южнодагестанская марена была широко известна не только на Кавказе, но и за его пределами, пользовалась большим спросом²³⁹, приносила большие прибыли.

Россия вывозила на Кавказ, в Иран и другие страны Востока железные и деревянные изделия, кожу и кожаные изделия, льняные ткани, предметы одежды, воск, ловчих птиц, моржовую кость, слюду, масло, западные сукна, писчую бумагу, стеклянные изделия, поташ, мед, красные кожи, медные котлы, гусиный пух²⁴⁰ и т. д. Особую статью вывоза представляла пушнина, пользовавшаяся большим спросом на восточном рынке, а также сукна русские и европейские (английское, немецкое).

Непосредственно Дагестан получал товары русской промышленности через своих купчин, торговых людей и русских купцов. В Дагестан из России привозились сукна, меха, кубки, котлы. По специальному разрешению царского правительства вывозились в Дагестан предметы вооружения — пищали, сабли, панцири, а также татарские плетники

²³⁶ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Указ. соч., стр. 90; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 297—299; А. И. Тамай. Дагестан в XVI—XVII вв. (Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 19, лл. 12, 13); Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 103; А. Гусейнов. Указ. соч., стр. 81.

²³⁷ Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 305, ч. VII, лл. 989—990, 993.

²³⁸ Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 231.

²³⁹ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Указ. соч., стр. 88.

²⁴⁰ Там же, стр. 296; М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 96; М. М. Альтман. Указ. соч., стр. 19—20; История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, стр. 277.

(ясырь)²⁴¹. Поступала из России в Дагестан и всякая хозяйственная мелочь, решета, ларцы, булавки, иглы, наперстки, железные изделия, зеркала, лебяжий пух и т. д. Привозились в Дагестан из России также и сахар, писчая бумага и др. товары²⁴².

Часть транзитных русских товаров, провозившихся через Дагестан в Закавказье, Иран, также застревала в Дагестане в качестве натуральной пошлины, взимавшейся местными феодалами, а также платы за провоз товаров.

Полученные в качестве пошлины русские товары дагестанские феодалы частично отправляли на южные рынки, а часть их оставляли себе в обиход. Кроме того, русская пушнина, предметы русской одежды (верхняя мужская одежда, головные уборы) попадали в Дагестан в виде многочисленных царских подарков дагестанским феодалам и их слугам за службу России и т. д.

Народы Дагестана поддерживали торговые связи также с Кабардой, Чечней. Хотя между дагестанскими и северокавказскими владетелями (феодалами) и часты были столкновения, нападения одних на других и т. д., но определенные политические и торгово-экономические связи между ними продолжали иметь место и в исследуемое время²⁴³.

Из Дагестана народы Северного Кавказа получали соль, изделия дагестанских ремесленников. Особенно известны были на Северном Кавказе изделия кубачинских ремесленников, выполнявших «большой круг заказов как для народов Северного Кавказа, так и для населения Закавказья на специальное кавказское военное снаряжение и на женские украшения и национальные костюмы²⁴⁴. Как отмечают исследователи, кубачинское оружие, литые котлы и светильники «поставлялись не только на дагестанские рынки, но были известны далеко за пределами Дагестана», на Северном Кавказе, в России²⁴⁵.

Большим спросом пользовались у народов Северного Кавказа также андийские бурки, шерстяные изделия, сумы, дагестанские ковры и другие изделия дагестанских мастеров. Шла на Северный Кавказ также продукция животноводства, скот (овцы), дагестанские кони (армаки), высоко ценившиеся даже в Москве (60—80 руб.)²⁴⁶.

²⁴¹ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 123; Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 305, ч. IV, лл. 619—622.

²⁴² Русско-дагестанские отношения..., стр. 201—213.

²⁴³ История Дагестана, т. 1, стр. 279—281.

²⁴⁴ Р. Г. Маршаев. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв. (Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 14).

²⁴⁵ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 120.

²⁴⁶ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв., т. 1, стр. 146.

Наиболее тесные связи с Грузией имела горная часть Дагестана, населенная в основном авароязычными народами и непосредственно граничившая с Грузией. Так, «жители общества Анцух выгоняли своих овец зимой на кахетинские земли и торговали в Телави и Тифлисе»²⁴⁷, дидойцы «летом скот пасли в горах, а зимой на плоскости — в Кахетии»²⁴⁸.

Связи с Грузией поддерживались по перевальным путям, проходившим через Главный Кавказский хребет и действовавшим, главным образом, в незимнее время. Ведущими были трассы: 1) Анди—Ботлих—Агвалы — Цумада — Ниж. Хваршини — Верх. Хваршини — Цихалак—Хушет—Дикло—Омало... и т. д.; 2) Ботлих—Хушет — уроч. Черо-Дикло — аул Чиглатура — Сабус — перевал Сабкинос-геле — Ахметы; 3) Бежта — Кидеро — Хупри — Кодорский перевал — долины реки Инцоба — Сабус — Энисели и т. д.; 4) Бежта — Гинух — уроч. Борисмайдан — Ниникос-цихе — перевал — Мечи-Кала — Похалис...; 5) Тлярата — Кутлаб — Лаказану — хребет Дюльты-даг — Сала-даг — Гудурдагский перевал — Закаталы²⁴⁹. Кроме указанных путей, несомненно, существовали и пути более мелкого масштаба, связывавшие пограничные грузинские и дагестанские аулы.

Через Дагестан в Грузию проходил путь не только дагестано-грузинского значения, но важный и для России; он начинался в Терках, шел через шамхальство, Аварию. Путники проходили его в один конец за 14 дней²⁵⁰. Но в зимнее время он закрывался и послы ехали круглым путем через Шемаху, Дербент, Терки, Астрахань²⁵¹. Посольства России в конце XVI — начале XVII веков несколько раз проходили в Грузию этим путем.

Наиболее изученным и освоенным в тот период являлся маршрут Терки — Тарки — Таркалы — Кафыркумук — Казикумук — Загем (Грузия), по которому проезжал посол грузинского царя Александра старец Кирил²⁵².

Из Грузии в соседние районы Дагестана вывозились зерно, соль, вино, медь, парча, бурметы и т. д. Грузия, в свою очередь, получала из Дагестана «андийские бурки, шерстяные ткани, конские уборы, металлические изделия, холодное

²⁴⁷ М. В. Сандова. Канд. дисс., л. 71.

²⁴⁸ Там же, л. 75.

²⁴⁹ М. Р. Гасанов. Торговые пути Дагестана и их значение в системе торговли с Грузией. (Рукопись), стр. 4.

²⁵⁰ А. А. Цагарели. Сношения России с Кавказом в XVI—XVIII столетиях, стр. 27.

²⁵¹ Там же.

²⁵² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 404.

оружие, известное в Грузии под названием «лекури»²⁵³. Вывозилась в Грузию также и продукция животноводства (сыры, масло, кожи).

Тесные связи имели народы Дагестана и с Азербайджаном. Особенно тесны были они у народов лезгинской группы языков и юго-западной части Аварии, граничивших с Азербайджаном. Связь поддерживалась в основном по приморской равнинной дороге, по которой, как выше говорилось, проходил один из мировых торговых и дипломатических путей из России через Дагестан в Азербайджан и далее в Иран. Важную роль в жизни горцев Дагестана играла и связь их с Азербайджаном по горным тропам, перевалам, т. е. по малым путям, которые, как правило, действовали в незимнее время, а зимой заносились снегами, обвалами и были крайне опасны²⁵⁴.

Отдельные аулы южного Дагестана соединялись с азербайджанскими селениями несколькими тропами. Так, из Шиназа связь поддерживалась с азербайджанскими селениями по следующим направлениям: 1) Шиназ — Рутул — Цай-лахъан — Борч — Салаватский перевал — азербайджанское селение Гюнук — Нуха, а зимой: Шиназ — Рутул — Ахты — Хнов — Салаватский перевал — Гюнук — Нуха; 2) Шиназ — Амсар — Лучек — Кина — Гельмец — Курдул — Билакадинский перевал — азерб. селение Сарабаши — Кахи; 3) Шиназ — Амсар — Лучек — Микик — Цахур — Мишлеш — Кальял — Диндинский перевал — Мухах — Закаталы. Эта последняя дорога играла жизненно важную роль для цахуров, т. к. именно «по ней поступал хлеб из Закатал»²⁵⁵.

Тляратинцы (аварцы) поддерживали связи с азербайджанскими селениями по маршруту Тлярата — Цумилух — Герель — Камилух — перевал через Кавказский хребет — Катех (азерб.) и далее на Закаталы. Они получали по этой трассе товары азербайджанского производства, хлеб, фрукты, пряности, табак и т. д.

Главными центрами экономических связей между Дагестаном и Азербайджаном являлись города Дербент и Шемаха. В первом был знаменитый невольничий рынок, куда рабы доставлялись из Дагестана, Северного Кавказа, России, Крыма и даже Польши²⁵⁶. После Астрахани, являвшейся

средоточием персидской торговли с Россией на Каспий, главную роль играл в транзитной торговле Дербент, приносящий только лишь таможенными сборами большие доходы его правителям. В нем встречались товары почти всей Азии, Кавказа и Европы²⁵⁷.

Шемаха в первой половине XVII века являлась также крупным центром русско-азербайджано-персидской торговли. В ней, по сообщению Ф. Котова, а немного позднее и А. Олеария, находился и «лязгинской», «лозги-каравансарай», куда «заходят черкасские татары, ведущие здесь свою торговлю: они продают лошадей, женщин, малолетних и взрослых девиц»²⁵⁸. Это сообщение позволяет делать вывод, что дагестанцы («лозги») вели торговлю в Азербайджане не только в непосредственно с Дагестаном граничивших селах, но и во внутренних районах Азербайджана, каким являлась Шемаха.

Значительную роль во взаимоотношениях народов Дагестана с Азербайджаном играл и город Шабран, славившийся во всем Ширване в XVII веке своим дешевым рисом²⁵⁹.

Насчет связей между Ширваном и Дагестаном в первой половине XVII века нужно отметить, что имеющиеся сведения позволяют говорить о тесных связях ширванского населения с южнодагестанским. Так, с ширванцами связывается происхождение ряда населенных пунктов Дагестана или кварталов в них (Джабель, Орудж-оба, Гельхен, Виттихар, Гиляр)²⁶⁰. Наличие таких селений и кварталов в южном Дагестане способствовало укреплению дружбы между народами и расширению торгово-экономических связей.

Заметное место в дагестано-азербайджанских торговых связях играл и вывоз нефти из Азербайджана. Нефть из Баку вывозилась в Дагестан, а через него — в другие области Северного Кавказа. Кроме того, значительное количество бакинской нефти шло в Россию, Иран, Среднюю Азию²⁶¹. Нефть применялась для освещения. Как сообщает Э. Челе-

²⁵⁷ А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII в. М., 1959. (Канд. дисс.), л. 162; В. А. Уляницкий. Указ. соч., стр. 15; М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 25; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсидов. Указ. соч., стр. 89—90; Выдержки из Эвлия Челеби. Науч. арх. Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 814, л. 18; Там же, д. 1204—1205, л. 29; А. И. Тамай. Дагестан в XVI—XVII вв. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 10; А. Гусейнов. Азербайджано-русские отношения XV—XVII вв. Баку, 1963, стр. 81.

²⁵⁸ Ф. Котов. Указ. соч., стр. 36; А. Олеарий. Указ. соч., стр. 463.

²⁵⁹ А. П. Новосельцев. Указ. соч., л. 166.

²⁶⁰ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсидов. Указ. соч., стр. 82.

²⁶¹ И. П. Петрушевский. Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1, Баку, 1949, стр. 289; А. П. Новосельцев. Указ. соч., л. 164.

²⁵³ Д. Г. Мегреладзе. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений. Тбилиси, 1954. (Автореферат канд. дисс.), стр. 3.

²⁵⁴ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсидов. Указ. соч., стр. 82—83.

²⁵⁵ Там же, стр. 83; История Дагестана, т. I, стр. 278.

²⁵⁶ И. П. Петрушевский. Указ. сбор. статей по истории Азербайджана, стр. 290; М. М. Альтман. Указ. соч., стр. 15—16; А. Олеарий. Указ. соч., стр. 487.

би, при его посещении дербентская крепость освещалась «нефтяными лампами»²⁶². Поскольку нет сведений о добыче нефти в Дербенте и в остальном Дагестане в то время, можно предполагать, что дербентская крепость освещалась привозной бакинской нефтью.

Из Азербайджана в Дагестан шли также дешевый ширванский шелк, рис, восточные пряности и другие товары азербайджанского экспорта. В свою очередь, Азербайджан получал товары дагестанского происхождения. Иначе в условиях развитого натурального хозяйства и меновой торговли обмен был бы не возможен, так как требовались эквивалентные товары с обеих сторон.

Что касается вопроса торгово-экономических и политических связей народов Дагестана с Арменией, то по этому вопросу сведения весьма ограничены. Известно только, что в середине XVII века (1666 г.) шахом был назначен в Ереване управляющим некий «Сефигули-хан, прежде называвшийся Алхаз-мирза», о котором автор середины XVII века З. Акулиский пишет, что «его (Алхаз-Мирзы — У. М.-С.) род царского происхождения, он из лезгин Дагестана»²⁶³. Вышеуказанный Сефи-Кули-хан был братом Сурхай-шамхала казикумухского (тарковского) и управлял даже частью Ширвана²⁶⁴. Вполне возможно, что при нем установились некоторые отношения политического и экономического характера между Арменией и Дагестаном.

Армянские купцы, имевшие широкие торговые связи с Москвой, привозили свои товары в Дербент, а оттуда морем или сушей по прикаспийскому пути через Дагестан везли в Россию. Как свидетельствуют документы того периода, товары армянских купцов от Тарков до Терского города провозились на подводах шамхалов. Именно об этом говорит грамота царя от 1667 г. Сурхаю тарковскому, где царь пишет, что как «учнут армянья из персикские области мимо вас Суркай Шевкала ездить и то вам к соседственной прибыли будет от нас великого государя», «как они армянья в твое владение приедут и тебе Суркай Шевкалу для наших государских милости велеть с теми армяньями в проезде через ваше владение и назад в Кизилбаш и о пошлинах и о подводах учинить договор»²⁶⁵. Царь просил Сурхая давать армянским купцам

под товары «верблюды и лошади и в подвозе» беречь их товары вместе со своими до Астрахани²⁶⁶.

По сообщению же Стрейса, «в Эриване дагестанские татары торговали людьми»²⁶⁷, т. е. рабами. Но о размерах этой торговли сказать что-либо определенное трудно, хотя такая торговля и могла иметь место в то время. Следовательно, определенные торговые и политические связи между Арменией и Дагестаном в исследуемый период имели место, хотя и не были прочны и широки, как с Азербайджаном и Грузией, поскольку Дагестан непосредственно не граничил с Арменией.

Таким образом, нужно отметить, что хозяйственно-экономическое развитие Дагестана в исследуемый период практически ничем не отличалось от развития соседних народов. Гончарное производство, металлообработка, производство предметов хозяйственного обихода, обработка сырья животноводческого хозяйства, обработка камня и дерева, строительное дело и ремесло, и вообще сам способ хозяйствования в Дагестане были для того времени достаточно развитыми. Наличие же торгово-экономических связей с народами Кавказа и Россией, а также внутренние торговые связи давали возможность регулировать неравномерность в хозяйственно-экономическом развитии отдельных частей Дагестана, способствовали подъему его экономики.

Чтобы полнее представить картину развития Дагестана в исследуемый период, необходимо также охарактеризовать социально-правовые отношения в нем:

Вопрос о степени развития социальных отношений в Дагестане давно привлекал внимание исследователей, которые, однако, не пришли к единому мнению. По утверждению А. И. Тамая, одного из первых дагестановедов поставившего этот вопрос еще в 30-х годах, в XVI—XVII вв. «в Дагестане господствовали антагонистические феодальные производственные отношения», были «два неравных и враждующих между собой класса», Дагестан «являлся страной феодальных отношений еще задолго до XIX в.» и «не может быть сомнений в том, что Дагестан к концу XVI в. был страной с оформившимися феодальными отношениями»²⁶⁸.

Однако отсутствие у него достаточных аргументов в пользу доказательства этого тезиса привело к тому, что мнение А. И. Тамая не было принято.

²⁶² Эвлия Челеби. Сияхет-намэ. Перевод с турецкого яз. И. А. Гусейнова. Научн. арх. Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 1204—1205, л. 37.

²⁶³ Дневник Закария Акулиского. Ереван, 1939, стр. 61.

²⁶⁴ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99.

²⁶⁵ Армяно-русские отношения XVII в. Сборник документов. Под ред. В. А. Парсаяна. Ереван, 1953, стр. 57—58.

²⁶⁶ Там же, стр. 58.

²⁶⁷ Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 223.

²⁶⁸ А. Тамай. Дагестан в XVI—XVII вв. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 19, лл. 14, 15; А. Тамай. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. Журн. Революционный Восток, № 5, 1935, стр. 116, 137.

Большое внимание этому вопросу уделил и профессор С. В. Юшков, относящий дагестанский феодализм «к типу раннего феодализма» России и Западной Европы²⁶⁹. С. В. Юшков при определении уровня развития общественных отношений тех или иных районов Дагестана в основном исходил из географического расположения их. Однако метод С. В. Юшкова не универсален, имеет существенный недостаток. По мнению С. В. Юшкова, высокогорные части Дагестана, имевшие слабую связь с внешним миром, даже в XIX веке, «характеризуются более примитивным общественным строем», в них «только намечалось развитие феодальных отношений», а господствующее место занимали «родоплеменные отношения». В то же время на плоскости «наблюдаются признаки развитого феодализма». В Дагестане же в целом, по его мнению, имелась «возможность наблюдать различные стадии разложения доклассового общества и возникновения феодализма»²⁷⁰ одновременно, т. е. почти каждая ханства и сельское общество находились на особой стадии развития феодальных отношений. Как отмечает Х.-М. Хашаев, исходя из такого принципа, невозможно объяснить существование в горах далеко от моря Аварского, Казикумухского и Цахурского ханств и отсутствие, например, у самурских лезгин своего ханства, хотя они и расположены у моря²⁷¹.

В послевоенное время этот вопрос снова стал предметом внимания историков-исследователей, мнения которых также не сходятся, отличаются друг от друга.

По мнению Р. М. Магомедова, даже в XVIII — начале XIX вв. «в политическом отношении весь Дагестан дробился на множество ханств и полуфеодально-полупатриархальных образований», в нем «в целом господствовали патриархально-феодальные отношения» и только «кумыки и отчасти лезгины переживали более высокую ступень феодального строя»²⁷².

Характеризуя уровень развития общественных отношений в горной части Дагестана, Х.-М. Хашаев подчеркивает, что в горном Дагестане господствовала частная собственность на средства производства и к XV—XVI вв. там существовали ханы, беки и другие владельцы, имевшие большие участки горных пастбищ, приносившие им доход в виде продуктов жи-

вотноводства. Это феодальное сословие имело и пахотные участки, для обработки которых применяли труд крепостных крестьян — бывших рабов, наделенных землей²⁷³.

По утверждению же С. Ш. Гаджиевой «в общественной жизни кумыков XVI—XVII вв., когда господствовал феодальный строй, были еще устойчивы патриархально-родовые пережитки»²⁷⁴, игравшие немаловажную роль. Что касается остальных народов, проживавших в высокогорной части Дагестана, то у них феодальные отношения в XVI веке были слабо развиты.

Как установлено последними исследованиями А. Р. Шихсаидова, в южном Дагестане только в Дербенте, Цахуре и Табасаране в этот период «феодалы оформились в отдельный социальный слой»²⁷⁵, а в остальной части процесс феодализации еще не завершился, хотя и имел место.

Нужно отметить, что в советской исторической литературе встречаются и ничем не аргументированные, идущие вразрез приведенным выше, утверждения о том, что Дагестан в XVI—XVII веках был населен «племенами, находящимися еще на стадии разложения родовых отношений, на грани перехода к феодализму»²⁷⁶, что «лезгины, племена обитавшие на юге Дагестана, в XVII веке у них сохранился первобытно-общинный строй»²⁷⁷. С этими утверждениями, вызванными незнанием фактического материала по истории Дагестана, нельзя согласиться, ибо сохранившиеся письменные источники (адаты гидатлинского общества, кодексы законов Рустам-хана кайтагского и Умма-хана аварского, документы русско-дагестанских отношений XVI—XVII вв.) явно свидетельствуют о наличии в Дагестане класса феодалов, феодальных отношений, которые зачастую проявлялись в завуалированной различного рода патриархальными пережитками форме.

На наш взгляд, более полную и правильную характеристику уровня развития социальных отношений в Дагестане в этот период дает Е. Н. Кушева, утверждающая, что «для социально-экономических отношений этнически пестрого населения Дагестана XVI—XVII вв. характерна неравномерность развития». Однако в высокогорных областях они характеризовались «устойчивыми чертами родового быта», хотя и там «основной линией процесса... было складывание классовых

²⁶⁹ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Уч. зап. Свердловского госуниверситета, вып. I (историч.), Свердловск, 1938, стр. 66.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 127.

²⁷² Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 399.

²⁷³ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 126—127.

²⁷⁴ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 46.

²⁷⁵ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 105.

²⁷⁶ К. Ашрафян. «Падение державы Сефевидов». (См. Очерки по новой истории стран среднего Востока. М., 1951, стр. 203).

²⁷⁷ Н. А. Кузнецов. Примечания к критическому тексту «Хождения купца Ф. Котова в Персию», см. «Хождение купца Федота Котова в Персию», М., 1958, стр. 103.

феодалных отношений»²⁷⁸, шел отчетливо обнаруживавшийся уже в XVI в. процесс феодализации». В плоскостной же части Дагестана феодальные отношения были более оформлены и, как она отмечает, «сложился более развитой административный строй»²⁷⁹.

Господствующую часть общества в Дагестане в исследуемый период представляли все главные правители дагестанских владений: шамхалы тарковские и казикумухские, халк-лавчи кумухские, нуцалы или ханы аварские, уцмий кайтагские, султаны цахурские и дербентские, майсумы табасаранские, пользовавшиеся в своих владениях фактически неограниченной властью. Большим влиянием в феодальных владениях пользовалось высшее мусульманское духовенство. Шейх-уль-ислам садился, по свидетельству Эвлия Челеби, не рядом «с правителем, а намного выше его», тогда как «глава армии» сидел ниже²⁸⁰.

Следующую за ханами прослойку феодального сословия составляли беки, имевшие в своем распоряжении отдельные аулы, предоставляемые им ханами за службу и т. д.²⁸¹

Беки в своих владениях пользовались иммунитетными правами: обладали самостоятельностью при решении судебных вопросов. Землю они передавали по наследству, но и наследники их должны были нести службу ханам.

Близки были по своему социальному положению к бекам и чанки, т. е. дети ханов, рожденные от неравных браков²⁸², например, от узденков и т. д. Чанки имелись почти во всех феодальных владениях. Им часто приходилось силой добиваться признания своих прав на владение, отцовское наследство и т. д., как это было, в частности с эндерейским владельцем Султан-Махмудом в конце XVI в.

К господствующему классу в Дагестане по своему положению тяготели и уздени. Узденство не было однородным. Среди узденей различались «лучшие», «шамхальские», «владельческие», «знатные», «первостепенные» и «салауздени», принимавшие участие во всех походах ханов и беков в качестве

руководителей отрядов²⁸³. Эти узденские верхи, как отмечает С. В. Юшков, «могли владеть рабами и крепостными раятами, чагарами» и эксплуатировать их²⁸⁴. Однако основную массу населения в феодальных обществах составляло рядовое узденство, которое зачастую само попадало в зависимое от богатых узденей положение.

В горных частях Дагестана, где сельские общины являлись главной формой территориальных образований и не было феодалов, выделявшихся своей властью и знатным происхождением, господствующее положение занимали общинная знать, старейшины, мусульманское духовенство. Последние стремились закрепить свое господствующее положение, сделать его постоянным и даже наследственным. Так, власть кадиев и старшин в Акуша-Дарго постепенно превращалась из выборной в наследственную. То же самое имело место и в части Табасарана, где кадий претендовал и на светскую власть.

Эксплуатируемый класс в Дагестане также не был однороден, а «состоял из разных групп, отличавшихся друг от друга по величине своих земельных наделов и степени юридической закреплённости последних, по размерам и характеру своих повинностей, по степени личной свободы»²⁸⁵. Это были крестьяне — общинники в горах и «трудовые уздени» на плоскости, лично свободные, но земельно-зависимые. Они имели небольшие участки земель («владения»), которыми распоряжались по своему усмотрению, но неся определенные обязанности «по отношению к беку или хану»²⁸⁶.

На более нижней ступени, чем «трудовые уздени», стояли чагары и раяты, которых русские документы называют «пашенными людьми»²⁸⁷. Чагары — это выходцы с гор, осевшие на кумыкской плоскости, где попали в зависимость от феодалов, на чьих землях они оседали.

Ряды их пополнялись за счет военнопленных и рабов, сажаемых на землю с правом ведения своего хозяйства и т. д.²⁸⁸ Раятами же назывались крепостные крестьяне, жившие на землях феодалов» и выполнявшие ряд феодальных

²⁷⁸ Е. Н. Кушева, Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. (На правах рукописи). Махачкала, 1954 г., стр. 2; Ее же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 41—42.

²⁷⁹ Очерки истории СССР. XVII в. АН СССР. М., 1955, стр. 908; Е. Н. Кушева, Народы Кавказа и Средней Азии в XVI и в первой половине XVII в. (См. Всемирная история, т. IV, 1958 г., стр. 568).

²⁸⁰ Орывки из «Путешествия» Эвлия Челеби. (Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, лл. 90).

²⁸¹ А. Тамай. Указ. ст. из ж. «Рев. Восток» № 5, 1935, стр. 131.

²⁸² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88—89.

²⁸³ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 115; Р. Г. Маршаев. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв., Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 41; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 49.

²⁸⁴ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 70.

²⁸⁵ А. И. Тамай. Указ. ст. ж. «Рев. Восток» № 5, 1935 г., стр. 132.

²⁸⁶ Там же; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961 г., стр. 111.

²⁸⁷ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 50.

²⁸⁸ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 180; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 112, 113.

повинностей. В Кайтаге и Табасаране, в ряде мест Аварского ханства имелись целые раятские села. Положение раят было очень тяжелым, бесправным. По обычаю даже в XVIII веке «бек не имел права выгонять раят из селения по своему желанию, но он мог его притеснять до того, что раят должен был бежать из селения», причем тайно, теряя при этом какие-либо права на недвижимое имущество²⁸⁹.

На самой нижней ступени феодального общества в Дагестане стояли рабы (кулы), которых использовали для разных работ. В конце XVI — первой половине XVII вв. рабство в Дагестане в хозяйственном отношении не играло особой роли. Но рабы, как об этом свидетельствуют письменные источники, имели место²⁹⁰. Их часто покупали в Астрахани и привозили в Дагестан, получив на это соответствующее разрешение русских властей. Торговля рабами в широком масштабе велась в Дербенте, куда привозились рабы почти со всех областей Кавказа и даже из Европы²⁹¹. Источником рабства являлись пленные, захваченные во время феодальных набегов, грабежей и т. д., в основном иностранцы.

Поскольку рабство в исследуемый период уже являлось пережиточным явлением, а основу общественных отношений составляли феодальные отношения, «пленники» в Дагестане «часто превращались в крепостных крестьян»²⁹², в чагаров и раят, но при этом их положение в морально-правовом и экономическом отношениях было гораздо тяжелее, чем других слоев крестьянства.

Основу отношений между феодалами и крестьянами в Дагестане исследуемого периода составляла натуральная рента продуктами в пользу хозяев земли. Кроме того, крестьянство в Дагестане за пользование землей феодалов несло определенные повинности в их пользу: крестьяне пахали землю феодала, косили сено, убирали урожай и доставляли его на дом, доставляли феодалам дрова, повозки для всякого рода перевозок, свой несложный сельскохозяйственный инвен-

тарь²⁹³. Натуральная рента в феодальных владениях шла всецело в пользу ханов и беков. В сельских обществах крестьянство (уздени) также облагалось продуктовой рентой²⁹⁴, шедшей на содержание общинной администрации, духовенства и старейшин.

В скотоводческих хозяйствах облагался рентой скот. Кроме того, крестьяне использовались в качестве пастухов, чабанов. Они перерабатывали сырье животноводства в пользу хозяев отар, заготавливали корма, ухаживали за скотом и т. д. Вдобавок к этому, во время военных столкновений и походов крестьяне-общинники и крепостные крестьяне, рядовые уздени должны были собираться в ополчение, отражать удары внешних врагов. Выйти на войну считалось обязанностью каждого человека и за уклонение от явки «по зову талкана» в Кайтаге, например, полагалось «вызывать тысячу танка штрафа», а в Аварии «по одной овце с каждого невышедшего»²⁹⁵. Они же привлекались к участию в феодальных конфликтах.

Земельные отношения, которые нуждаются в специальном исследовании, в Дагестане в этот период были сложны. Здесь не было единой системы пользования землей.

В феодальных владениях земля находилась в руках правителей, ханов и беков. Они сдавали ее узденям за службу, а раятам, чагарам и др. — на определенных условиях: продуктовая рента, отработка и ряд других повинностей.

В союзах сельских обществ земли были как общинные (леса, пастбища, сенокосы, пахотные земли), так и частные (мюльки)²⁹⁶. Общинные пахотные земли и сенокосы распределялись или по тухумам, где, в свою очередь, делились между отдельными семьями, или между всеми юридически равноправными хозяйствами общины. В горных сельских общинах пахотных земель было мало в силу естественных условий и поэтому пригодные к обработке участки находились в подворном пользовании²⁹⁷. По свидетельству же и более поздних источников, в равнинной части Дагестана наряду с мюлками, оставшимися в частном владении, в некоторых

²⁸⁹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 228—229; Р. Г. Маршаев. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв. (Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 22, лл. 54—56).

²⁹⁰ Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957, стр. 29, §§ 7, 8; 64); Р. М. Магомедов. Памятник истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1964, стр. 28.

²⁹¹ И. П. Петрушевский. Сб. ст. по истории Азербайджана, стр. 290.

²⁹² А. И. Тамай. Указ. ст. из ж. «Рев. Восток» № 5, 1935, стр. 123.

²⁹³ А. И. Тамай. Кумыки в XVI—XVII вв. (См. Рук. ф. ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 165, л. 28); «Дела по поводу определения сословных, прав туземного населения Терской и Кубанской областей» 1916 г.). Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 169, лл. 3, 34, 35.

²⁹⁴ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 70.

²⁹⁵ Р. М. Магомедов. Памятники истории и письменности даргинцев XVII в., стр. 31; А. И. Тамай. Указ. соч. — «Революционный Восток», № 5, 1935, стр. 136.

²⁹⁶ Х. Р. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Указ. соч., стр. 104—105.

²⁹⁷ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 110.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ В XVII—XVIII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ АКУША-ДАРГО)

Как было уже сказано выше, до присоединения Дагестана к России на его территории было несколько десятков объединений сельских обществ, известных в исторической литературе под названием «вольных» обществ. «Вольные» общества занимали территорию высокогорного, а также часть среднего и южного Дагестана.

В социально-экономическом развитии союзов сельских обществ было много общего — формы землевладения и землепользования, недоразвитость классовых отношений по сравнению с ханствами Дагестана, структура политического устройства, наличие сильных пережитков родоплеменного строя и т. д. Однако в основном все они находились на пути развивающихся феодальных отношений. Рядом с сохранившимися чертами архаической формации, демократического устройства в них развивались основные элементы феодальных отношений, которые в одних обществах проявлялись более четко, в других — в большей степени были опутаны патриархально-родовыми пережитками.

Особенно четко процесс феодализации союзов сельских обществ прослеживается в Акушинском союзе сельских обществ¹.

¹ Затронутой темы в связи с изучением своих проблем касались: С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. 1 (исторический). Свердловск, 1938; П. А. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Рукопись канд. дисс. М., 1941; его же. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. Сборник трудов Пятигорского госпединститута, вып. 1. Ставрополь, 1947; М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Рукопись канд. дисс. М., 1947; Р. М. Магомедов. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской Базы Академии наук Союза СССР, Махач-Кала, 1949; его же. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957; его же. История Дагестана. Махачкала, 1961;

обществах были и общественные пахотные земли, подвергавшиеся переделу между жителями по разному принципу, поровну или по количеству тягла. Последний принцип был в пользу богатой общинной знати, имевшей возможность выставить несколько пар буйволов²⁹⁸ и получить соответственно большие участки пахотной земли. Переделы пахотных общественных земель имели место и в горной части Дагестана. Но переделы в горах проводились реже (в 3, 5, а иногда 7 лет один раз).

Наличие феодальной частной собственности на пахотные земли, пастбища и сенокосы, а также на мелкие земельные владения — мюльки, на скот и недвижимое имущество свидетельствовало об установлении феодальных производственных отношений в Дагестане, особенно в его плоскостной и предгорной частях. Наличие же общинной и тухумной собственности на земельные участки, леса, пастбища, горы и т. д. свидетельствовало об устойчивости в Дагестане, особенно в высокогорной части, пережитков патриархально-родовых отношений, основа которых в XVII веке все же довольно интенсивно подрывалась процессом феодализации.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

²⁹⁸ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 62—64; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 109—110.

известного в исторической литературе и под названием Акуша-Дарго и являвшегося военно-политическим союзом пяти союзов сельских обществ — Акушинского, Усишинского, Мекенгинского, Мугинского и Цудахарского.

Исследование социально-экономических отношений Акуша-Дарго, которое являлось одним из крупных союзов сельских обществ Дагестана, даст возможность проследить как общие закономерности и специфические, локальные особенности исторического развития «вольных» обществ, так и имевшиеся общие черты и различия их с феодальными владениями Дагестана.

* * *

Акуша-Дарго занимало сравнительно большую территорию среднего Дагестана. С севера территория его граничила с Мехтулинским ханством и владениями шамхала Тарковского, на юге — с Сюргинским «вольным» обществом, на востоке — с удийством Кайтакским, на западе — с Андалалом и Казикумухским ханством.

Население Акуша-Дарго было этнически неоднородно. Кроме основного даргинского населения, в состав его входили аварцы (селения Кутиша, Хахита, Чуни, Чогли) и лакцы (селения Балхар, Уллу-Чара, Цулукани и Кули).

Имеющиеся сведения показывают, что Акуша-Дарго по количеству населения превосходило многие феодальные владения Дагестана. «Оная земля, — писал об Акуша-Дарго И. Г. Гербер, — ...довольно людна, и имеет многие деревни»². По сведениям участника похода 1796 г. И. Т. Дренякина в Акуша-Дарго было 30 000 дворов с 90 000 населением³. П. Г. Бутков также в конце XVIII в. писал, что в Акуша-Дарго

Х.-М. Хашаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. I. Махачкала, 1956; его же. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Г. Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — начале XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1960; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. Изд-во «Наука», М., 1965.

² И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, 1760, стр. 110.

³ И. Т. Дренякин. Описание Ширвана. 1796 г. (таблица). История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

было «дворов 30 000, душ вообще (вместе с населением шамхальства Тарковского — Б. А.) до 98 000»⁴.

Наиболее крупными населенными пунктами Акуша-Дарго являлись Акуша, Усиша, Муги, Мекеги и центр Цудахарского союза — сел. Цудахар. В конце XVIII в. И. А. Гюльденштедт писал, что селение Акуша «многолюдно и содержит в себе до 1 000 семейств», а жителей Цудахара «считают до 2 000 семейств»⁵.

Исследования советских археологов показывают, что еще в глубокой древности в горах, в том числе и на территории Акушинского союза, возникло мотыжное земледелие. Обнаруженные в результате археологических раскопок на территории Акушинского и Левашинского районов орудия труда — топор-мотыга для рыхления земли, кремневые вкладыши от составных серпов, зернотерки, а также отпечатки зерен голозерного ячменя (магара) и остатки своеобразных печей, имеющих сходство с современными даргинскими печами типа «кари» и «тарум», предназначенными для выпечки хлеба, свидетельствуют не только о древности земледелия на территории Акушинского союза, но «доминируют его первостепенную роль в хозяйственной деятельности древних горцев» вообще⁶.

О древности земледелия свидетельствует и наличие собственно даргинских названий злаковых культур, объединительного названия их, специальных названий муки, а также лексическая общность в терминологии основных земледельческих терминов с другими народами Дагестана.

Показателем этого является также обилие пословиц и поговорок, связанных с земледелием⁷.

И в исследуемый период земледелие, наряду со скотоводством, составляло основу экономической жизни жителей Акушинского союза.

Характерной особенностью земледелия являлась ограниченность пахотоспособных земель, что объяснялось как горис-

⁴ П. Г. Бутков. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958, стр. 210.

⁵ И. А. Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1774 годах. СПб., 1809, стр. 130, 131.

⁶ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 200. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР, д. 2929, л. 260; его же. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. IX. Махачкала, 1961, стр. 285.

⁷ См. М. О. Османов. Даргинские пословицы и поговорки. «Пословицы и поговорки народов Востока». М., 1961, стр. 207—213; Даргинские пословицы, поговорки и загадки (на даргинском языке). Составитель М. Х. Гамидов. Махачкала, 1965, стр. 7, 16, 17, 18, 19.

тобью края, так и аграрной перенаселенностью горного Дагестана вообще. И. Г. Гербер писал: «Акушеницы пашни много не имеют, ибо оные между горами живут»⁸.

Основным видом полей были террасовые поля небольших размеров, расположенные в горах в виде широких ступеней. Террасы являлись одним из показателей высокой земледельческой культуры горцев и результатом упорной борьбы с природой, гигантского труда многих поколений. И не случайно они привлекали внимание и вызвали удивление многих русских и иностранных наблюдателей XVIII—XIX вв. Как и другие народы горного Кавказа, даргинцы, говоря словами М. З. Кипиани, «... с помощью кирки и лопаты разрывали пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную для хлебопашества...», камни эти выбраны и сложены здесь же, как-будто для того, чтобы показать потомству каких трудов стоило из скал создать почву»⁹.

Отмечая трудолюбие горцев Дагестана, В. Потто писал: «Обработка земли у дагестанцев могла бы сделать честь самому просвещенному и культурному народу»¹⁰.

Горцы дорожили каждым клочком земли, которая тщательно обрабатывалась и оберегалась от истощения. Как отмечал А. П. Ермолов, акушинцы занимали гористые места, среди которых находились «не весьма обширные, но прекрасные долины». Земля оной (Акушинского союза — Б. А.) весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного»¹¹.

Несмотря на малоземелье вообще, система земледелия в Акуша-Дарго являлась паровой. Величина оставляемой под пар земли находилась в прямой зависимости от величины земли в целом.

Основными зерновыми культурами, которые возделывались на территории Акуша-Дарго, были пшеница (анк'и), голозерный ячмень (мах'яр), ячмень (мух'и), рожь (сусул анк'и), овес (них'я), просо (мучи), горох (х'яра). В незначительном количестве сеяли также лен (урб'еч) и коноплю (к'яма).

Сельскохозяйственные работы начинались в конце зимы и в самом начале весны. С февраля начинался вывоз на поля навоза и золы, которые накапливались за зиму.

⁸ И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, стр. 101.

⁹ М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1889, стр. 27.

¹⁰ В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II. СПб., 1888.

¹¹ Записки А. П. Ермолова, ч. II (1816—1827). М., 1869, стр. 101.

После удобрения полей приступали к весеннему севу, который сопровождался различными обрядами и церемониями. Полевые работы проводились в обязательные для всех сроки, которые устанавливались сельским обществом, что являлось результатом чересполосицы-следствие разбросанности мюльков общинников, отсутствия к ним свободного доступа и наличия пережиточно сохранившихся общинных земель.

Вспахивали поле деревянной сохой с железным лемехом, называемой у даргинцев «дурац», в которую впрягали пару волов. Даргинский дурац являлся разновидностью общадагестанского плуга и наиболее приспособленным к местным горным условиям сельскохозяйственным орудием. Он был очень удобен для террасного земледелия своей легкостью, простотой устройства. Дурац фактически не пахал, а рыхлил землю. Неглубокая пахота в условиях горного Дагестана была оправдана, так как предохраняла почву от иссушения и потери ценных питательных веществ.

Боронование полей жители союза не производили, что объяснялось преобладанием в горах неглубоких каменистых почв, после вспашки которых, как правило, не оставалось больших комков земли.

Уборка урожая начиналась в конце июля—начале августа. До начала жатвы в некоторых обществах убирали сено и после этого приступали к уборке хлебов, которая производилась при помощи серпа (мирш) местного производства или привозного из Харбука и Амузги.

Сразу же после уборки урожая, поднимали зябь и приступали к осеннему севу. Продолжался осенний сев не долго. В конце августа—начале сентября сев кончали, так как рано наступали холода.

Молотьба хлеба начиналась осенью и производилась либо на вычищенном и утрамбованном гумне, либо на крыше, которая за несколько дней до этого приводилась в необходимое состояние.

Орудиями молотбы, также как и у других народов Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья, были санообразные плоские деревянные доски, называемые у даргинцев «иргми».

Вследствие отсутствия данных невозможно сделать сколько-нибудь точных выводов об урожайности хлебов. Она зависела от плодородия почвы и поэтому была неодинакова в разных местах. Но в условиях сравнительной примитивности агротехники, несмотря на чрезвычайно упорный и кропотливый труд, урожайность зерновых была невысокая. Говорят об этом и данные позднего периода. По свидетельству Владимира Вильер де Лиль-Адама, в сел. Усиша, где жители преимущественно занимались хлебопашеством, оно являлось «далеко не прибыльно, вследствие как бесплодности почвы, так и

высокого положения аула». Далее, говоря об урожайности зерновых, он указывает, что «пшеница обыкновенно дает сам 3, просо сам 3—4»¹².

По данным сословно-поземельной комиссии, образованной местной царской администрацией для выяснения существовавших личных и поземельных прав населения Дагестана, лучший урожай зерновых составлял: в Гинта-сам 6, в Акуша, Усиша, Мупи, Бутри и Танти — сам 5, в Хиба и Цудахаре — сам 4, в Гапшима, Хаджал-Махи и Уллу-Чара — сам 3¹³.

При такой низкой урожайности зерновых и из-за аграрной перенаселенности земледелие не могло в полной мере обеспечить потребности в хлебе жителей Акушинского союза. Поэтому, как показывают источники, они покупали хлеб в других районах Дагестана, в частности в Урахинском союзе сельских обществ, Кайтагском улусе и шамхальстве Тарковском¹⁴. Покупая хлеб, население союза не только обеспечивало себя на круглый год, но и часть его продавало жителям Аварского ханства¹⁵.

Земледелие в отдельных обществах Акуша-Дарго, расположенных в долинах рек, сочеталось с садоводством. Но в целом по союзу садоводство было развито слабо, главными причинами чего являлись суровость климата и трудности орошения.

Садоводством главным образом занимались жители Цудахарского союза сельских обществ. «В сем округе (Цудахарском обществе — Б. А.), — писал И. А. Гюльденштедт, — родится виноград и другие плоды»¹⁶. Одним из центров садоводства в Цудахарском союзе являлось селение Хаджал-Махи. В начале XIX в. офицер русской армии Ф. И. Гене, проводивший топографические работы в Дагестане, в том числе и на территории Верхней Даргинии, писал, что «от сей деревни (Хаджал-Махи — Б. А.) до реки Койсу простирается фруктовый лесок величиною до двух квадратных верст»¹⁷.

¹² Владимир Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки). ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875, стр. 19.

¹³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 9, 10, 15.

¹⁴ И. Г. Гербер. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 83; Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. 1796 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 135. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375(2).

¹⁵ АКАК, т. VII, Тифлис, 1878, стр. 518, 530; Р. Ф. Розен. Описание Чечни и Дагестана. 1830. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 291.

¹⁶ И. А. Гюльденштедт. Указ. соч., стр. 131.

¹⁷ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 344. См. также ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 4.

Развитию садоводства в этой части Акуша-Дарго способствовали благоприятные природные условия. Такие селения как Цудахар, Хаджал-Махи и другие были расположены на берегу реки Койсу, где климат был более умеренный и равномерный, чем в остальной части союза.

Огородничеством население Акушинского союза занималось мало. На основании этого Ф. И. Гене писал, что жители союза, как и другие горцы Дагестана, «об огородах понятия не имеют, к разводу коих и климат не благоприятен, почему принуждены лук, огурцы, морковь и другие огородные овощи покупать у своих соседей»¹⁸. Однако вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Конечно, огородов в буквальном смысле этого слова у жителей союза не было. Вместе с тем им издавна были известны лук (букан жерши), чеснок (итан жерши), горская морковь (набадари), горная редька (кьехIа), о чем говорят как наличие собственно даргинских названий их, так и общих терминов с другими горцами Дагестана. Выращивали их горцы либо во дворе (главным образом лук и чеснок), либо на поле (морковь и редька).

Другой древней отраслью хозяйства Акушинского союза являлось скотоводство. Природные условия здесь более благоприятствовали животноводству, чем земледелию. Поэтому скотоводство в исследуемое нами время играло важнейшую роль в хозяйственной жизни верхнедаргинцев. И не случайно на это обстоятельство указывали побывавшие в Дагестане участники военных походов и научных экспедиций. Участник похода на Кавказ русских войск в главе с Петром I И. Вольф писал, что «акушинцы имеют много скота»¹⁹. Другой участник этого похода — И. Г. Гербер в 1728 г. писал, что акушинцы «питаются больше скотиною»²⁰. Об огромной роли, которую играло скотоводство в хозяйстве жителей Акуша-Дарго, говорит и то, что возмещения и платежи сплошь и рядом, о чем свидетельствуют адаты верхнедаргинских обществ, выражались в скоте.

Основным видом животноводства являлось овцеводство. И. Г. Гербер писал, что «акушанцы... содержат великое число баранов»²¹. Овцы в основном разводились курдючной породы и грубошерстные. Преимуществом шерсти акушинских овец, как указывал И. Г. Гербер, являлось то, что она была

¹⁸ Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 344.

¹⁹ Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 год. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XII. СПб., 1791, стр. 74.

²⁰ И. Г. Гербер. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 101.

²¹ Там же.

«несколько лучше, нежели на других (овцах) в тамошних странах»²².

В виду отсутствия своих зимних пастбищ, уюсти кормовой базы в горах вообще жители Акуша-Дарго овец перегоняли на арендуемые пастбища, находящиеся на приморской низменности (шамхальство Тарковское) и во владении уцмий Кайтагского, что придавало овцеводству характер отгонной системы. И. Г. Гербер писал, что «многие Акушинцы и Тавлинцы зимою, когда снег в горах глубок бывает, гоняют на Хайтакскую паству скот свой, и пасут чрез всю зиму, которая там очень сносна»²³.

В конце XVIII века Д. И. Тихонов также писал, что «кутаны, или хуторы, уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги», которые, в свою очередь, «отдают оные в наймы на зимнее трлкое время горским жителям»²⁴.

Часть скота верхнедаргинцы перегоняли на зимние пастбища шамхала Тарковского, во владении которого имелись «тучные пастбища». «В разсуждение их (жителей Акушинского союза — Б. А.) в горах жилища, — писал в конце XVIII века Д. И. Тихонов, — где в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут, по причине малости подножного корму, а больше еще и стужи, а потому необходимо принуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны»²⁵.

За аренду зимних пастбищ уцмий и шамхалы брали с верхнедаргинцев высокую плату. «За то, — писал Г. И. Гербер, говоря о перегоне овец во владения уцмий Кайтагского, — платят Усоею некоторую пошлину, которая, для многого числа овец, коих более 100000 в пригоне бывает, до великой суммы простирается»²⁶.

Сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что шамхалы Тарковские брали также высокую плату за аренду зимних пастбищ. «Имеющиеся кутаны в его владении, — писал Д. И. Тихонов, — одни принадлежат шамхалу, и он их отдает горским жителям на зимнее время в наем, смотря по величине кутана и его способных выгод. Берут в зиму за один кутан по 200 баранов, а за иной и менее, а другие кутаны принадлежат частным жителям, которые по своей воле

отдают также их на зимнее время горским жителям в наймы по договору»²⁷.

Перегон скота на зимние пастбища был сопряжен с большими трудностями. При перегоне скота на большие расстояния происходили потери упитанности и падеж их. Перегнав же огромное количество овец, порою доходившее до десятков тысяч голов²⁸, трудно было на чужой территории организовать надлежащий уход за ними.

На зимних пастбищах скот содержался всю зиму на подножном корму. На случай холодной зимы для скота заготавливались корма, строились кошары. В период окота, стрижки и дойки овец и коз на зимовке требовалось большое количество людей²⁹. Все это, естественно, требовало и больших расходов.

Весной после 6—7 месячной зимовки скот перегонялся обратно на летние горные пастбища. Однако собственные летние пастбища верхнедаргинцев не могли полностью удовлетворить потребности овцеводства. Поэтому им приходилось арендовать летние альпийские пастбища в соседнем Сюргинском «вольном» обществе и в Казикумухском ханстве. У сюргинцев жители Акуша-Дарго арендовали горы «Ургадубура», «Зенаула» и «ГьуцабекIала ГIела», а у лакцев — «Шамхалла сана» и «Халисуни»³⁰.

Население Акушинского союза «вольных» обществ занималось также разведением крупного рогатого скота. Однако недостаток пастбищ, а также сенокосных участков не во всех обществах позволял содержать большое количество крупного рогатого скота. Поэтому крупный рогатый скот не занимал большого места в общем балансе животноводческого хозяйства. Однако, если в Акушинском, Усишинском, Мугинском, Цудахарском и других обществах Акуша-Дарго содержали больше овец и коз, то в высокогорных обществах, расположенных ближе к Сюргинскому «вольному» обществу, преобладал крупный рогатый скот. Содержанию скота здесь благоприятствовали большие естественные пастбища и луговые площади для заготовки сена. Преобладал крупный рогатый скот наряду с овцеводством и в обществах, которые были расположены ближе к плоскости, т. е. на стыке предгорья и нагорья, как,

²² Там же. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, 1760, стр. 110—111.

²³ Там же, стр. 107.

²⁴ История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 184.

²⁵ Д. И. Тихонов. Топографическое описание Северного Дагестана. 1796 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. 3, л. 5.

²⁶ И. Г. Гербер. Указ. соч. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, 1760, стр. 107.

²⁷ Д. И. Тихонов. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 130.

²⁸ И. Г. Гербер. Указ. соч. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, 1760, стр. 107.

²⁹ Х. - М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959, стр. 49.

³⁰ ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 4; Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 344. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371(1). Полевой материал, собранный нами в 1962, 1963, 1966 гг.

например, в Мекегинском обществе, где имелись значительные массивы разных югодей.

Правда, у нас нет конкретного материала, относящегося именно к XVII—XVIII вв. Однако об этом можно в какой-то мере судить по данным XIX в., извлеченным из посемейных списков. Согласно этим данным, в конце XIX в., если 1663 дыма селения Акуша вместе с отселками имели всего 700 голов крупного рогатого скота и 10000 овец; 856 дымов селения Усиша—1035 голов крупного рогатого скота и 7202 овец; 816 дымов селения Муги—585 голов крупного рогатого скота и 4000 овец; 353 дыма селения Цудахар—600 голов крупного рогатого скота и 5000 овец, то 921 дым Мекегинского общества имел 2835 голов крупного рогатого скота и 24000 овец³¹.

Разводило население Акушинского союза главным образом коров и быков местной породы—малорослых и малоэффективных. Объяснялось все это прежде всего суровыми горными условиями, бедностью покосов, нехваткой сена в зимнее время и отсутствием правильной селекции. Но преимуществом крупного рогатого скота горного Дагестана вообще была неприхотливость к местным суровым условиям, что облегчало их содержание.

Хотя в целом крупного рогатого скота было меньше, чем овец, но разведением его занимались повсеместно, во всех обществах Акуша-Дарго. Если овец в условиях отгонной системы могли содержать не все хозяйства, то крупный рогатый скот имели все. В основном разводились коровы, ибо в условиях малоземелья и отсутствия достаточной кормовой базы быки не находили в горах такого применения как на плоскости. Необходимо отметить, что молочные продукты играли большую роль в пищевом рационе горцев. Как и другие продукты животноводства, они вместе с хлебом составляли основную пищу даргинцев Акушинского союза. Из коровьего молока горцы сбивали масло, делали сыр, творог, сметану и т. д., а из овечьего молока—брынзу. Овечья и козья шерсть шла на изготовление паласов, войлоков, бурок, сукон. Из шкур и кож изготавливались шубы, обувь, головные уборы (тапахи) и разнообразные хозяйственные и бытовые вещи.

Лошадей верхнедаргинцы содержали немного. Объяснялось это тем, что в горах не было достаточно пастбищ и кормов на зиму. К тому же, лошади здесь не находили того применения в хозяйстве, которое имели они на плоскости. Лошади применялись в основном для верховой езды, ценились дорого и относились к предметам роскоши. Стоила лошадь в несколько раз дороже быка.

³¹ Даргинский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 26, 28, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 50, 52.

Большое место в хозяйстве занимали ослы, являвшиеся самыми неприхотливыми животными. Имелись они главным образом у цудахарцев и в обществах, расположенных ближе к Сюргинскому «вольному» обществу. Цудахарцы использовали ослів и в качестве рабочего скота, но главным образом для перевозки фруктов. В условиях гор при отсутствии хороших дорог использование арбы было затруднено и поэтому осел являлся наиболее подходящей тягловой силой для различных перевозок.

Из домашних птиц жители Акуша-Дарго разводили только кур. Даже в первой половине XIX в. Ф. И. Гене писал, что «в верхнем Дагестане домашней птицы, исключая кур, никакой нет»³².

Издавна жители Акуша-Дарго занимались и разнообразными домашними промыслами. Отмечая древность промыслов в Акушинском и Цудахарском обществах, подпоручик Кузьминский писал: «Эти две смежные республики с древних времен» были известны «своею промышленностью и общим уважением соседей»³³. Промыслы играли немаловажную роль в хозяйстве горца. В условиях суровой природы, малоземелья и бедности ее вообще, низкой продуктивности скота домашние промыслы являлись большим подспорьем в экономике населения союза.

Основными видами кустарных промыслов в Акушинском союзе являлись обработка шерсти, кожи, железа, камня, дерева и глины³⁴. «Домашние промыслы,— писал В. И. Ленин,— составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства»³⁵. Промыслами занимались все хозяйства, которые владели «своими собственными средствами производства» и «вещественными условиями труда». Каждое отдельное хозяйство изготовляло все необходимое—начиная с сельскохозяйственного инвентаря и кончая одеждой и вещами домашнего обихода.

В домашних промыслах были заняты как женщины, так и мужчины. Обработкой шерсти, овчин, ткачеством, прядением и гончарным делом занимались женщины. С. Броневский писал, что у горцев Дагестана женщины «портные, ткачи, швеи, тесемщицы»³⁶. Мужчины занимались обработкой металла, дерева, камня, выделкой кож.

³² Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 345.

³³ Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1 (первая половина XIX века). Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940, стр. 335.

³⁴ Полевой материал, собранный нами в 1962—1966 г.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.

³⁶ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823, стр. 52.

Наиболее развитым кустарным промыслом являлась обработка шерсти. Издавна верхнедаргинцы из овечьей шерсти производили сукна белого, синего и темного цвета, из которых и шили себе одежду. Шерсть являлась основным сырьем для изготовления головных женских платков, носок, веревок, мешков, переметных сум, паласов, войлока, бурок. Надо отметить, что изготовлением разнообразных вещей из шерсти занимались во всех обществах Акушинского союза.

В начале XVIII века И. Г. Гербер писал, что шерсть акушинских овец была лучше «нежели на других (овцах) в тамошних странах»³⁷. Поэтому, — указывает далее он, — акушинцы «и делают много сукна, которое во все тамошние земли развозится, и употребляется... на платье»³⁸. И. Г. Гербер пишет также, что жители Акушинского союза из шерсти «и войлочные епанчи делают»³⁹. Сукна разного качества производились как в самом селении Акуша, так и в других больших селениях союза — Муги, Мекеги, Усиша, Цудахаре, Хаджал-Махи и др.

Как и другие горцы Дагестана, жители Акушинского союза сами шили себе из овчин шубы с короткими и длинными рукавами, брюки, патахи и т. д. Одежду шили ручным способом в каждом хозяйстве. Из кожи, которая выделывалась из шкур крупного рогатого скота, шили обувь, делали ремни, а из козьих шкур — мешки, сумки, нитки, веревки.

Большое место в хозяйстве населения Акуша-Дарго также, как и других народов Дагестана, занимали промыслы по обработке дерева, главным образом, изготовление сельскохозяйственного инвентаря. Из дерева изготовлялась также домашняя посуда (вилки, ложки, миски, подносы и т. д.), люльки, оконные рамы, двери, станки для обработки шерсти и тканей паласов и сукон, меры сыпучих тел (сах и барха) и т. д.

Издавна жители Акушинского союза занимались и металлообработкой. Развитию металлообработки здесь способствовало наличие вблизи современного селения Муги железной руды, о чем говорят материалы археологических раскопок и народные предания⁴⁰.

В промысле по обработке металла в интересующее нас время основное место занимали изготовление сельскохозяйственных орудий и оружейное дело. Почти во всех больших селениях Акуша-Дарго имелись кузнецы (мегъла устни), которые

изготавливали серпы (мирш), косы (къялкъуби), мотыги (фазни), топоры (бардни), лопаты (клатини), подковы (жугти гябли) и т. д.

В союзе имелись также мастера, занимавшиеся изготовлением холодного и огнестрельного оружия. Особую известность в горах получили мастера оружейного дела из Цудахарского общества, которые изготавливали не только ножи и кинжалы, но и кремневые огнестрельные ружья. На территории Аварии изделия цудахарских мастеров были известны под названием «цедехI нус» и «цедехI тапанча», т. е. «цудахарский нож» и «цудахарское оружие»⁴¹. О древности кузнечного ремесла в этом обществе говорят и наличие у цудахарцев своего собственного названия кузницы — «гымтгук», а также определенные традиции, выразившиеся в поговорках даргинцев, как, например, «устала урши, уста виар» (сын мастера становится мастером) и т. д.

Распространенным промыслом в Акушинском союзе являлась и обработка камня. Почти во всех обществах имелись свои известные строители. Их руками воздвигались не только жилые дома, но и общественные здания, мечети, а также крепостные башни и стены, мосты, заборы, ограды и т. д. Сохранившиеся до наших дней остатки строений говорят о большом мастерстве строителей.

В селении Усиша сохранилась мечеть, которая, согласно имеющейся здесь надписи, построена в 1071 году хиджры (1660)⁴².

В начале XIX в. Ф. И. Гене, описывая арочные мосты, построенные через Казикумухское Койсу недалеко от Цудахара и Хаджал-Махи, писал, что они «невзирая на древнюю постройку, не имеют никакого повреждения и кажутся недавно выстроенными»⁴³.

Развита была в союзе и резьба по камню. Почти в каждом крупном населенном пункте имелись мастера, изготавливавшие надгробные памятники. Это были не простые ремесленники, а искусные резчики, настоящие мастера своего дела.

Профессия мастеров резьбы по камню в ряде случаев была наследственной и переходила от отца к сыну, от дяди к племяннику. По рассказу жителя сел. Усиша Замова Ахмеда, одного из лучших мастеров надгробных памятников, эта профессия передавалась ему от его предков, которые являлись хорошими резчиками по камню. До сих пор в селении Усиша сохранились монументальные надгробные памятники,

³⁷ И. Г. Гербер. Указ. соч. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, стр. 110—111.

³⁸ Там же, стр. 111.

³⁹ Там же.

⁴⁰ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте). Материалы по археологии Дагестана, т. I. Махачкала, 1959, стр. 227.

⁴¹ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 375.

⁴² Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 371.

⁴³ Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 341.

шеиные разнообразными симметричными узорами и арабскими надписями, которые были обработаны предками А. Замова. Имеются они и в других селениях Акушинского района.

Гончарным делом занимались главным образом жители селения Балхар, которое было и является ныне одним из признанных центров гончарного производства Дагестана.

Как видим, в рамках натурального хозяйства у верхнедаргинцев, как и у других народов Дагестана, были развиты промыслы по изготовлению всех необходимых бытовых изделий, «начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»⁴⁴.

В рамках натурального хозяйства в исследуемые века в Акуша-Дарго развивалась как внутренняя, так и внешняя торговля. К. Маркс указывал, что «товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости»⁴⁵.

Хотя в исследуемый нами период торговля в Акушинском союзе была слабо развитой, что было связано главным образом с господством натурального хозяйства, низким уровнем развития производительных сил, все же в Акуша-Дарго можно проследить то явление, которое К. Маркс называет товарным обращением без превращения подавляющей массы продуктов в товары.

Торговля была в основном меновая. «Торговля производится большей частью меною»⁴⁶, — отмечал современник. Меняли продукты животноводства, скотину, ремесленные изделия, из которых наибольшее значение имело сукно. Акушинское сукно, — писал И. Г. Гербер, — «во все тамошние земли развозится»⁴⁷. Следовательно, сукно менялось не только внутри союза, но и продавалось за его пределами, т. е. Акуша-Дарго имело торговые связи с другими народами Дагестана.

В XVII—XVIII вв. центрами обмена на территории Акуша-Дарго являлись наиболее крупные селения Акуша, Усиша, Цудахар, Мекеги, Муги и др. Как и в других больших селениях Дагестана, здесь собирались базары, куда приезжали для обмена товаров не только жители самого союза, но и из

других территорий Дагестана. И не случайно автор XVII в. Э. Челеби отмечал, что в Дагестане «люди иногда собираются в городах (в больших селениях — Б. А.) и устраивают на площадях базары. Каждый житель привозит свои продукты и обменивает их»⁴⁸.

Монеты в Дагестане свои в исследуемый период не чеканились. «Здесь нет монет»⁴⁹, — писал Эвлия Челеби. В качестве общего эквивалента при обмене выступали бараны, домотканый материал (хабцалдик)⁵⁰ и котлы. «Особенные потребительные стоимости, — указывал К. Маркс, — которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например, рабы, скот, металлы, чаще всего образуют... первые деньги внутри самой общины»⁵¹.

Обмен на территории союза носил репутарный характер, о чем говорит наличие у даргинцев твердоустановившейся местной системы мер и весов.

Во внешней торговле преобладающее место занимали скот и продукты животноводства. Сами же жители Акуша-Дарго из-за недостатка своего хлеба покупали зерно в уцмийстве Кайтагском и шамхальстве Тарковском. Жители уцмийства, — писал И. Г. Гербер, — «пшеницею и ячменем удовлетворяют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают»⁵². Как свидетельствует Д. И. Тихонов, «торговлю жители (шамхальства — Б. А.) производят по большей части с соседними владениями, как-то уцмиевым, с кумыками и акушинцами (подчеркнуто нами — Б. А.), а также с Россией, скотом пшеницей, медом и воском»⁵³.

Жители Акушинского союза были связаны с торговыми центрами Дагестана — Дербентом и Тарки. В Дербенте верхнедаргинцы покупали шелковые и хлопчатобумажные ткани, красители для паласов и шерстяных тканей (марену, шафран) и т. д. «Провинция Гилянская и город Шамаха, — писал академик С. Г. Гмелин, — снабждают Дербент разными бумажными и шелковыми материями, кои променивают Лезгинским и Горским Татарам на один род тонкого сукна, которое ими ж самими в горах приготавливается»⁵⁴. Кроме того, покупали они здесь, а также в Тарки и привозные из России — предметы

⁴⁸ Отрывки из путешествия Эвлия Челеби. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 94.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Хабцалдик равнялся 30 локтям.

⁵¹ К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 37.

⁵² И. Г. Гербер. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 83.

⁵³ Д. И. Тихонов. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 135.

⁵⁴ С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. III. СПб., 1785, стр. 21.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 22.

⁴⁵ К. Маркс. Капитал, т. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 180.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 68503, л. 6. Цитируется по книге В. Г. Гаджиева. Роль России в истории Дагестана, М., 1965, стр. 17.

⁴⁷ И. Г. Гербер. Указ. соч. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, стр. 111.

домашнего обихода из стали, железа и меди (котлы, красные и зеленые тазы из меди, посуда, ножницы, иглы, наперстки и т. д.), а также зеркала, шелковые, бумажные и холщевые ткани, бумагу, сахар, нефть, железо, сталь, свинец и т. д. Эти товары привозились из России купцами из Дербента, Тарки и Кайтагского уцмийства⁵⁵, которые и продавали их на местных рынках.

В свою очередь, верхнедаргинцы продавали в этих торговых центрах продукты животноводства — шерсть, кожи, шкуры, сукно и т. д.

Наиболее близким к верхнедаргинцам большим торговым центром являлось лакское селение Кави-Кумух. На периодически проходивших здесь базарах жители Акуша-Дарго также покупали необходимые товары.

Из владений уцмий Кайтагского наибольшие торговые связи поддерживались с обществом Амузги, Харбук и Кубачи. Из этих обществ в Акуша-Дарго привозились в основном железные части сельскохозяйственного инвентаря, лопаты, лемаха для сох, клинки для серпов и кос и т. д.⁵⁶ Большой спрос имели в Акуша-Дарго также производившиеся в этих обществах холодное и огнестрельное оружие и изделия кубачинских мастеров.

С аварцами торговали главным образом жители Акушинского и Цудахарского обществ. Основным предметом торговли цудахарцев с аварскими обществами являлось холодное и огнестрельное оружие местного производства, известное у аварцев под названием «цедехI нус» и «цедехI тапанча». «Из Акуши, — писал в начале XIX в. офицер русской армии А. П. Щербачев, — достают они (койсубулинцы — Б. А.) себе оружие, ибо собственных мастеровых не имеют хороших»⁵⁷.

Жители Акуша-Дарго и главным образом акушинцы продавали аварским обществам широко известный среди горцев домотканый шерстяной материал (сукьбан) и национальные шерстяные паласы (цIухъаны)⁵⁸.

Как было отмечено выше, продавали жители Акуша-Дарго аварским обществам, хотя и в небольшом количестве, зерно. Говорят об этом не только материалы устных народных преданий, но и документы начала XIX в. «Акушинцы, — писал под-

полковник Меддокс, — свой хлеб продают в горы и покупают оный в прочих провинциях в Дагестане для перепродажи горцам»⁵⁹. В другом документе прямо указывается, что аварцы получают хлеб от акушинцев⁶⁰. Указывает на это и генерал Р. Ф. Розен. У жителей Аварского ханства «хлебопашество весьма скудное, — пишет он, — и недостаточное для прокормления своего. Мехтулинская провинция и акушинцы снабжают их малою частью такового»⁶¹.

Жители Акушинского союза покупали у аварцев фрукты — «яблоки, груши, изредка виноград»⁶², бурки (Андийское общество), известные у даргинцев под названием «гIяндан варгьи», шерсть длинношерстных овец, а также шкуры андийских овец, которые отличались от «всех горских овец» своей длинной шерстью. Шкуры этих овец употреблялись жителями Акуша-Дарго для изготовления шуб, называемых «хала-хIяка»⁶³.

Усилению обмена и торговли с жителями других владений Дагестана способствовала и отгонная система овцеводства. При отгонной системе верхнедаргинцы, подобно кочевникам, образ жизни которых, как указывает К. Маркс, «постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»⁶⁴, задолго до исследуемого периода уже общались с жителями территории, по которой они перегоняли свой скот и вступали с ними в торговые сделки.

Внешние связи Акуша-Дарго не ограничивались пределами Дагестана⁶⁵.

Центрами торговых сделок с народами Северного Кавказа, а также с русскими купцами являлись крепости и остроги, построенные русским государством на Северном Кавказе. Среди них особую роль не только как местный торговый центр, но и центр политических связей России с народами Дагестана, играла крепость Терки.

⁵⁹ АКАК, т. VII, Тифлис, 1878, стр. 518.

⁶⁰ Там же, стр. 530.

⁶¹ Р. Ф. Розен. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 291.

⁶² Ф. И. Гене. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 344.

⁶³ Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

⁶⁴ К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 99.

⁶⁵ Материалы Гапшинского и Акушинского могильников показывают, что верхнедаргинцы имели торговые связи с народами Северного Кавказа, Закавказья и странами юго-восточной Европы и Ближнего Востока еще в более ранние периоды истории. См. В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 271—282; В. И. Маркович и А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник. КСИИМК, № 60. М., 1955, стр. 150—154.

⁵⁵ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Составитель Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958, стр. 201—219; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 1—69.

⁵⁶ Даргинские народные песни (дарг. яз.). Под ред. Р. Нутова.

⁵⁷ А. П. Щербачев. Описание Мехтулинского ханства. Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 296.

⁵⁸ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 375(1).

Основным центром торговых связей дагестанцев, в том числе и жителей Акушинского союза, с Россией после похода Петра I в Дагестан стала крепость Святой крест, где жили русские, азербайджанские и армянские торговые люди.

После упразднения крепости Святой крест в 1735 году, как и другие народы Дагестана, жители Акуша-Дарго ездили для торговли в Кизляр.

Однако при всем сказанном надо отметить, что до конца XVIII в. внешняя торговля в целом была слабо развита. Препятствовали более широкому развитию торговли не только господство натурального хозяйства, но и постоянная опасность грабежа в пути со стороны феодальных владетелей,⁶⁶ высокая пошлина, которая взималась владельцами за провоз товаров через их территорию⁶⁷, и плохое состояние, а зачастую просто отсутствие, колесных дорог.

С конца XVIII в. торговые связи верхнедаргинцев с другими народами Кавказа и Россией стали значительно шире. Документы начала XIX в. уже прямо отмечают, что жители Акушинского союза занимаются «даже торговлею»⁶⁸. Имеются сведения, показывающие, что верхнедаргинцы, главным образом цудахарцы приезжали и в Астрахань. Здесь они покупали верблюжью шерсть, из которой «изготавливали» «значительное количество местного сукна» на вывоз в Нуху, Шемаху и другие города Закавказья⁶⁹.

Во внешней торговле, помимо скота, в качестве эквивалента применялись и иностранные монеты, как, например, турецкие, персидские и российские. Об этом свидетельствуют названия монет, которые употребляли даргинцы, как, например, шагъи (5 коп.), гяббаси (20 коп.), кьуруш (1 рубль), тумен (10 рублей), кьарапулы (медные деньги).

Закрепление у даргинцев этих названий говорит о том, что наиболее распространенными среди жителей Акуша-Дарго являлись персидские и турецкие деньги. Заимствование в основном шло с юга — через Азербайджан.

Кроме того, даргинцы употребляли и так называемые «ханские» деньги⁷⁰, а, начиная с XVIII в., все большее распространение получают российские монеты. «Особенно почитают, — отмечает современник, — серебряные рубли»⁷¹.

⁶⁶ С. Броневский. Указ. соч., стр. 56—57.

⁶⁷ Д. И. Тихонов. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 135.

⁶⁸ М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана. 1831 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 309.

⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14, л. 9.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 18503, л. 6. Цитируется из монографии В. Г. Гаджиева. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, стр. 16.

⁷¹ Там же, стр. 17.

О росте значения монет косвенно свидетельствуют попытки подделывать иностранные деньги. По свидетельству И. Г. Герберга, кубачинцы «делают... турецкие и персидские серебряные деньги» и «начали испытать делать российские рублики», которые «имеют надлежащий свой вес и серебро, что оных везде берут»⁷².

Торговые связи осуществлялись по грунтовым дорогам и тропам. Внутри союза имелись дороги, связывающие между собой Акуша и Усиша, Акуша и Муги, Муги и Усиша, Акуша и Цудахар, Акуша и Гапшима и т. д. Наиболее удобной из них являлась дорога, идущая из Цудахара в Акуша. Как показывают источники, на реке были «замечательные, с давнего времени построенные два каменные моста. Один в двух верстах ниже селения Цудахара на пяти арках, а другой у селения Ходжал-Махи на одной арке». Первый из них, через который и шла дорога в Акуша, имел «достаточно ширины для следования колесных тяжестей»⁷³.

Имелись в исследуемое время также дороги, связывающие Акушинский союз с другими владениями Дагестана. Все основные дороги, ведущие из территории Акуша-Дарго в приморский Дагестан, сливались с главной дорогой, называемой у даргинцев «Хан-гыуни» — дорога хана, которая по территории шамхала Тарковского и уцмий Кайтагского шла в Дербент и дальше в Азербайджан. Одна из дорог шла из Акуша через Цудахар в Тарки. Как свидетельствует посланник грузинского царя Кирил, из территории шамхала Тарковского отходили «две дороги одна к Дербенту, ...а другая дорога в Быверскую землю на Казы-Кумыки»⁷⁴. Речь здесь идет об описанной выше «Хан-гыуни» и дороге, которая через даргинские земли шла в земли лакцев. Другая дорога, идущая из Акуша в Тарки, проходила через селение Губден. Указывая на эту дорогу, Д. И. Тихонов писал, что эта одна из трех дорог, идущая из Тарков через деревню Губден в Акушинское владение, по которой «кроме одной верховой езды и в некоторых местах еще с великою трудностью по причине больших и крутых гор и чрезвычайных стремнин никакими повозками ехать невозможно»⁷⁵.

С территорией кумыков связывали верхнедаргинцев и другие дороги. Одной из них была дорога в Параул. Проходил

⁷² И. Г. Гербер. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 76.

⁷³ Ф. И. Гене. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 340—341.

⁷⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I (1578—1613 гг.). М., 1888, стр. 401.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 18474, л. 7. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, д. 1188, л. 19; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. ч. I. СПб., 1869, стр. 215 (примеч.).

этот путь из Акуша в Хаджал-Махи, отсюда в Левашу, «далее довольно порядочная дорога до д. Урага-Джооли (Чоглы—Б. А.), оттуда чрез д. Урму на Кака-Шуру и в Параул»⁷⁶. Из Параула она вела в другие населенные пункты. «Дорога сия, — писал А. П. Щербачев, — считается в числе арбенных», хотя и была «довольно трудная» из-за гористости местности⁷⁷.

Была также дорога, ведущая из Акуша по направлению к Дербенту, которая шла в Муги и Верхне-Мулебки, отсюда через территорию Урахинского общества — в Башлы—Великент и, соединившись с «Хан-гюни», через владения уцмий Кайтагского — в Дербент.

Существовали дороги, связывающие территорию Акушинского союза с землями лакцев и аварцев. Кроме той дороги, которая шла из Акуша через Цудахар в Кумух, была еще дорога, ведущая в Кумух через Гапшима и Уллу-Чара.

Торгово-экономические связи с народами южного Дагестана осуществлялись через лакские земли. Жителям Акушинского союза известен был путь, проходящий через Кумух—Чирах—Усух—Карах—Ахты. Этим же путем осуществлялись связи с Азербайджаном. Из Ахты указанный путь вел в Нуху. Говорят об этом и сведения позднего времени. Беккер указывает, что горцы центрального и северного Дагестана (кубанинцы, цудахарцы, андийцы и др.) «строго говоря, проезжают только через Ахты, направляясь в Нуху...»⁷⁸.

Таким образом, весь приведенный материал свидетельствует о том, что в исследуемый период основу хозяйства Акуша-Дарго составляли земледелие и скотоводство. В союзе не было достаточных площадей для земледелия и поэтому верхнедаргинцам нехватало своего хлеба. Скотоводство играло в хозяйстве ведущую роль. Однако и на пути развития скотоводства были большие трудности, связанные с недостатком летних и отсутствием зимних пастбищ. В результате этого верхнедаргинцы арендовали зимние пастбища за высокую плату у шамхала Тарковского и уцмий Кайтагского.

Большое значение для жителей союза имели домашние промыслы, а также обмен и торговля. Поддерживались торгово-экономические связи и с другими народами Дагестана, странами Закавказья, Северного Кавказа и Россией. Осуществлялись они по существующим вьючным и колесным дорогам.

⁷⁶ А. П. Щербачев. Указ. соч. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 296.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Поездка Беккера по южному Дагестану. ССКГ, вып. IX, Тифлис, 1876, стр. 40; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 90—91.

Из всех вопросов социально-экономической истории наиболее важным является выяснение аграрных отношений, ибо отношение к земле, формы владения землей, взаимоотношения членов общества, складывающиеся на основе этих форм землевладения, формы земельной ренты, различные формы присвоения этой ренты являются важнейшими вопросами, характеризующими уровень развития общества, его социально-экономическую структуру.

«Земля, — писал К. Маркс, — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для поселения, базис коллектива»⁷⁹. Земля является основным средством и условием производства. Она в зависимости от форм владения ею и определяет уровень социально-экономического развития общества. «Земля есть в одно и то же время, — пишет К. Маркс, — и сырье, и орудие, и плод»⁸⁰.

В исследуемый период в Акуша-Дарго существовало четыре формы собственности на землю: частная, мечетская, тухумная и джамаатская⁸¹.

Частное землевладение — это земельные участки, которые находились в наследственной собственности их хозяев. «Собственность, — указывал К. Маркс, — означает... первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего) субъекта (или воспроизводящего себя субъекта) к условиям его производства или воспроизводства, как к своим»⁸².

Характеризуя процесс превращения общинной собственности на землю в частную, Ф. Энгельс писал: «Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешедших уже через известную степень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность»⁸³. В первую очередь, из общинной собственности

⁷⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ. Госполитиздат, 1940, стр. 5—6.

⁸⁰ Там же, стр. 25.

⁸¹ О наличии этих форм собственности на землю у даргинцев см. работу Р. М. Магомедова. «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков». Махачкала, 1957, стр. 127—130.

⁸² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ. Госполитиздат, 1940, стр. 29.

⁸³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 142.

выделилась собственность на пахотные земельные участки, обработка которых в суровых горных условиях требовала большой затраты труда. «После того, как кто-нибудь обработал кусок земли, — писал Г. Морган, — он имеет на нее личное право, которое может продать другому члену общины»⁸⁴.

Но этот процесс произошел в Дагестане задолго до исследуемого периода. Ф. Энгельс указывал, что в местах с суровыми горными условиями, «где к этому, так сказать, вынуждал характер местности» родовое пользование пахотной землей очень рано сменяется владением его отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли⁸⁵.

Переход от коллективной собственности на землю к индивидуальной был вызван обособлением индивидуальных семей в хозяйственном отношении, самостоятельная роль которых возросла. Право собственности общинника на определенные участки пахотных земель вытекало из фактической обработки их в течение длительного времени, из факта приложения им своего физического труда к земле. Передаваясь по наследству из поколения в поколение, это право все больше укреплялось, что проявлялось в постепенной ликвидации ограничительных прав на частное землевладение со стороны общины.

Частное землевладение у даргинцев, как и у других народов Дагестана, известно под названием «мюльк»⁸⁶. Под мюльком у даргинцев был известен любой земельный участок независимо от его величины, который находился в частной собственности. Мюльками назывались и маленькие участки земли крестьян-узденой, и большие земельные угодья феодализирующей знати и сельской верхушки. Мюльк являлся основной формой собственности на землю, которая охватывала главным образом пахотную землю и сенокос. До наших дней сохранились названия почти всех пахотных и сенокосных участков, находившихся в частной собственности общинников. Притом, почти во всех сельских обществах жители каждого квартала имели свои отдельные места, где были расположены их земли. Эти земли назывались по названиям кварталов. Так, в Акушинском обществе места, где находились мюльки, назывались Хьаршукла мер, Хьаршукла мер, Панжукла мер и Дайшукла мер. В то же время каждое из этих мест делилось на отдельные участки со своими названиями, как, например, Шуллайчила, Ургала бухъа, Кьадаргила, Шелдала хьаб, Мичикуьандаргила, Няхкула, Хьабла, Ругер, Жиргъанчи, Хала дуррум,

Хьеркигела, Холашахъар, Шурмидахъла хъар, Гинизкъада-хъар и т. д. В Мугинском обществе мюльки были расположены в местностях Дура гъя, Ватарчин, Журагъила гелдала, Шила килала, Шила улала, Бурум къадди, Кидехи шин, Умхи шин, Шукни гелдала; в Бутринском обществе — в местностях Шила сала, Хухум, Хола диркъа, Диркъа хъу, Жавала бекI, Гьуврала бекI, Буцлур; в Гатшиминском обществе — в местностях БайбикI, Мундала, Вацлараг, Жулсела, ХиялтI-хиялтI, Мукьянала, Шинкъаличила, Дехшала, Чамашала, Хяддала, КIаприбуцам; в Шуктинском обществе — в местностях Дешша, БекбекIа, ХIунтIена, Шахличила, ИцIадиркъа, Хьардубрила, ДухIнахIяруби, Къянила, Картасана, Хьарсанила, Заникъай; в Тантинском обществе — в местностях Къужаяла, Ургализила, Думдузела, Хьярбазила, Зентагъира, Къяддала муркляя, Сурияла и т. д.; в Гинтинском обществе — в местностях ТIаркъилис сала, ХIяжибяхIкайка бекI, Мурклатла, Симкаула, Гьумури, Къячала бекI, Вана хьин, Халасанна бекI, Буцулигъирала; в Верхнемулебкинском обществе — в местностях Гилабаргаси, ХьанихIяруби, Шила гьалала, Жядалла бурхIила, ГIяргIнабуршнала, ХIярубакила, Мурбела хъар, Къялубела муза, УбяхI хIярубакила, ЦIябартIила, ХIамхIамулла муза⁸⁷; в Усишинском обществе — в местностях АмхIе бяхI, ДягIяна гьуни, Мярала къадди, Гьяддала, Хола хьери, Эмеркила сари, Гьудула сани, Мижярала, Гьубши хIаркI, Шургъи⁸⁸, в Цудахарском обществе — в местностях Мурккала и ХIенухъ⁸⁹ и т. д.

В XVII—XVIII вв. мюльк находился в полной и неограниченной собственности хозяина. Он мог продать мюльк, подарить, передать по наследству, завещать или передать мечети, уплатить за кровомщение, обменять на другой участок или на что-нибудь и т. д. «Полная, свободная собственность на землю, — писал Ф. Энгельс, — означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также возможность и отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый земледелец окончательно сбросил с себя оковы верховной

⁸⁷ Полевой материал, собранный нами в 1962—1966 г. Здесь и в дальнейшем в ряде случаев мы пользуемся полевым материалом для характеристики изучаемого нами периода ввиду отсутствия более близких хронологических данных с учетом того обстоятельства, что многие топонимические наименования, а также формы землевладения не претерпели особых изменений.

⁸⁸ Там же. Список жителей селения Уойша, владеющих сенокосными участками с указанием местностей и размеров. Подлинник на арабском языке. Документ любезно представлен в наше распоряжение А. С. Омаровым.

⁸⁹ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375(2).

⁸⁴ Г. Морган. Древнее общество. Л., 1935, стр. 321.

⁸⁵ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 332—333.

⁸⁶ «Мюльк» (араб.) — «имение», «владение», «недвижимость».

собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей»⁹⁰. Право отчуждения с юридической точки зрения составляет важнейшую составную часть права собственности. Однако сельская община и тухум, как родственный коллектив, все еще стремились ограничить право отчуждения и тем самым как-то регулировать частное землевладение.

По адатам Усишинского общества с того, кто продаст «свою пащню и свой мюльк»⁹¹ человеку из другого селения, взыскивался штраф 1 бык. Штраф взыскивался даже с того, кто ходил в другое селение «для определения цены отчужденного имущества постороннему»⁹².

Как пишет Ю. В. Бромлей, исследуя становление феодализма в Хорватии, «в условиях малоземелья родственный коллектив, имевший различные права на недвижимость каждой входящей в ее состав семьи..., не мог безразлично относиться к потере этих прав»⁹³. Поэтому и возник институт предпочтительной покупки отчуждаемой земли родственниками собственника, являвшийся показателем того, что купля-продажа земли «перестала быть случайным явлением».

В условиях имущественной дифференциации право предпочтения являлось показателем концентрации земель в руках общинной знати, которая была заинтересована в запрещении продажи земли вне общины. На практике же явно игнорировалось право предпочтения. Общинники продавали свои мюльки кому хотели. Подтверждается это как фактом наличия в общинах «пришлых», имеющих в собственности свои мюльки, так и наличием в собственности жителей других сел отдельных земельных участков среди земель сел Акуша-Дарго. Так, в Гапшминском обществе было несколько десятков хозяйств «пришлых», имевших в этом обществе свои мюльки. В Усишинском обществе, как показывает список собственников земли, находились «хайдаканы», т. е. выходцы из Кайтага, которые, как и другие общинники, имели в собственности пахотные и сенокосные участки⁹⁴; в Мугинском обществе еще задолго до исследуемого периода один участок земли принадлежал кубачинке, который она впоследствии пожертвовала

⁹⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 167.

⁹¹ Имеется в виду сенокос.

⁹² Адагы селения Усиша. Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968, стр. 235.

⁹³ Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 383.

⁹⁴ Список жителей сел. Усиша, владеющих сенокосными участками, с указанием местностей и размеров; полевой материал, собранный нами в 1963 г.

в пользу мугинской мечети⁹⁵. Согласно имеющимся сведениям, в Мекегинском обществе в исследуемые века и даже на много раньше до этого находились десятки хозяйств выходцев не только из других даргинских селений, но даже из Лакии и Авари, которые имели здесь собственные мюльки⁹⁶. В селении Верхне-Мулебки один из пахотных участков называется «Хиябшиман хъу», т. е. пахотное поле гапшминца⁹⁷.

Все это говорит о том, что стремление общины ограничить отчуждение земельной собственности за пределы сельской общины являлось лишь показателем сохранности сравнительно прочных имущественных связей между сородичами. Но это не меняло существа дела. Хозяин мюлька являлся собственником в полном смысле слова, а не владельцем, что было характерно в период господства общинной собственности.

Наличие частной собственности на землю с правом отчуждения являлось главным источником сосредоточения у одной группы членов джамаата больших участков земли и обнищания другой части, т. е. было базой роста имущественного неравенства внутри общин, выделения в ней господствующей верхушки над остальной массой общинников. «Аллодом, — писал Ф. Энгельс, — создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»⁹⁸. Обнищание одних и сосредоточение в руках других членов общины больших земель было связано с тем, что, если при совместном владении землей большая семья вела одно хозяйство, то после раздела земли между отдельными семьями в то время как одни из родственников в силу определенных причин вынуждены были продать свои участки, другие имели возможность купить их.

Вследствие особенностей природных условий, как и у других горцев, частные земли верхнедаргинцев были небольшими участками разбросаны в разных местах.

Особенностью частной собственности на пахотные участки являлось и то, что они, как правило, были расположены непосредственно вблизи населенных пунктов. Объяснялось это тем, что эти участки раньше всего были окультивированы и превращены в частную собственность. Так, в сел. Мекеги частные пахотные участки находились в местностях «Шарала хъяб» и «Хиябрала Гилала», которые прилегали к селению⁹⁹.

⁹⁵ Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

⁹⁶ Б. Арсланбеков. Мекегинское вольное общество. (Рукопись), стр. 33.

⁹⁷ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

⁹⁸ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 497.

⁹⁹ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

Мюльки в Гинтинском обществе были расположены не далее 1 км. от селения, гапшиминцев — на расстоянии 0,5—2 км, бутринцев — на расстоянии 0,5—1,5 км, тантинцев и верхнемулебкинцев — на расстоянии 0,5—3 км, усишинцев — не далее 4 км и т. д.¹⁰⁰

Второй формой собственности на землю являлась мечетская земля, которая называлась «вакуфом». Возникновение у даргинцев вакуфа, как и у других народов Дагестана, связано с проникновением ислама. Но в то же время вакуф мог возникнуть только в условиях наличия свободно отчуждаемой земельной собственности, когда хозяин земли мог по своему усмотрению и желанию распоряжаться ею. Источником возникновения вакуфа являлось завещание верующими в собственность мечетей пахотных и сенокосных земель. В одних случаях хозяин мюлька завещал в пользу мечети с известного участка земли определенную часть урожая. В других случаях собственник мюлька завещал мечети либо определенную часть земли, либо весь мюльк.

В вакуф, видимо, по решению джамаата могли быть переданы и отдельные участки из общинных земель. Об этом говорит факт наличия в собственности некоторых мечетей отдельных участков леса, хотя все мечети, где имелся общественный лес, имели неограниченное право пользования им. Известно, например, о наличии леса в собственности Шудахарской мечети, пользование которым жителям было запрещено адатом¹⁰¹.

Количество вакуфных земель по сравнению с частновладельческими и общинными землями в Акуша-Дарго было незначительным. Однако они имелись почти во всех обществах. Притом, отдельные мечети имели довольно много участков. Расположены были мечетские земли на тех же участках, где находились и мюльки. Так, в Акушинском обществе все мечети имели земли в местностях Няхикула, Жиргъичила, Ругерла, Хиенкыла гъуни, Халашихъар, Гъялакыла кыакъ, ЯнцIарабехIла гъалала, МяхIянила, Дубеж, ХиаббугI, Шулдайчила, Къадарчи. Наибольшее количество участков находилось в собственности мечети Нижнего аула, которую называли «ТIумкыа мижит», т. е. маленькая мечеть¹⁰². В Усишинском обществе мечетские земли находились в местностях ХияттахIанна Гелала, в ЧебяхIша, Гъазимирзала бархъ, НикIа урцIала, Гела кьадди, Дигату, Шялли, Шукьубе¹⁰³. Кроме того, в собственности главной мечети находилась пастбищная гора Каркец¹⁰⁴. В Му-

гинском обществе мечетские земли находились в местностях Гъалиял, ГIямылан, КидехIшин, Ичейла кьадди; в Бутринском обществе — в местностях Гъумрала, Мизла урцIала хъяб, Къучрала, Диркыа хъуала, ГIямузила; в Гинтинском обществе — в местностях БехIна хъуга, Шилигъираб, Хъани, Дузани, Къучригъира; в Верхнемулебкинском обществе — в местности Багърукъа и сенокос под названием Вакула мура на 40—50 ароб сена; в Шуктинском обществе — в местности АмхIамура и т. д.¹⁰⁵

Каждое завещание записывалось в мечетских книгах, но, к сожалению, сохранились только отдельные записи. Так, например, известно, что гору Каркец еще задолго до XIX века завещал мечети сел. Усиша житель его Табакан Ахмед¹⁰⁶, участок в местности Гъалиял на 2 мерки засева завещал мечети житель селения Муги БабахI, а участок в местности Ичейла кьадди завещал мечети житель этого же селения Ичей¹⁰⁷ и т. д.

Характерной особенностью вакуфов являлось то, что они не подлежали дележу и отчуждению; не могли быть переданы кому бы то ни было. Вакуфы — это земли, которые навечно передавались в собственность мечети. Они могли быть переданы в аренду на условиях уплаты мечети 0,5 части урожая или сена. Сдача вакуфа в аренду осуществлялась не только по решению джамаата или духовенства. В ряде случаев жертвующие выдвигали свои условия дарения земли в пользу мечети. Так, завещая мечети гору Каркец, житель селения Усиша Табакан Ахмед поставил условие, чтобы мечеть сдавала ее в аренду, а за полученную арендную плату ежегодно покупала 20 баранов, мясо которых раздавали бы жителям села в пятницу в мечети¹⁰⁸.

Обработка и сбор урожая с вакуфных земель, не сдаваемых в аренду, поручались членам джамаата. Решения на этот счет принимались на сельских сходах. В больших же населенных пунктах, где бывало, как правило, несколько мечетей, расположенных в каждом квартале и, следовательно, столько же вакуфов, решения, кому поручить уход за вакуфом, принимались на сходах этих кварталов.

Завещанные мечети земли считались собственностью (мюльком) ее. Поэтому они и способствовали постепенному экономическому усилению мечетей и крупного духовенства.

¹⁰⁰ Полевой материал, собранный нами в 1962—1966 гг.

¹⁰¹ Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу. Подлинник на арабском языке.

¹⁰² Приложение к рукописи книги Аль-Газали «Аль-Ихья улум-ад-дин», хранящейся у жителя сел. Муги Закаригаева Магомед-Запира.

¹⁰³ Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу. Подлинник на арабском языке.

¹⁰⁴ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁰⁵ Адагы Даргинских обществ, ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 123.

¹⁰⁶ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Письмо Усишинского сельского суда начальнику Даргинского округа Гайковичу (без даты). Подлинник на арабском языке.

Хотя доходы с вакуфных земель должны были расходоваться на религиозные и благотворительные цели (на содержание мутаалимов, оказание помощи обнищавшим членам сельского общества и т. д.), однако на практике большая часть их поступала в распоряжение служителей мечетей, в ведении которых находились земли и имущество мечетей.

Третьей формой землевладения являлась тухумная собственность на землю. Она известна у даргинцев под названием «тухумла ванзурби» и «тухумла мюльк», что означает в буквальном смысле «тухумные земли», «тухумная собственность».

Тухумная собственность сохранялась не везде и в исследуемый период она выступала как пережиточная форма землевладения периода родоплеменного строя.

Находились в тухумной собственности как отдельные участки пахотных земель, так и сенокосы. Имеются сведения о том, что некоторые тухумы владели сенокосными горами. Так, одна из возвышенностей, расположенных по дороге, ведущей из сел. Усиша в сел. Верхне-Мулебки, называется «Кьянала муза». Название это произошло от владельца его — тухума «Кьянаха́ли»¹⁰⁹.

Главным источником образования тухумной собственности на землю в период господства общинного землевладения являлось выделение из общинной земли в собственность близкородственной группы людей участка, который был личным трудом в борьбе с суровыми условиями природы «окультуривован» этой группой людей.

Тухумная земельная собственность вместе с наличием частной собственности на пахоту и сенокос, в условиях пережиточно сохранившихся общинных земель, являлась одним из показателей и формой проявления процесса разложения общинной собственности на землю и самой общины. Указывая на подобные процессы, К. Маркс писал, что «более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения»¹¹⁰.

Следовательно, тухумное землевладение выступает здесь как промежуточная ступень между общественной и частной собственностью на землю.

В то же время тухумная собственность являлась пережитком коллективной собственности на землю. Если по отношению к общинной собственности она выступала как частная собственность, то по отношению к индивидуальному хозяйству являлась общественной собственностью.

Наличие тухумной собственности, как разновидности собственности определенного коллектива, являлось следствием замедленности социального развития, в условиях чего как раз и невозможно было, даже при наличии частной собственности, немедленное прекращение притязаний его (тухума как коллектива) на землю. Одним из факторов сохранности тухумного землевладения являлось малоземелье, в условиях чего и разложение самого тухума, как пережиточного института кровнородственной организации, шло медленными темпами, чем в тех местах, где было достаточное количество удобных для обработки земель.

Четвертой формой собственности на землю являлись джамаатские земли (джамагIятла ванзурби), т. е. те земли, которые находились в собственности всех членов общества. Сюда относились, главным образом, пастбища, сенокосы, леса, а во многих сельских обществах и отдельные участки пахотной земли. «У горцев Дагестана, — писал М. М. Ковалевский, — как и у лезгин Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоти и лугам. Никто не вправе делать заимки в общинной пустоше и лесе, не получив на то предварительного согласия всей общины»¹¹¹.

В Акуша-Дарго существовали четыре категории общественных земель. Основным видом общественных земель являлись те земли, которые находились в пользовании всех членов одного джамаата. Этот вид собственности был характерен для всех обществ.

До наших дней сохранились названия многих сенокосных участков, которые являлись собственностью джамаата. В селении Муги таких участков было три, которые назывались: Гинзурбала барг, Кьяцабургъан и Шинжур; в Акушинском обществе — МягIяра, Лесикай, Къямбец и ЧургIила; в Цудахарском обществе они имели общее название Джамаатла мурби (джамаатские сенокосы), а также свои отдельные названия, как, например, Бурти-мурби, Алугъни, ЧебяхIражи и т. д. В Мекегинском обществе общественные горы были известны под названием Мурбела дубура, Тинбайла дубура, ХIакъала дубура и т. д.¹¹²

В Гапшминском обществе общественные пастбищные и сенокосные земли находились в местностях, известных в народе под названием БайбикI, Хъардиркъа, Энеулала, Камдуц¹¹³.

¹¹¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 62.

¹¹² Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

¹¹³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 128; Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁰⁹ Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

¹¹⁰ К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 20.

Гьундрагела, АнкьибяхI, КIанрибуцIан, Гьамил-гIая, Харакил гIая ¹¹⁴.

Хотя и в ограниченном количестве, в собственности общин имелись и пахотные земли. Как и другие общинные земли, они, как правило, были расположены дальше частных земель-мюльков. Так, в Акушинском обществе пахотные участки, находившиеся в собственности всего джамаата, были расположены в основном около территории нынешнего селения Урхьучи-Махи. Назывались эти участки Куцъиша, Шантала мер (буквально общественное место), МягIарала мер, Лесикай, ЧургIила, Пумра дуц и т. д. ¹¹⁵. В Шуктинском обществе джамаатская пахотная земля находилась рядом с нынешним селением Чалкан; в Усишинском обществе — в местностях БурхIегIиниз, ЦукIнала и ХIекьламуса ¹¹⁶; в обществе сел. Гапшима — в местности Шилиулала, т. е. буквально внизу селения ¹¹⁷. Шила бурхIила, Баржи дарчила, Гьунчигьунила, Цубкьаркьала ¹¹⁸.

В общественной собственности джамаатов находились и леса. Такие леса имелись у акушинцев, шуктинцев, мегвинцев, гапшиминцев, тантинцев и уллучаринцев ¹¹⁹.

Вторым видом общественных земель являлись те земли, которые находились в пользовании нескольких сельских обществ, входивших в состав Акуша-Дарго. Это, прежде всего, сенокосные и пахотные земли. Сенокосные горы МагIарала, Лесикала, ЧургIила, расположенные около селения Дубри-Махи, принадлежали членам Акушинского джамаата. Но из этих участков получали наделы и жители селений Удлу-гIая и Хьар-Лябхьу, основанных выходцами из селения Акуша ¹²⁰.

В совместном владении Гапшиминского и Тантинского обществ находились сенокос в местности Чалтан и пахотный участок в местности Цубкьаркьа. До сбора сена и урожая этими землями владели гапшиминцы, после сбора и вплоть до весны следующего года на них пасли свой скот тантинцы ¹²¹.

В совместном владении двух или нескольких обществ находились и леса. Так, вплоть до присоединения Акуша-Дарго к России («до Дешлагара... у даргинцев (жителей Акуша-Дарго — Б. А.) были леса общие» ¹²².

¹¹⁴ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹¹⁵ З. А. Никольская. Этнографическое описание даргинского колхоза. Вопросы этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952, стр. 21; Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

¹¹⁶ Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

¹¹⁷ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 128.

¹¹⁸ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

¹²⁰ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

¹²¹ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹²² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 12.

Третьим видом общественной собственности на землю являлось совместное владение землей со стороны всех союзов сельских обществ, входивших в состав Акуша-Дарго. Таких земель, правда, было мало, но известно, что пастбищные горы известные под названием Даргала дубура (гора даргинцев) и Урхьухъла дубура (гора уркарахов), являлись общими пастбищами Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского союзов сельских обществ ¹²³.

Четвертым видом общественной собственности на землю являлось совместное владение пастбищными землями джамаатов верхнедаргинцев с отдельными обществами, входившими в другие политические образования Дагестана. Так, пастбищной горой «Декъа» девять месяцев в году пользовалось Цудахарское общество, а три месяца — Губденское общество, которое входило в состав шамхальства Тарковского ¹²⁴. Известно также, что в пользовании пубденцев и верхнедаргинских обществ находилась гора Шамхалла дубура, расположенная недалеко от нынешних селений Дегва, Сергокала и Губден ¹²⁵.

Особым видом общественной собственности на землю являлись земли, которые были пожертвованы членами общества в благотворительных целях в пользу джамаата. Назывались они у верхнедаргинцев «мизла» или «музла ванзурби» ¹²⁶. Кроме того, в Акушинском обществе они назывались еще «ГIар-гIяберж», в сел. Гинта — «арцилис датурте ванзурби», а в сел. Верхне-Мулебки — «васиятла ванзурби». Это в основном пахотные и отчасти сенокосные участки, которые после пожертвования, как правило, превращались в общественные пастбища и пустоши, которые никто не имел право вспахать или присвоить себе. Такими участками в Акушинском обществе являлись Музла хьу и Музла мура в Верхнем ауле и участок земли около квартала Панжук. В Мугинском обществе мизла ванзурби находились в местностях ХIябраула, Нугри кьада, Дубулла гьуни; в Гинтинском обществе — в местности Лаггази, участок под названием Умукла арцне. ТяхIмаразала урцIа, Кьаппа урцIа в местности ВяхIна хьуга и один участок в местности Ванахьинна диркьа; в Бутринском обществе — в местностях Мизла урцIала хьаб, Цубгумила диркьа, ХIябхьунна бекI, Кьуграгьира; в Усишинском обществе — в местностях Шялли, Мизла диркьа и Урахьила кьади; в Гапшиминском обществе — в местности Хьарсани; в Шуктинском обществе —

¹²³ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 103; Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

¹²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 14.

¹²⁵ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2). Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

¹²⁶ «Миз» или «муз» означает отречение и равнозначно урахинскому «хосарбат».

в местности Унцела хъар; в Верхнемулебкинском обществе в местностях БахIяла васият, ЯхIяла васият, Дигбукла къаддила муза и ХIябкъарьяк; в Тантинском обществе в местностях Думдуцела и Хьумбадзила¹²⁷.

Из имеющихся сведений известны и отдельные мюльковладельцы, которые пожертвовали свои земли в пользу джамаата. Так, в Мугинском обществе житель селения Муги Къандар в местности Нугри къада завещал джамаату участок пахоты на 6 больших мерок (барха) засева, а его односельчанин Укъас завещал участок в местности Дубулла гъуни; в Гинтинском обществе участок пахоты в местности Лаггази завещала джамаату женщина по имени Умух; в Бутринском обществе, согласно преданиям, один лесной участок завещал джамаату житель Бутри по имени Пагъливан; в Верхнемулебкинском обществе пожертвовали свои участки жители селения БахIя и ЯхIя¹²⁸.

Мизла ванзурби в исследуемый период являлись одним из источников увеличения общинной собственности на землю. Возникновение этого института относится к периоду, когда земля находилась в наследственном владении. Поэтому-то земли, оставшиеся без наследника, переходили в непосредственную собственность джамаата.

С распространением ислама форма завещания приобретает иной характер. Теперь частная земельная собственность жертвуется не потому, что нет наследника и права отчуждения, она жертвуется джамаату в благотворительных целях, за отпущение грехов и в надежде на лучшую загробную жизнь. Притом пожертвование в пользу джамаата совершается как при жизни собственника земли, так и после его смерти, даже при наличии наследника. Поэтому пожертвованные земли, как особый вид общественной собственности, в исследуемое время, сохраняя внешнюю форму архаической общинной собственности, в то же время изменили свое содержание.

Пользование общинной землей регулировалось нормами обычного права. Пользование пастбищами, как правило, во всех обществах было одинаковое, хотя в некоторых местах и были свои особенности. Если селение было небольшое, то все члены джамаата имели право пасти свой скот на всех пастбищах. Если же селение было большое, то пастбищные места делились либо между кварталами (в основном), либо между тухумами, что опять-таки иногда совпадало с кварталом. Так, в поквартальном пользовании общественные пастбища находились в Акушинском, Цудахарском, Усишинском и др. больших обществах. В Акушинском обществе пастбищное

место Дузанила находилось в пользовании Дайшука; Гъургъала бурхIи — в пользовании Хъаршука; Кавка гIамг — в пользовании Хъаршука и Панжука. В Цудахарском обществе пастбищное место КIантIала принадлежало Нижнему аулу, а горой под названием Дубура пользовался Верхний аул. На пастбище Къядани каждый квартал имел свой отдельный участок. Одна сторона горы, называемая Алугъни, являлась общеджамаатским пастбищем, где пасли быков всех равноправных членов джамаата¹²⁹.

Почти в каждом обществе было определено в какой местности пасти стада коров, быков, телят и т. д. Так, в Мугинском обществе волов пасли на пастбищах Хъар дубура, Хъар дубура, и Гарала бяхI, коров — на пастбище Къяла дубура, буйволов — на пастбище Буркья шинжир, бычков и лошадей — на пастбище Варасмайла бяхI, телят — на пастбище Къачнала диркья¹³⁰.

В Тантинском обществе овец пасли на пастбищных горах Магънаяла, Шамхалла сана, ЧIубукIула, ХялкIилух, Нухкилигула и Къундалияла; коров пасли на пастбищах Цишилияла, ГIяяла къадда и Къводдала гъакъла къар; телят и ослов — на пастбищах ЧухънехIела, Къуйдданила, Мирзацила, Холадуц, УмхIела и Мурддала гIева. В Верхнемулебкинском обществе стада коров пасли в местности Къандуки, волов — в Гинцлики, телят — в УбяхI хIяруби, овец — в Хъаранела бяхI и других горах¹³¹.

Джамаат строго следил за пастьбой скота в установленных местах. За нарушение установленных норм взыскивались штрафы. Так, по адатам Усишинского общества даже с того, чей теленок окажется за пределами пастбища, где пасутся телята, брали штраф — один сах¹³² пшеницы¹³³.

Под особым надзором общины находились горные пастбища. Община устанавливала сроки пастьбы скота на них. Перевод скота на горные пастбища и возвращение его домой производилось всеми общинниками одновременно. Не разрешались раньше установленного времени ни перевод, ни пригон скота с горных пастбищ домой. Кроме того, община устанавливала и количество скота, которое можно было держать дома в летние месяцы. Так, по адатам Акушинского общества в летние месяцы разрешалось держать дома не более двух баранов¹³⁴; по адатам Мекегинского общества — не более

¹²⁹ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Сах — мера измерения сыпучих продуктов объемом в 2—3 кг.

¹³³ Адаты селения Унша. Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968, стр. 236.

¹³⁴ Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1878, стр. 42.

¹²⁷ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹²⁸ Там же.

одного барана или козла¹³⁵; по адатам Мугинского общества — не более одного барана¹³⁶; по адатам Усишинского общества — «кроме одной овцы, оставляемой в селении, чтобы резать для почетных гостей»¹³⁷. За нарушение установленных норм взыскивались штрафы и сельские исполнители имели право резать невыгнанный на пастбища скот¹³⁸. Все это вытекало как из опасения, что общинные земли будут объедены скотом, так и из необходимости предупреждения потрав частных земель.

Таким образом, пользование пастбищами находилось в прямой зависимости от величины общества и от количества земли, находящейся в его пользовании.

В пользовании общественными сенокосами также были свои особенности. Наиболее общим для верхнедаргинцев являлось то, что общественные сенокосы, как правило, через каждый год перераспределялись между хозяйствами джамаата. Перераспределение производилось сельской администрацией путем жеребьевки. В селении Усиша общественные сенокосы делились по жребию между всеми 9 кварталами, а затем внутри кварталов делились по хозяйствам. В Бутринском обществе общественные сенокосы (НикIа бяхI, Хала бяхI, Муркла, ШярлихIена и ГьадахаIли) также через каждый год перераспределялись между 4 кварталами¹³⁹.

В виду малочисленности лесных массивов пользование лесом было строго ограничено. Так, в Мекегинском обществе только один раз в течение нескольких лет по решению кадия и старшин или джамаата по жребию определялось кому какой участок леса можно рубить. До следующего дележа леса никто не имел права самовольно рубить лес. «За рубку леса без дозволения кадия и картов (старшин — Б. А.), — говорится в адатах этого общества, — взыскивается штраф в пользу джамаата один бык»¹⁴⁰. В Усишинском обществе с того, кто срубил поросль или зеленый лес, взыскивался штраф — одна мерка пшеницы¹⁴¹, с того, кто выпускал в лес скот, в пользу джамаата взыскивался один бык¹⁴². В Акушинском обществе перед обзаведением самостоятельным домашним очагом раз-

решалось рубить из общественного леса, расположенного в местности Кумра-кьакьа, 2 арбы дров жениху и 1 арбу невесте¹⁴³. В Гинтинском обществе через 5—7 лет делили по жребию деревья между всеми хозяйствами джамаата¹⁴⁴.

В аналогичных ограничениях в пользовании лесом находились и другие общества. Леса охранялись обществом от уничтожения и «сберегались для мечетей и общественных надобностей нужных»¹⁴⁵.

Общественные земли не только делились между членами джамаата, но и по решению сельского схода могли быть сданы на определенный срок в аренду одному или нескольким членам своего общества. Так, в Акушинском обществе около современного селения Урхучи-Махи имелся участок общественной пахоты и камыш — ЧигIяра, которые отдавались в аренду местным жителям на 7 лет. Арендная плата, получаемая за них, шла на строительство мостов и дорог. Поэтому — то указанный пахотный участок назывался «Губила хъу» — мостовой участок (губи на даргинском языке означает мост, хъу — пахотное поле, участок). Около современного селения Дубри-Махи в местности под названием ЧургIела находился общественный сенокосный участок, который также сдавался в аренду на 7 лет¹⁴⁶.

В Гинтинском обществе две пастбищные горы Кабкала хIяраIа и ГьумриIа бекI каждый год сдавались в аренду местным барановодам за определенное количество овец, которых раздавали между всеми хозяйствами джамаата, включая и тех, кто арендовал горные пастбища¹⁴⁷.

Кроме того, общественные пастбища и горы могли быть проданы другому обществу. Но решение на этот счет не могли принять единолично административные лица. Так, по адатам Усишинского общества за самовольную продажу кадием или старшиной земли, принадлежащей джамаату, резали их быка. Для продажи горы необходимо было согласие двух третей джамаата¹⁴⁸.

Общественные пахотные земли делились на части по числу хозяйств джамаата и по жребию распределялись между ними. В отдельных обществах общественная пахота делилась по кварталам. Передел общественной пахотной земли почти везде

¹³⁵ Там же, стр. 57.

¹³⁶ Там же, стр. 69.

¹³⁷ Адаты селения Уонша. Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968, стр. 235—236.

¹³⁸ Адаты Даргинских обществ, ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 42, 57, 69, 109, 123.

¹³⁹ Полевой материал, собранный нами в 1962—1966 гг.

¹⁴⁰ Адаты Даргинских обществ, ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 57.

¹⁴¹ Адаты селения Уонша. Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968, стр. 236.

¹⁴² Адаты Даргинских обществ, ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 109.

¹⁴³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 128. Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

¹⁴⁴ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

¹⁴⁶ Рук. фонд Института ИЯЛ ДагфиллаIала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

¹⁴⁷ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁴⁸ Коллекция арабских рукописей. Усишинские адаты до присоединения к России.

(Акуша, Усиша, Бутри, Мегва, Гапшима, Гинта, Шукты) производился через семь лет¹⁴⁹.

В более ранние периоды периодические переделы, очевидно, производились значительно чаще или даже ежегодно, ибо отправным пунктом общины более древнего типа являлся именно ежегодный передел земли и притом не между индивидуальными членами общины, а между родами и племенами. Ежегодные переделы — это признак устойчивости общественной собственности и самих общинных устоев — община ограничивала права владения каждого путем определения величины земельного надела и короткого времени, в течение которого каждый член мог вопреки своему желанию пользоваться этим наделом.

Удлинение же сроков передела общественных земель свидетельствует об ослаблении общинной собственности, ибо теперь хозяин надела из общинной земли в более длительное время без контроля со стороны общины мог распоряжаться им. До истечения срока пользования владетель надела являлся полновластным хозяином его, но без права продажи, ибо в конечном счете — это общинная земля. Такая форма пользования землей является переходной формой от коллективной собственности к частной, так как периодические переделы и, главным образом, удлинение сроков переделов приводили к окончательному переделу общинной земли между членами общины. Как писал Ф. Энгельс, на определенной ступени развития «общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому, в частную собственность», результатом чего являлось превращение общин «в обыкновенные села парцелльных крестьян, сохраняющих общинное пользование лесами и пастбищами»¹⁵⁰.

Аналогичный процесс протекал и на территории Акуша-Дарго, где в результате удлинения сроков передела, т. е. пользования определенным участком общинной пахотной земли, община постепенно теряла контроль над ним, что происходило параллельно с усилением прав на эту землю со стороны временного владельца ее.

В исследуемый период, когда повсеместно на территории Акуша-Дарго частная собственность на пахотную землю и сенокос являлась основным видом землевладения, в условиях господства соседско-территориальной общины, общинная фор-

ма собственности на пахотную землю выступает как пережиточное явление периода родоплеменных отношений.

Ф. Энгельс указывал, что «там, где из общей собственности возникла частная собственность отдельных крестьян на землю, этот раздел между членами общины... в большинстве случаев... совершался вполне постепенно, и остатки общего владения были весьма обычным явлением»¹⁵¹.

Подобно этому и в Акушинском союзе сохранились общинные земли. Однако необходимо отметить, что общинных пахотных земель осталось в незначительном количестве. Общинная земля являлась «только дополнением индивидуальной собственности»¹⁵². Пай из нее служил лишь «придатком к основной частной земельной собственности — мюльку общинника»¹⁵³.

Согласно данным, собранным комиссией для окончания сословно — поземельного вопроса в частях Кавказского края, в Акушинском обществе при разделе общественных земель двору доставались на 2 саха засева пахотной земли, а покоса — на одну арбу сена; в Усишинском обществе — на 3 саха засева пахотной земли и на одну арбу сена покоса; в Гинтинском обществе — на 2—3 саха засева пахоты; в Бутринском обществе — на 1 сах засева пахоты; в Хибинском обществе — на один выюк ишака покоса; в Гапшиминском обществе — на 2 саха засева пахоты и на 3 выюка ишака покоса¹⁵⁴.

Поэтому общественная пахотная земля не играла особой роли в хозяйстве верхнедаргинцев. К тому же, при разделе ее лучшие участки переходили к сельским богатым. Следовательно, не может быть никакой речи о господстве в описываемое время на территории Акуша-Дарго общинно-родовой земельной собственности.

В Акуша-Дарго характерным являлось сочетание больших мюльков, принадлежащих феодализирующейся знати, и собственности свободных общинников. Сосредоточение в руках феодализирующейся знати больших земельных владений происходило как за счет захвата пахотоспособных общинных земель, хотя этому препятствовали общинные традиции и правила, так и за счет присвоения выделяемых джамаатом в их пользование за исполнение административной работы, участков земли и приобретения их путем покупки мюльков разорявшихся общинников-односельчан.

¹⁴⁹ Ф. Энгельс. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 645.

¹⁵² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ. Госполитиздат, 1940, стр. 15.

¹⁵³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 128.

¹⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9—10.

¹⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9. Полевой материал, собранный нами в 1962—1963 гг. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375.

¹⁵⁰ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 332.

К сожалению, мы не располагаем письменными сведениями о всех сельских обществах Акуша-Дарго. Но на основе имеющихся сведений по отдельным обществам мы можем представить картину в союзе в целом, ибо в своем развитии общества верхнедаргинцев мало чем отличались друг от друга. Возьмем для примера положение, которое было в Усишинском обществе. Согласно сохранившемуся списку собственников сенокосных участков, одни общинники имели участки стоимостью всего в полбарана или даже в пол-ягненка, в то время как сельская верхушка имела сенокосы стоимостью в несколько десятков баранов. Так, Вали-Магомед, сын Нурмагомеда, имел в собственности участок стоимостью в один баран в местности Мижар совместно с Даудом; Ника-Гаджи, сын Чара — участок в местности Мижар совместно с Магомедом, сыном Бейбулата, стоимостью в один баран; Али, сын Багатыра — участок стоимостью в один баран совместно с Магомедом, сыном Магомед-Али; Малла, сын Зуда — участок стоимостью в один баран в местности Гьубши хIаркI совместно с Ника-Магомедом, сыном Сулеймана-Кадии; сыновья Малла-Али — участок стоимостью ягненка; Магомед, сын Абдуллы и сыновья Али б. Халим — участок стоимостью 2 ягнят в местности Мижар; Дауд — участок стоимостью ягненка совместно с Ника-Гаджи в местности Мижар; Араби, сын Бита — участок стоимостью ягненка в местности Мижар; Алибек — участок стоимостью ягненка совместно с Гаджи-Али в местности Мижар; Али-Гаджи — участок стоимостью ягненка совместно с Магомед-Расулом в местности Мижар; Багома, сын Араби — участок стоимостью ягненка совместно с Али, сыном Халила, в местности Мижар; дочери Хибан-Гаджи — участок стоимостью ягненка совместно с Магомед-Али, сыном Кучука, в местности Мижар; Магомед, сын Ахмала-Гаджи — участок стоимостью ягненка в местности Гьубши хIаркI; Магомед, сын Гасан-Али — участок стоимостью ягненка совместно с Ника-Магомедом, сыном Сулеймана-Кадии, в местности Гьубши хIаркI; Абакар, сын Гаджи-Багомы — участок стоимостью ягненка совместно с Магомедом, сыном Иобата, в местности Гьубши хIаркI; Магомед, сын Бейбулата — участок стоимостью ягненка совместно с Гаджи, сыном Багомы, в местности Ширгья; Муса-Гаджи — участок стоимостью ягненка совместно с Али, сыном Идриса, в местности Мижар.

Первым богачом Усишинского общества являлся Алибек, сын Талхьян-Гаджи, который имел в собственности следующие сенокосные участки: стоимостью ягненка и барана совместно с Патимат — женою Магомед-Кадии, в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Кадии в местности Ширгья; стоимостью ягненка совместно с Магомедом, сыном Нурмагомеда; стоимостью ягненка совместно с Ахсабар-Гаджи

в местности Ширгья; стоимостью ягненка совместно с сыновьями Махмуда б. Малик в местности Мижар; стоимостью барана и ягненка совместно с Омаром, сыном Албата, в местностях Ширгья и Мижар; стоимостью в один баран совместно с Алиханом в местности Мижар; стоимостью в один баран совместно с Гаджи, сыном Албана, в местности Гьубши хIаркI; стоимостью в один баран совместно с Патимат — дочерью Магомеда, в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомедом, сыном Араби; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Кадии; стоимостью барана совместно с Хусейном, сыном Булата, в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомед-Али, сыном Магомеда б. Кучак; стоимостью барана совместно с Магомедом-Алаша, сыном Булата, в местности Ширгья; стоимостью ягненка совместно с Алиханом в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Араби в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Хаджи, сыном Магомед-Гаджи, братом Муса-Кадии.

Другой богач Магомед-Расул, сын Ахсабар-Гаджи, имел в собственности следующие сенокосные участки: стоимостью барана совместно с Даудом в местности Ширгья; стоимостью барана совместно с Багдави в местности Ширгья; стоимостью барана совместно с Омаром в местности Ширгья; стоимостью двух баранов в местности Ширгья; стоимостью барана совместно с Алданом в местности Ширгья; стоимостью барана совместно с Гасан-Али в местности Гьубши хIаркI; стоимостью барана в местности Гьубши хIаркI; стоимостью барана совместно с Пана-Магомедом в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Даудом, сыном Ших-Али, в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Ника-Гаджи в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Алибеком в местности Ширгья; стоимостью барана совместно с Магомедом, сыном Бейбулата, в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Гаджи-Али в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с женою Гаджи биц Мурзак.

Богач Ника-Гаджи имел следующие сенокосные участки: стоимостью барана и ягненка совместно с Магомедом, сыном Кадии, в местности Мижар; стоимостью ягненка и барана совместно с Даудом, братом Кадии, в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Али, сыном Кучака; стоимостью барана совместно с Даудом в местности Ширгья; стоимостью ягненка совместно с Али-Магомедом.

Патимат — жена Ника-Магомеда б. Сулейман-Кадии имела следующие участки: стоимостью барана в местности Гьубши хIаркI совместно с Хусейном, сыном Булата; стоимостью ягненка с ним же; стоимостью ягненка совместно с Ника-Гаджи в местности Мижар; стоимостью ягненка совместно с Магомед-Али, сыном Кучака; стоимостью барана совместно

с Муллою, сыном Зуда, в местности Гъубши хIаркI; стоимостью ягненка совместно с Магомедом, сыном Гаджи-Али, в местности Гъубши хIаркI.

Дауд-Кади имел следующие участки: стоимостью барана совместно с сыновьями Гаджи-Аксабара в местности Ширгъа; стоимостью барана совместно с Ника-Гаджи; стоимостью барана с Ника-Кади в местности Мижар; стоимостью 2-х баранов в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомедом, сыном Магомеда, в местности Мижар; стоимостью барана совместно с Магомед-Кади в местности Гъубши хIаркI; стоимостью барана совместно с сыновьями Магомед-Али б. Сулейман; стоимостью ягненка совместно с сыном Чара.¹⁵⁵

Разбогатевшая общинная знать, став мелким эксплуататором, находилась в двойственном положении; формально это уздени и в то же время — эксплуататоры.

Внешне вроде и не было разницы между владельцами больших земель и малоземельными общинниками. И феодализирующаяся знать, и рядовые члены общины имели одинаковые права по отношению к своей собственности. Иначе говоря, маленькие и большие мюльки, как форма землевладения, не отличались друг от друга. И поэтому владельцы их также противостоят друг другу не как эксплуататоры и эксплуатируемые, а как собственники многих и больших мюльков, с одной стороны, и маленьких мюльков, с другой. Однако по существу, по форме пользования мюльки свободных общинников и мюльки феодализирующейся знати, как и их владельцы (хотя те и другие и назывались независимо от этого свободными узденями) — это две разные категории земель. В первом случае — это земли, непосредственно обрабатываемые своими собственниками — свободными общинниками — узденями, во втором же случае — земли, в обработке которых применялась и чужая рабочая сила — труд рабов и юридически свободных, но обнищавших общинников, лишенных всякого имущества (как путем взаимопомощи, так и путем сдачи части земли в аренду). Поэтому собственник земли и скота — это не только «трудящийся субъект». Средства производства в руках общинной знати служили орудием эксплуатации рабов и узденей — крестьян. Говоря о процессе феодализации «вольных» обществ, профессор Р. М. Магомедов пишет, что «среди узденей выделилась зажиточная верхушка, не уступавшая по своему имущественному состоянию сословию средних феодалов»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Список жителей сел. Усиша, владевших сенокосными участками с указанием местности и размеров участков. (Без даты). Документ представлен в наше распоряжение А. С. Омаровым.

¹⁵⁶ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Дагучпедгиз, Махачкала, 1968, стр. 241.

Все это говорит о том, что не может быть и речи о господстве в исследуемое время в Акуша-Дарго родового строя. Основной линией развития являлось становление и развитие феодальных отношений.

Родовое общество у верхнедаргинцев распалось задолго до исследуемого периода. На смену родовой организации пришла организация территориальная, которая, как указывал К. Маркс, оказалась «более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими»¹⁵⁷. В Акуша-Дарго издавна был развит институт частной собственности, как следствие материальной обособленности производителя. Наличие частной собственности на землю с правом отчуждения (продажи, завещания, передачи ее по усмотрению и желанию собственника) являлось базой появления крупных землевладельцев, имевших в то же время большие стада скота и имущество.

Равенство, основанное на равных имущественных отношениях, давно исчезло в Акуша-Дарго.

Основное, чем характеризовалось положение человека, являлось наличие в собственности движимого и недвижимого имущества, отношение его к средствам производства и главным образом к земле. Частное землевладение являлось определяющим моментом, главным фактором общественного развития верхнедаргинских обществ в XVII—XVIII вв. Именно в связи с этими изменениями, происшедшими в формах собственности на землю, и начинается коренное изменение экономических и социальных отношений внутри джамаата.

Имущественная дифференциация заняла настолько глубоко, что выделялись не только бедные и богатые семьи, но и зажиточная верхушка населения, которая систематически расширяла свои земельные участки за счет ущемления интересов и прав основной массы свободных общинников. Поэтому, хотя в Акушинском союзе и не было, как в других развитых феодальных владениях, открытой феодальной сословной иерархии, но зато уже здесь налицо сложные социальные отношения, основанные на экономическом и политическом неравенстве не только между тухумами, но и внутри самой этой родственной группы людей.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что «в предшествующие (докапиталистические — Б. А.) исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений»¹⁵⁸. В процессе складывания классовых отношений нару-

¹⁵⁷ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 403.

¹⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 424—425.

щается соответствие свободы и собственности. По адатам все члены общества считались равными и свободными. Свобода непосредственных производителей все еще охраняется системой общинных отношений. Но налицо резкое имущественное неравенство. Отсюда и то несоответствие сословного разделения общества с имущественным и правовым положением членов джамаата, ибо все они независимо от их богатства и правового положения входили в одну категорию и считались свободными узденями. Это обстоятельство и отсутствие письменных источников о превращении общинной знати в собственников больших земель и огромного количества скота, т. е. в фактических феодалов, как раз и порождали у исследователей неправильные, ошибочные представления о равенстве всех слоев населения и сохранении вплоть до Октябрьской революции первобытно-общинного строя.

Между тем многообразие форм собственности на главное средство производства — землю вызвало и чрезвычайное разнообразие общественных отношений — пестроту социальной структуры и различные формы эксплуатации общинников. Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что в Акуша-Дарго существовала своеобразная социальная иерархия, которая была обусловлена размерами земельных владений, количеством скота, а также политическими правами той или иной группы населения союза.

Во главе Акуша-Дарго стоял акушинский кадий, власть которого являлась наследственной в кадиевском тухуме.¹⁶³ Это был самый богатый тухум в Акушинском союзе. В собственности акушинского кадия находились лучшие земельные владения, образовавшиеся в результате захвата общинных земель и земель полученных некогда от Кизикумухского шамхала.¹⁶⁴ Кроме того, акушинское общество выделяло для кадия союза специальные сенокосные участки.¹⁶⁵ Значит, он являлся не только крупным землевладельцем-собственником больших и «хороших имений»¹⁶⁶, но и владел большими стадами мелкого и крупного рогатого скота.

Кроме того, согласно сведениям, собранным комиссией для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестанской области, до присоединения Акуша-Дарго к России каждое

селение Сюргинского общества давало акушинскому кадию в год по одному быку.¹⁶³

Акушинский кадий получал различные поборы и во время свадеб, похорон, бракосочетаний по шариату, при разделе имущества, определенную часть заката¹⁶⁴ и т. д.

В лице акушинского кадия и его фамилии создавалась определенная группа населения, которая принадлежала к самой привилегированной прослойке Верхней Даргинии.

Возникновение наследственной власти внутри одного тухума являлось наиболее ярким показателем развития имущественного и социального неравенства внутри Акушинского общества.

На следующей ступени социальной иерархии после акушинского кадия стояли кадии союзов сельских обществ — цудахарский, мекегинский, мугинский и усишинский. На территории своих союзов они являлись главными административно-должностными лицами. Также, как и акушинский кадий, они владели большими земельными участками и отарами овец, которые увеличивались из года в год.

Доходной статьей этих кадиев являлись также штрафы, взскиваемые за различные преступления. Кроме того, они «получали доходы от заката»¹⁶⁵.

После кадиев союзов сельских обществ по занимаемому общественному положению стояли старшины союзов, отдельные из которых, как и в других «вольных» обществах Дагестана¹⁶⁶, в силу их социального положения избирались только из одних и тех же богатых и сильных тухумов, что приводило к наследованию этого права.

В ряде обществ, согласно сохранившимся сведениям, старшинам выделялись в исключительное пользование специальные участки земли, которые не подлежали дележу или переделу и постепенно становились личными и наследственными владениями их. Так, в Цудахарском обществе все 4 старшины (хулате) на горе Шамхалла дубура имели особое место под названием Халамура (большой покос), которым имели право

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 74.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ См.: В. Далгат. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 22, л. 12; Х. М. Хашаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, т. I, Махачкала, 1956, стр. 57; Р. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного общества» в XVIII—нач. XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, т. III, Махачкала, 1957, стр. 115, 119; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 161.

¹⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34; ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8; ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1878, стр. 128; Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 11, 249.

¹⁶⁰ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2). Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

¹⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

¹⁶² Там же.

пользоваться только они. В Мутинском джамаате каждому из 4 старшин (кьатанов) из общественных покосов выделялись дополнительные участки¹⁶⁷. Шила халал (старшина) Шуктинского общества в местности Гьургьназила получал от джамаата дополнительный участок для выпаса козя¹⁶⁸.

То же самое мы наблюдаем и в других обществах Дагестана. Так, старшины общества Утамыш получали земли и воды для полива в два раза больше, чем уздени¹⁶⁹. А старшины Агульского «вольного» общества до подчинения их ханской власти «пользовались общественным сенокосом»¹⁷⁰.

Эти дополнительные участки земли, получаемые от общин за общественно-полезные функции административно-должностными лицами, создавали им как-бы прибавочный продукт.

Административная знать пополняла свою земельную собственность и путем присоединения мюльков, оставшихся без наследников. Как правило, в их ведение переходили и мюльки, с которых определенная часть урожая была завещана мечети и которые после смерти владельцев оставались без наследника¹⁷¹.

Административные лица и в особенности старшины при разделе общинных земель наделяли себя и своих близких родственников лучшими — наиболее плодородными, большими и близкими от селения участками земли.

Выделение такой зажиточной верхушки привело к тому, что равное право пользования общественной землей нарушалось. Это относится не только к пахотной земле, но и к сенокосным участкам и пастбищам, ибо не все имели одинаковое количество скота. Старшины, кадии и другие представители сельской знати имели сотни и тысячи голов скота, в то время как многие общинники либо вовсе не имели их, либо имели по несколько голов. Поэтому, хотя, согласно адатам, все члены джамаата могли пользоваться пастбищами, выгонами и сенокосами на одинаковых правах, в действительности это право превратилось в формальность, в фикцию для тех членов общины, которые не имели скот или имели его в небольшом количестве, ибо они не могли воспользоваться своим правом на равную долю из общественной земли в силу отсутствия у них скота. Как указывал К. Маркс, «у пастушеских народов собст-

венность на естественные продукты земли—на овец например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»¹⁷². И в Акуша-Дарго на деле оказалось так, что пай членов джамаата, не имеющих скота, оказывался захваченным теми, кто обладал большими стадами. В связи с этим представляет интерес и право осенней пастбы скота после сенокоса и уборки хлебов. После снятия урожая на мюльках имели право беспрепятственно пасты скот все члены общины. Фактически же этим правом могли пользоваться те члены общества, которые владели большим количеством овец и крупного рогатого скота. В результате со временем за этими владельцами и закреплялось право пастбы скота. Особенно это наглядно видно на примере Тантинского общества, где, согласно неизвестно когда установившемуся адату, после уборки сена собственники сенокосов не имели права пасты скот на своих участках. Этим правом владели только местные крупные барановоды¹⁷³.

Сосредоточению в руках одной части жителей общины больших земельных участков способствовали самобытный и система раздела и передела общественных земель, которые узаконили и поддерживали земельное неравенство внутри членов джамаата. Так, в Гапшиминском обществе все земли (кроме собственных мюльков) делились на три равные части по количеству кварталов (кьатлов) селения, которые, в свою очередь, делились на такое количество участков, сколько было хозяйств в каждом квартале в отдельности. Однако количество хозяйств в этих кварталах было разное, и в силу этого жителям маленького квартала доставалось больше земли¹⁷⁴.

То же самое мы наблюдаем и в Бутринском обществе. Здесь было четыре квартала (тухума), в которых было разное количество населения. У каждого квартала имелись свои сенокосы и угодья. Переход из одного квартала в другой не допускался. Поэтому уменьшение числа членов одного квартала приводило к увеличению пая земли у оставшихся членов тухума, так как, если даже в тухуме оставался один человек, все угодья тухума оставались у него¹⁷⁵.

Результатом такого передела общественной земли являлось нарушение права, по которому «каждый член общины получал первоначально равную долю» земли¹⁷⁶.

¹⁶⁷ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

¹⁶⁸ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁶⁹ Х.-М. Хамзаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. 1. Махачкала, 1956, стр. 57.

¹⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 17, л. 2; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 161—162.

¹⁷¹ Полевой материал, собранный нами в 1962—1963 гг.

¹⁷² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ. Госполитиздат, 1940, стр. 24.

¹⁷³ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

¹⁷⁴ Полевой материал, собранный нами в 1962, 1963 гг.

¹⁷⁵ М. О. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 108, л. 60.

¹⁷⁶ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 331.

Само собой понятно, что такая форма пользования общественной землей была выгодна зажиточной верхушке сельских общин и она использовала ее в своих интересах, поддерживала и сама проводила ее в жизнь.

Кроме всего этого, сельская знать добивалась принятия решений на сельских сходах о превращении отдельных участков общественной пахотной земли в пастбища или же в покос. Результатом таких мер могло быть то, что малоземельные общинники лишались дополнительных участков земли к основной земельной собственности — мюльку, что приводило к еще большему обнищанию их. Вместе с тем от этого выигрывали владельцы крупного и мелкого рогатого скота, ибо они получали дополнительную и притом бесплатную кормовую базу.

Феодализирующаяся знать, будучи собственником больших и лучших мюльков, сосредоточила в своих руках в то же время и богатство в виде разнообразного имущества. Происходил, говоря словами Ф. Энгельса, процесс, когда «всякое богатство, состоявшее из движимости, в то время, естественно, зависело от обладания землей и все больше и больше скоплялось в тех же самых руках, что и земельная собственность»¹⁷⁷.

Сельская администрация, согласно адатам, имела право налагать и взимать различные штрафы, которые до присоединения Акушинского союза к России целиком шли на содержание старшин и других административно-должностных лиц¹⁷⁸. Поэтому сельская знать стремилась присвоить право занимать административные должности, а это, в свою очередь, в значительной степени способствовало еще большему обогащению знати за счет остальной части населения общества.

Важным источником дохода феодализирующейся знати и административной верхушки, которые возглавляли походы, было присвоение военной добычи, состоящей из разнообразных вещей, ценностей, скота и пленников-рабов. Поэтому они охотно принимали участие не только в походах феодальных владетелей Дагестана за пределы его — на Грузию, Азербайджан и т. д., но и в междоусобной борьбе феодалов, за что они получали от последних определенное вознаграждение.

К привилегированному сословию даргинского общества относились и сельские кадии.

Духовенство имелось в каждом сельском обществе. В крупных джамаатах, где имелось несколько мечетей, их было больше, а в маленьких сельских обществах — меньше. Важнейшие вопросы общественной жизни решались при непосредственном участии духовенства.

¹⁷⁷ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 497.

¹⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

Духовные лица, как и все остальные члены джамаата, имели свои мюльки, размеры которых часто превышали обычные крестьянские мюльки. В то же время они широко использовали мечетские земли. Вакуфы составляли основной источник доходов мусульманского духовенства. К вакуфу, однако, относились не только пахотные и покосные земли, но и пожертвованные и завещанные в пользу мечети скот, предметы домашнего обихода, продукты сельского хозяйства и т. д., которые поступали в непосредственное ведение духовных служителей.

Духовенство было заинтересовано в расширении вакуфа, потому что оно заведывало им и имело возможность пользоваться доходами с него, чего не имели другие члены джамаата. Поэтому в Акуша-Дарго, как и у других народов мусульманских стран, институт вакуфа для духовенства «представлял... более интереса, чем для христианского духовенства имения, пожертвованные монастырям и церквям»¹⁷⁹.

Кадии и будуны¹⁸⁰ получали определенные доходы за участие при разделе наследства, заключении шариатских браков, за чтения Корана над умершим, за принятие присяги по судебным делам, подлежащим разбирательству по шариату, за обучение детей в примечетских школах и т. д. Кроме этого, духовенство получало от населения и специально установленные Кораном налоги. Каждый правоверный мусульманин обязан был вносить ежегодно в пользу мечети и на благотворительные цели десятую часть годовой жатвы и сотую часть скота. Сбор этот назывался заклатом и поступал в основном в распоряжение кадия и будуна.

Эти доходы играли большую роль в экономической жизни духовенства и являлись как бы «вознаграждением не только за чисто религиозные попечения», но и за участие в административном управлении сельским обществом.

Так как высокие духовные посты, в особенности в богатых мечетях, как правило, занимались только представителями имущих слоев населения, то эти сборы и налоги служили еще большему их обогащению.

Помимо указанных доходов, кадии и будуны также, как и старшины, получали и дополнительные пахотные и сенокосные участки из общественных земель. Так, в Акушинском обществе будун получал от джамаата пахотный участок в местности Шуллайчила; в Усишинском обществе будун получал сенокосный участок в местности Дигагула, в сел. Верхне-Мулебки джамаат давал кадию сенокос под названием Ваккула мур на 40—50 ароб сена¹⁸¹. А в ряде обществ

¹⁷⁹ М. Томара. Ислам и земельная собственность. «Атеист», № 58, 1930, стр. 94.

¹⁸⁰ Будун — помощник кадия при главной мечети.

¹⁸¹ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

имелись еще и такие участки пахотных и сенокосных земель, которые были специально завещаны или же выделены джамаатом в пользу духовенства. Так, в сел. Гапшима до сих пор сохранились названия некогда принадлежавших духовенству участков земли, как «будунна хъу» — пахотное поле будуна и «кбадила мура» — сенокос кадия.¹⁸² Духовенство старалось превратить свои должности в наследственные, ибо эти земли сохранялись за наследниками.

Самой многочисленной группой населения Акуша-Дарго являлись лично свободные уздени. Однако узденство у даргинцев, как и у других народов Дагестана, в исследуемый нами период было не однородно. Внутри узденства находились различные группы, отличавшиеся друг от друга не только по своему общественно-экономическому, но также и по правовому положению. Часть из них вовсе была лишена средств производства и попадала во все большую зависимость от узденской верхушки.

По данным сословно-поземельной комиссии, к XIX веку третья часть жителей селений Ганта и Муги, более третьей части жителей Гинта, Бутри и Усиша, половина дворов Уллу-Чара, Хиба и Гапшима вовсе не имели своих мюльков.¹⁸³

Разорение и обнищание самостоятельного и независимого уздена и рост хозяйства богачей являлись следствием наличия свободно отчуждаемой частной земельной собственности и наступления феодализирующей знати. При этих условиях часть крестьян быстро теряла свою земельную собственность. «Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, — писал К. Маркс, — там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двоякого отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и **собственником**».¹⁸⁴

Именно в силу изменения прав собственности менялось и социальное положение узденей, нарушалась их бывшая свобода и многие из них подвергались эксплуатации и вступали в различные отношения зависимости от феодализирующей знати.

Помимо того, что обнищавшие уздени подвергались эксплуатации со стороны наследственных кадиев, эксплуатировали их и сельские богачи. Подобно феодалам, богатеи сдавали свои земли в аренду обнищавшим узденям за известную часть урожая — или на половинных началах, или за обработку.

Арендаторами являлись, главным образом, бедняки, безземельные или потомки безземельных общинников-узденей.

Внешне, т. е. с формально-юридической стороны, здесь вроде и нет эксплуатации. На самом же деле под внешней оболочкой соглашения между землевладельцем и арендатором — безземельным или малоземельным узденем выступает одна из форм феодальной эксплуатации, напоминая издольную систему. Выражалась она в присвоении землевладельцем результатов неоплаченного труда общинника-арендатора.

Чем беднее был арендатор, тем больше подвергался он эксплуатации со стороны землевладельца, ибо последний мог навязать ему любые кабальные условия за аренду земли.

Эксплуатации феодализирующей знати рядовых членов общины способствовала также форма ведения отгонной системы овцеводства. Сами мелкие овцеводы не могли арендовать пастбища для своих овец из-за высокой платы за аренду. Поэтому, как правило, они присоединяли своих овец к отарам крупных барановодов, за что последние получали определенную часть приплода, шерсти, молока.

Другая форма эксплуатации — это наем мелких барановодов в качестве пастухов за разрешение присоединить их овец к отаре крупного барановода. В этом случае крупный барановод получал бесплатную рабочую силу.

Эксплуатировала сельская знать общинников также под прикрытием патриархально-родовых обычаев. Выступала эта эксплуатация в форме родовой взаимопомощи, называемой у даргинцев «билхъа».¹⁸⁵ Выражалась она в том, что обедневшие родственники, а также рядовые члены общины бесплатно или же просто за угощение выполняли для богача различные сельскохозяйственные работы — сеяли хлеб, убирали и перевозили его в селение, пахали, косили сено, ухаживали за скотом, помогали в домашнем хозяйстве.

Этот вид эксплуатации был характерен и для народов Средней Азии и Казахстана, где бедняк, подвергавшийся эксплуатации со стороны сельского богача, как правило, считал себя родственником последнего и выполнял все работы на богатого «сородича» под видом оказания ему помощи.

В отличие от зависимых крестьян, которые обязаны были нести в пользу феодала различные повинности, свободные общинники считали для себя просто неудобным, в силу сложившихся еще при родовом строе традиций, не участвовать в сельскохозяйственных работах, проводимых богатыми односельчанами, хотя зачастую они и не состояли в родственных связях.

¹⁸² Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371. Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

¹⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9—10.

¹⁸⁴ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1940, стр. 28.

¹⁸⁵ Характерна была эта форма эксплуатации и для других народов Дагестана. У аварцев она была известна под названием «гвай», у лезгин — «мел», у лакцев — «машвора». (См. *Очерки истории Дагестана*, т. 1. Махачкала, 1957, стр. 105).

Таким образом, «билхъа», будучи порождением родового строя, в условиях разделения общества на богатых и бедных из первоначальной формы родовой взаимопомощи, сохраняя ее внешнюю форму, фактически превратилась в средство эксплуатации сородичей и сельской бедноты и по своей сущности выступала как отработочная форма эксплуатации свободных общинников. «Это по существу повинность, — пишет И. П. Петрушевский, — довольно обычная в условиях раннефеодальных отношений»¹⁸⁶.

Эксплуатировала рядовых общинников и верхушка духовенства. Выше мы указали, что мечетские земли-вакуфы не только отдавались в аренду (это чаще всего, видимо, происходило там, где было много мечетских земель) за определенную часть урожая или сена, но и по решению джамаата бесплатно обрабатывались членами общины. Но находившаяся у кормила власти богатая верхушка общины, как правило, отдавала для обработки вакуфные земли рядовым членам общества. Такое применение труда свободных общинников также фактически являлось одной из форм эксплуатации, напоминающая отработочную ренту или повинность, которую отбывали рядовые члены общины не только в пользу самой мечети, но и духовенства, ибо часть дохода с вакуфных земель шла кадиям и будущим.

Общинники обязаны были также бесплатно строить дороги к мечетским землям. В случае же отказа, с них взимали штрафы¹⁸⁷.

И все же к исследуемому периоду еще не сложился полностью особый эксплуатируемый слой, хотя и были известные предпосылки для этого (разорение и обнищание части узденства, правовая необеспеченность, гражданская неполноправность, приниженность и т. д.). И обнищавшие (хъубзуры), и обедневшие уздени лично свободны. Аренда ими земли у богатеев носила краткосрочный характер и здесь нет внеэкономического принуждения, что говорит о слабости и незавершенности процесса классообразования, протекавшего в условиях наличия ряда пережиточных институтов патриархально-родового строя и сильного сопротивления со стороны узденей. Притом права узденей поддерживались и охранялись адатом и самой общиной. Однако, хотя здесь и нет юридического закрепощения, в конечном счете рядовые общинники становились зависимыми от сельской знати, ибо решающее значение в социальной действительности имел не закон, формально

признававший личную свободу узденей, а право сильного, т. е. богатого, влиятельного и родовитого собственника. Классики марксизма-ленинизма подчеркивают, что не всегда феодальная зависимость выливается в форму юридического закрепощения. «...Ясно, — писал К. Маркс, — что во всех формах, при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный»¹⁸⁸.

Все это говорит о том, что поземельная зависимость разорившихся и обедневших узденей в сочетании со всевозможными формами эксплуатации их со стороны общинной администрации и богатеев ставило их в положение основной массы трудящихся в средние века.

Кроме того, в исследуемый период в Акуша-Дарго были бесправные (рабы), называемые у даргинцев лагъями. Рабство у даргинцев, как и у других горцев, было своего рода домашним, которое, по определению Ф. Энгельса, «не образуется прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»¹⁸⁹.

Первоначальным и притом главным источником рабства у даргинцев, как и у других народов Дагестана, являлись пленники — ясыры. «Класс рабов..., — читаем в официальном документе, — образовался большей частью из пленных»¹⁹⁰. Но со временем война перестала быть единственным источником рабства. Нередко в рабов превращались неплатежеспособный должник, кровник и другие преступники и нарушители, на которых налагались высокие судебные штрафы или которые должны были возместить за ущерб пострадавшему. «Эти два источника рабства, — писал М. М. Ковалевский, — известны были издревле и дагестанским горцам»¹⁹¹. Характерны были они и для даргинцев. Так, в Мугинском обществе находилось несколько рабских фамилий, образовавшихся как из пленных, так и из обедневших членов джамаата. Среди них тухум Арутихъали находился в подчинении у богатого тухума Галгълабулкъадархъали, который с первого получал оброк. В Цудахарском обществе были известны рабские тухумы:

¹⁸⁶ И. П. Петрушевский. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне российского завоевания. «Исторический сборник», 1. Изд-во АН СССР, Л., 1934, стр. 224.

¹⁸⁷ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составитель Х.-М. Хашаев. Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 13.

¹⁸⁸ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 451.

¹⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 7-а, л. 3.

¹⁹⁰ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. 1, стр. 226.

Саркихъали, Даржахъали, Къурехъали, Маликхъали, Гургихъали; в Акушинском обществе — Кабачайхъали, Пяммайхъали и т. д.¹⁹²

Как видим, названия этих тухумов связаны не только с такими христианскими именами, как Саркис, Гурги (Георгий), но и с местными именами.

Все это еще раз говорит о том, что в рабство могли попасть не только захваченные пленники, но и местные жители, которые являлись общищавшими членами джамаата, должниками, в силу чего и попадали в зависимость от богатой знати.

Принадлежали рабы главным образом общинной знати и первоначально не составляли особых родственно-семейных групп, а жили вместе со своими хозяевами. Но с увеличением численности рабов, поселенных отдельно от остальных полноправных членов джамаата, образовались целые рабские тухумы. Так, в обществе селения Цудахар рабы жили на краю селения — в местности под названием Цилиддар¹⁹³.

Рабы входили в состав движимого имущества и как собственность переходили по наследству. На полях одной арабской книги, находящейся у жителя сел. Цудахар Муртузалиева Кутта, имеется запись, что после смерти Никла-Раджаба остались три сына. Они разделили все имущество между собой, после чего остались только один бык, пумно и один лагъ. Их тоже разделили братья между собой: одному брату достался бык, другому — пумно и третьему — лагъ¹⁹⁴.

Бесправие и приниженное общественное положение рабов по сравнению с остальной массой сельского населения нашло отражение и в адатно-правовых нормах, которыми руководствовались даргинцы. В адатах даргинцев говорится, что «за убийство кула и каравашки¹⁹⁵ делается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство кулом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кула из крепостной зависимости, и тогда кул, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»¹⁹⁶. Следовательно, при убийстве раба хозяин получал вознаграждение только как за вред, нанесенный его имуществу, в то время как убийца узденя считался кровным врагом родственников убитого

и до примирения подвергался кровомщению¹⁹⁷. Если даже раба отпускали на волю, его рабское происхождение сохранялось за его потомками. Потомки вольноотпущенников, как и их предки — рабы, были ограничены в правах. Так, в Мугинском обществе в мечети они не имели права во время молитвы стоять впереди узденей даже в том случае, если они становились учеными — арабистами. А в Цудахарском обществе даже лошадь владельца лагъского происхождения не приравнивалась с лошадью свободного узденя. Хотя во время скачек она приходила первой, хозяину её не давали ничего в то время, как победившая лошадь узденя украшалась дорогими тканями и коврами, а хозяин её получал от джамаата определенный сенокосный участок¹⁹⁸. Урезаны были рабы и в правах бракосочетания — никто не выдавал за них своих дочерей и не вступал в брак с их девушками.

При освобождении рабы не получали от хозяина ни земли, ни скота, ни имущества. Как правило, не получали они и участков из общественных земель, и только в отдельных обществах им выделяли незначительные земельные участки. Так, в Цудахарском обществе рабам было выделено место под названием «Абуччай», где находились тахотные и сенокосные участки¹⁹⁹.

Рабство не во всех обществах Акуша-Дарто было развито одинаково. В целом рабовладение было мелкое, так как большое число рабов не могло быть применено в хозяйстве жителей союза. Во многих обществах рабов захватывали главным образом, чтобы получить, выкуп с родственников их. Поэтому и освобождение их происходило быстрее. Рабство служило также источником доходов феодализирующейся знати. Как и феодалы других владений Дагестана, местная общинная знать продавала рабов в центрах работорговли — Дербенте и Эндери. В таких обществах как Цудахар, Гапшима, Акуша, Муги рабство было широко распространено. Освобождение рабов здесь тянулось вплоть до второй половины XIX в. В этих обществах, как указывалось и выше, образовались даже целые рабские тухумы, отдельные из которых находились в зависимости от богатых тухумов.

Систематическое ущемление прав и интересов общинников-узденей, разорение и общищание их за счет увеличения собственности и богатства сельской знати не могли не вызвать недовольства попадавших в фактическую зависимость общинников.

¹⁹² Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375 (2). Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Так названы рабы в даргинских адатах.

¹⁹⁶ Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. 7. Тифлис, 1873, стр. 15—16.

¹⁹⁷ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. В дальнейшем АДОЗО. Под ред. И. Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899, стр. 86—87.

¹⁹⁸ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375 (2).

¹⁹⁹ Там же.

Вместе с тем незавершенность процесса классобразования наложила свой отпечаток и на характер социальных противоречий. В условиях многоукладности, «сложное переплетение взаимосталкивающихся интересов и стремлений различных общественных слоев и групп сочеталось здесь с недостаточно обнаженным антагонизмом между основной массой свободных общинников»²⁰⁰ и феодализирующей знатю. Классовые противоречия не достигли здесь той остроты, как в более развитых феодальных владениях. И все же, как можно судить по имеющимся материалам, классовые противоречия в Акуша-Дарго проявлялись, они выступали в различной форме. Одной из них являлся протест против произвола, насилия и эксплуатации, о чем прежде всего говорит фольклорный материал. В народных сказках, песнях, поговорках, пословицах, сравнениях и т. д. не только высмеиваются местные «богатеи» (кадии, старшины и др.), но и выражена ненависть к угнетателям вообще. Все это является одним из видов недовольства народных масс.

Сложившиеся в XVII—XVIII вв. в Акуша-Дарго социально-экономические отношения нашли отражение в адатно-правовых нормах союзов сельских обществ. Адаты ставят в привилегированное положение знать и административных лиц, которые имели «исключительное право на замещение должностей»²⁰¹. Согласно адатам Акушинского общества, за убийство мангуша²⁰² алум²⁰³ и штраф взыскивались в четыре раза больше, чем за убийство рядового члена общины, а за убийство тургака (барумана)²⁰⁴ — в два раза больше²⁰⁵. В Усишинском обществе «убийство своего кадия» в любом случае, а также убийство карта (шила халала), мангуша и тургака (хьулгула) при исполнении ими служебных обязанностей считалось «карой» (умышленным убийством)²⁰⁶. За нанесение раны административным лицам штраф брался в два раза больше.

О привилегии богатой верхушки и должностных лиц свидетельствуют и такие статьи адатного права верхнедаргинцев, где говорится: «Не допускаются претензии по одному подозрению ни по каким делам, кроме убийства, на старшин, кадиев, картов, мангушей, будунов и гаджиев»²⁰⁷. «Показание кадия

без присяги считается наравне с показанием двух свидетелей за присягою»²⁰⁸ и т. д.

В ряде случаев адат даже позволял кадиям и другим административным лицам произвольно разбирать тяжбы и налагать взыскания на виновного. Так, по адатам Усишинского общества «за нанесение мужчине побоев, хотя-бы остались и знаки на теле, и раны», за которые по общему даргинскому адату «не следует удовлетворение», а также за драку, взыскание с виновных делалось по усмотрению кадия и картов (старшин)²⁰⁹. По усмотрению кадия и картов налагались штрафы также за нанесение побоев гаджию и тургаку²¹⁰. Эти нормы адата говорят не только об особом положении административных лиц, но и о том, что они могли быть использованы ими в своих личных интересах.

В непосредственной связи с усилением социального и имущественного неравенства, с процессом увеличения богатства феодализирующейся знати находились и статьи адатов по имущественным преступлениям, которые, будучи направлены на защиту частной собственности, выражали прежде всего интересы правящей богатой верхушки. Именно с таким положением мы сталкиваемся в адатах всех верхнедаргинских обществ.

Адаты верхнедаргинцев защищали имущество от воровства, грабежа, поджогов, порчи и т. д. Так, по адатам Акушинского общества за воровство было определено возвращение «уворованной» вещи хозяину и сверх того с вора «взыскивалось еще девять вещей одной цены с уворованною». Кроме того, если воровство совершалось со двора, за приход вора во двор, в пользу хозяина взыскивались три барана. Если воровство было доказанным, с вора брали еще штраф в пользу джамаата — 7 быков²¹¹. По адатам Мекеринского общества, если «уворованное» бывало найдено, оно возвращалось хозяину вдвое, а за воровство барана с вора взыскание делалось в десятикратном размере²¹². По адатам Усишинского и Цудахарского обществ хозяину возвращалось «уворованное» у него в десятикратном размере²¹³. За поджог виновник должен был возместить убытки также, как и за воровство²¹⁴. Даже за обрез хвоста лошади с виновного в пользу хозяина взыскивался один бык и один бык в пользу джамаата²¹⁵. За потерю, сверх

²⁰⁰ Ю. В. Бромлей. Указ: соч., стр. 386.

²⁰¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 110.

²⁰² Мангуш — глашатай.

²⁰³ Алум — плата с убийцы. Подробно см. ниже.

²⁰⁴ Тургак — исполнитель.

²⁰⁵ АДОЗО, стр. 116.

²⁰⁶ Там же, стр. 223.

²⁰⁷ Там же, стр. 71, 109, 153, 218, 238.

²⁰⁸ Там же, стр. 111, 155, 220, 239.

²⁰⁹ Там же, стр. 227.

²¹⁰ Там же, стр. 228.

²¹¹ Там же, стр. 123.

²¹² Там же, стр. 145.

²¹³ Там же, стр. 231—32; 255.

²¹⁴ Там же, стр. 125.

²¹⁵ Там же, стр. 127.

удовлетворения хозяина, был определен еще штраф джамаату или же исполнителю как, например, в Усишинском обществе²¹⁶.

Во всех обществах союза за воровство с пашни, гумна, из мельницы, а также хлеба в колосьях штраф взыскивался в двойном размере²¹⁷.

Эти статьи являются наглядным примером, как адатное право зафиксировало не только наличие у верхнедаргинцев частной собственности как на имущество и скот, так и на землю; но и неприкосновенность их. Адатное право прежде всего защищало имущество и земельную собственность сельской знати. И не случайно эти адаты принимались на сходах под непосредственным влиянием административно-должностных лиц. Следовательно, адаты, хотя и продолжали сохранять форму вековых народных обычаев, т. к. они возникли еще в условиях первобытно-общинного строя; в исследуемое время в результате происшедших социально-экономических изменений, которые привели к имущественной дифференциации и выделению знати, стали выражать интересы последних.

В связи с этим большой интерес представляет своеобразный порядок взимания долга — ишкиль, который у даргинцев известен под названием «хеш»²¹⁸.

В одних обществах Акуша-Дарго взыскание долга осуществлялось путем насильственного захвата имуществом должника, а в других обществах — через специально выбранное от общества для этого лицо. Таким специальным лицом, например, в Усишинском обществе был гашлигула²¹⁹. Они имелись в каждом квартале; и выбирались на один год.

В случае жалобы одного члена джамаата на другого, по поводу неуплаты долга, гашлигула приходил к должнику и требовал его уплаты. А в случае отказа должника удовлетворить его требование гашлигула сам из своих средств отдавал долг и затем, пользуясь своим правом, силой брал себе с должника то, что он уплатил займодавцу. Гашлигула имел право забрать скот должника и отдать жалобщику. За оскорбление гашлигула и упирательство в уплате долга должник нес наказание. Он должен был по адату сделать для гашлигула широкий пояс из материи и устроить угощение. В случае же убийства гашлигула убийца платил двойную плату за убийство и за примирение родственников убитого и выселялся из селения²²⁰.

²¹⁶ Там же, стр. 235.

²¹⁷ Там же, стр. 102, 123, 147, 232, 255—256.

²¹⁸ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков, Махачкала, 1957, стр. 137.

²¹⁹ Адаты и обычаи даргинцев. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфиднала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 35, л. 1.

²²⁰ Там же, лл. 1—2.

Право собственника на возврат своей собственности с помощью силы, как справедливо отмечает профессор Р. М. Магомедов, «могло существовать не при господстве прочно сохранившихся общинных отношений, а при разложении их, когда индивидуальная собственность начинала приобретать все больший удельный вес в системе джамаата»²²¹.

Порядок насильственного захвата, производимого самим потерпевшим из имущества обидчика, — писал М. М. Ковалевский, — «встречается в праве всех вообще народностей, переходящих или только что перешедших от родовой к государственной форме общежития»²²².

Процесс развития феодальных отношений в верхнедаргинских обществах происходил при постоянном соприкосновении и связи с окружающими феодальными владениями, с которыми они граничили. Находясь в окружении феодальных владений — шамхальства Тарковского, Кайтагского уцмийства, Казикумухского и Аварского ханств, социально-экономические отношения которых стояли на более высоком уровне, Акуша-Дарго, несомненно, подвергалось их влиянию.

Особенно заметную роль в этом играли уцмийство Кайтагское и шамхальство Тарковское. Взаимоотношения Акушинского союза и указанных феодальных владений складывались не только по политическим мотивам, но и были определены экономической зависимостью верхнедаргинцев от шамхалов и уцмиев. Как отмечалось выше при изучении хозяйства, жители Акуша-Дарго из-за отсутствия удобных и достаточных зимних пастбищ, необходимых для широкого развития овцеводства, вынуждены были арендовать их у шамхала и уцмийа, за что платили определенную плату.

По сведениям Мухаммеда-Рафи, верхнедаргинцы еще в XIV в. платили шамхалу подати за пастбища: жители «деревень Усиша и Акуша 100 быков, жители деревни Цудахар — 50 быков»²²³.

Внешне отношения между феодальными правителями и Акуша-Дарго носили взаимообязывающий характер. Собственник земли дает ее в аренду, а арендаторы уплачивают ему за это определенную плату. Здесь вроде и нет внеэкономического принуждения! Однако, как указывал В. И. Ленин, надо иметь в виду, что «формы и степени этого принуждения могут быть самые различные»²²⁴. Сам факт присвоения и сосредоточения в руках шамхала и уцмийа основных зимних пастбищ Дагестана уже являлся одним из наиболее действенных

²²¹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 135.

²²² М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 131.

²²³ Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871, стр. 22—23. См. также А. К. Бакиханов. Гюлстан-Ирам. Баку, 1926, стр. 53.

²²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

средств внеэкономического принуждения. Это принуждение достигалось путем реализации собственности феодала на землю и создания тем самым экономической зависимости. Если бы не было феодальной собственности на землю, не было бы и экономической (поземельной) зависимости верхнедаргинских обществ от уцмиев и шамхалов. Собственность феодалов на землю, создававшая эту зависимость, являлась основой основ феодального строя. Поэтому эти собственники зимних пастбищ по отношению к верхнедаргинцам и выступают в роли верховных землевладельцев.

* * *

В исследуемый период у даргинцев, как и у других народов Дагестана, продолжал сохраняться ряд институтов патриархально-родового строя.

К таким институтам относились тухум, кровная месть, присяжничество и соприсяжничество. Однако в новых исторических условиях эти пережитки первобытно-общинной формации сохранялись, как правило, «в искаженном, в карикатурном виде». Лишь внешне соответствуя породившему их строю, по существу содержание их отражало те социально-экономические изменения, которые произошли в Акушинском союзе в XVII—XVIII вв.

В этом как раз и не разобрались те исследователи, которые идеализировали общественно-экономический строй даргинцев. В своих выводах они исходили лишь из этой внешней формы. Между тем классики марксизма-ленинизма учат, что патриархально-родовые формы (в данном случае пережитки) могут служить феодальному содержанию. «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, — писал К. Маркс в «Капитале», — то всякая наука была бы излишняя»²²⁵.

Рассмотрим, что же на деле представляли указанные пережитки патриархально-родового строя, какова была их сущность и роль в жизни феодализирующейся общины.

Прежде всего, выясним что из себя представлял тухум, какова была его структура.

Дореволюционные исследователи сравнивали дагестанский тухум с классическим родом. Однако нельзя согласиться с таким утверждением. Род и тухум не одно и то же понятие. Экономической основой рода является родовая собственность на средства производства. Тухум же в исследуемый период не имел главного, чем характеризовался род — родовой собственности на средства производства.

²²⁵ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 384.

В XVII—XVIII вв. в Акуша-Дарго господствовал принцип территориального расселения. Не тухум являлся хозяйственно-политической единицей, а сельская община, которая состояла из совокупности тухумов, вышедших из разных мест.

Так, в Мугинском обществе было более 10 тухумов, из которых только четыре тухума — Макьяхъали, Дабайхъали, Шихгъямархъали, Мидухъали являлись родственными. Остальные же тухумы — Бакъбарихъали, Шявдихъали, Даллахъали, Арутихъали и другие являлись выходцами из других мест²²⁶. Все тухумы Шуктинского общества являлись переселенцами — Хъябсулейманхъали из местности Занихъай, Тапалайхъали — из местности Картасани, Вакъунхъали — из местности Къянила, Мирзалагъбирхъали из местности Хала хара, Чабтихъали — из местности Хунтлена, Магърихъали — из местности Герхе²²⁷. Гапшиминское общество, относящееся к Мугинскому союзу сельских обществ, состояло из совокупности 6 тухумов: Нагъбархъали, Турхъали, Къутайхъали, Балихъали, Бахъалхъали и Амузгихъали²²⁸.

В обществе Цудахар помимо таких тухумов, как Абукъайхъали, Хусейнтала, Нурилавтала, Самурлавтала, Галлайтала, Къазухъала, являвшихся местными, были еще тухумы, которые образовались из военнопленных — Саркихъали, Даржухъали, Къурехъали, Маликхъали, Гургихъали²²⁹.

Сами тухумы состояли из ряда поколений одной или нескольких родственных семей. Входили в этот круг родственников узи — брат, узикъар — двоюродный брат, къариган — троюродный брат, гариган — четверюродный брат, туриган или шинигар (цудахарский диалект) — пятиродный брат, дирхъахус (урахинский диалект) — шестиродный брат, хларкхъан (урахинский диалект) — семиродный брат, чутхъапяхъ (урахинский диалект) — восьмيرодный брат²³⁰.

Вся эта родственная группа у даргинцев означается термином тухум. Однако, как совершенно правильно указывал профессор С. В. Юшков, самое родство 4-й и 5-й степени на практике никакого значения не имело²³¹. Поворот об этом и наличие термина для обозначения близкого родства.

²²⁶ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

²²⁷ Там же.

²²⁸ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 120; Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Полевой материал, собранный нами в 1962—1963 гг. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375(2).

²³¹ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. I (исторический), Свердловск, 1938, стр. 66.

Близкое родство у даргинцев обозначалось термином «узи—урши», который представляет собой сочетание слов «брат» и «сын» и имеет то же смысловое значение, что и осетинское **фыды-фырты** — «отца дети», адыгейское — «братья одного дома», абхазское **абипара** — «отца сыновья», имеретинское **бабушвилоба** — «происшедшие от одного деда», грузинское **гана-креби** — «разделившиеся братья», сванское **самхуб** или **ламхуб** — «братство», лезгинское **...муқъвал миресар** — близкие родственники (дети родных и двоюродных братьев)²³². В понятие «узи—урши» входят только родственники нескольких первых колен, включая троюродных братьев. Остальные родственники обозначаются термином «Гъамти» — родственники вообще.

Под термином тухум также имеются в виду все родственники как по нисходящей, так и по восходящей линии. Но их называют и дальних родственников. Даргинский термин «нушам тухум» означает не только «наш тухум», но и «наш дальний родственник».

В состав тухума вводили индивидуальные семьи, которые имели в частной собственности земли, скот, имущество и т. д. и занимали различное экономическое и политическое положение в сельской общине, о чем мы уже указывали выше.

Каждый тухум имел свое название, которое в основном было связано с именем какого-либо видного предка. Так, тухумы Хусейнтала, Абукайхъали, Нурилатала из Цудахарского общества, Мирзалагъирхъали, Хъябсумейманхъали из Шуктинского общества, Дабайхъали, Бурагъанхъали, Базайхъали из Мугинского общества, Сурхайхъали, Чупанхъали из Усиинского общества и т. д. получили такие названия от имен определенных лиц. А им, как правило, мог быть «знаменитейший из предков, лицо, прославившее род или своею храбростью, или благочестием, или мудростью»²³³.

Так, тухум Шихгъямархъала из Мугинского общества получил такое название по имени ученого арабиста Ших-Омара, который жил более 250 лет тому назад²³⁴.

Но даргинский тухум не имел характерного для рода тотемного названия; не имел тухумного культа. Это название могло меняться с появлением более знаменитых и авторитетных лиц. «Родовых названий здесь (в Акуша-Дарго — Б. А.), — писал М. М. Ковалевский, — тухумы не имеют, а обозначаются обыкновенно по имени того лица, которое приобрело почему либо известность в народе. Его именем они величают себя до

тех пор, пока из их рода не выступит новый, еще более известный «герой»²³⁵.

Сказанное подтверждается названием самого авторитетного в Акушинском обществе кадиевского тухума, которое изменялось в зависимости от имени нового кадия. Помимо общего названия («Кадиевский») к нему прибавлялось еще и имя кадия или же другого (хотя и очень редко) знатного члена тухума — Мусакадихъали, Махгъамадкъадихъали, Зугъумкъадихъали²³⁶ и т. д.

Кроме того, название тухума могло быть связано не только с именем знаменитого предка. Как указывал М. М. Ковалевский, — «...не все роды (тухумы — Б. А.) носят генетические наименования; многие принимают те или иные прозвища, смотря по характеру их занятий, или по месту происхождения»²³⁷. Так, один из самых древних тухумов Мугинского общества первоначально назывался Мякьяхъали, что значит буквально корневые (мякь — корень). Со временем тухум стал называться Галгъялабулкъадархъали, что было связано со строительством этим тухумом крепости, которая в реставрированном виде существует и поныне. Галгъя — на даргинском языке означает дворец, крепость, а Булкъадар — собственное имя главы тухума. Поэтому и возникло такое двойное название этого тухума. В XIX в. тухум стал носить другое название — Тукенчихъали, что было связано с тем, что представители этого тухума стали заниматься торговлей, открыв первую лавку в сел. Муги²³⁸.

Тухум Сунтхъали того же Мугинского общества со временем стал называться Къадилагъалихъали. Если первое название связано с тем, что это был богатый тухум (сунт — по даргински вдох, сунтхъикъес — вдыхать, всасывать), то второе название связано с именем Гъяли²³⁹. Тухум Къуддихъали получил такое название от того, что члены его занимались кузнечным делом. (Къут — по даргински стук, къутхъикъес — стучать).

Являясь по своему происхождению категорией родового строя, тухум в исследуемый период сохранил и ряд организационных форм патриархально-родового строя.

Главной, чем была обусловлена устойчивость тухума, являлась все еще сохранившаяся в пережиточном виде коллек-

²³⁵ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 149.

²³⁶ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

²³⁷ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 149.

²³⁸ Полевой материал, собранный нами в 1963 г.

²³⁹ Там же.

²³² М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. Изд. АН СССР. М., 1963, стр. 187.

²³³ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 149.

²³⁴ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

тивная собственность на отдельные участки земли, о которой мы говорили выше и которая известна у даргинцев под названием «джамаатла ванзурби» (джамаатские земли). А сохранность и устойчивость последней, в свою очередь, объяснялась трудностями, связанными с первоначальным возделыванием земли; в связи с чем в ее окультивировании участвовал целый родственный коллектив. Только в рамках коллектива, т. е. будучи членом какого-либо тухума (в основном первосельцев), можно было получить участок из общинных земель, передуляемых через определенные сроки. Поэтому сами члены общины заинтересованы в сохранении таких порядков, они поддерживались ими, ибо нарушение их влекло за собой нарушение и в пользовании общественной землей. Этим объясняется то, что новосельцы, как правило, не имели участков из общественных земель. Они имели только частные мюльки, так как, не являясь членами местных старых тухумов, которые переделывали земли между собой, они не могли получить их. Этому препятствовали и сами общинники. Так, в Галшминском джамаате было 40—50 хозяйств, вышедших из других мест, но они, кроме мюльков не имели ничего. Требование их о наделении участками из общественной земли, которые делились между тремя кварталами, было отвергнуто джамаатом. Кроме того, устойчивость тухумных отношений определялась еще и самим опасным временем. В условиях отсутствия крепкой централизованной власти, постоянных феодальных междоусобиц, войн и т. д. отдельная личность или даже семья были беспомощны и не могли существовать самостоятельно, вне тухума и сельской общины в целом. Вне тухума и общины общинники переставали быть равноправными. За их пределами они становились неполноправными, «пришлыми», «иносельцами». Только будучи членом тухума общинник мог рассчитывать, хотя бы в какой-то мере, как на моральное, так и материальное обеспечение. Отсюда и устойчивость пережиточно сохранившегося хозяйственного единства даргинского тухума. Выражалось это единство такими понятиями, как «тухумла мер-муса» (мер — место, муса — окружение), или «мюльк-муса», т. е. земли и окружение тухума²⁴⁰.

Однако это уже не единство коллектива родового общества, когда необходимость большого производственного коллектива вызывалась крайне несовершенными орудиями труда, которые могли дать экономический эффект только при коллективном труде. В исследуемый период тухум не являлся коллективом родственников, сообща обрабатывающих свой надел. Есть общая собственность тухума на определенные пахотные

и сенокосные участки, но нет общественной собственности на орудия труда, нет коллективного труда и общего потребления, которые-то и являлись основными чертами родового строя. Тухумная земля делится между индивидуальными семьями, которые обрабатывают ее «за свой собственный счет... и урожай присваивают себе в собственность».

Остались в даргинском тухуме и следы былого общественного единства. Хотя давно характерным являлось деление аулов на кварталы — кьатли, которые отражали в основном не название тухума, а топографию (нижний аул, средний аул, верхний аул и т. д.) или что-либо другое²⁴¹ и имели свои собственные места сборов — гамаи и мечети. Но еще в ряде случаев, например, в Бутринском обществе, деление на кварталы соответствовало тухумному делению²⁴². Это единство тухума обозначалось у даргинцев терминами «тухумла хьали-муса» и «тухумла хьали-юрт», которые означают жилище и окружение тухума, и жилище и домостроение тухума²⁴³.

Пережиточной формой патриархально-общинного строя являлось и идеологическое единство тухума. Выражалось оно в обязательном и активном участии его членов в делах всех семей, входящих в их тухум — при рождении ребенка, заключении брака, на похоронах и т. д., в то время как они могли не принимать участия в делах других тухумов. Это было единство, основанное на сознании кровного родства.

Однако действие наблюдаемых единств тухума все более ослаблялось еще задолго до XVII—XVIII вв. и в исследуемое время подверглось сильному изменению. Причиной всего этого являлось дальнейшее усиление процесса имущественного расслоения и индивидуализация общества, в результате чего и возникла дифференциация внутри самого тухума — выделение богатой верхушки — владельцев больших земель и скота и обнищание сородичей, попадавших в фактическую зависимость от них.

Главной формой собственности на землю в Акушинском союзе, как отмечалось выше, являлась частная собственность — «мюльк». Следовательно, и труд из всеобщего, коллективного, что могло быть только при родовом строе, когда, по словам К. Маркса, родовая община «не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным

²⁴¹ Например, в сел. Галшима был «Гярус кьатли» (русский квартал), названный так от того, что здесь было больше жителей, чем в других кварталах. В Мекегинском обществе из 12 кварталов только 2 квартала были связаны с тухумным происхождением.

²⁴² Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

²⁴³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 124; полевой материал, собранный нами в 1963 г.

продуктом»²⁴⁴, превратился в индивидуальный. А это могло быть только тогда, когда не только «средства труда», но и «внешние условия труда» принадлежали частным лицам²⁴⁵.

Все это говорит о том, что тухум даргинцев с его «периодическими переделами» обработанной земли, следовательно, с индивидуальной обработкой земли»²⁴⁶ не являлся низовой хозяйственной ячейкой сельской общины. Индивидуализация обработки — это индивидуализация семьи с частной собственностью на землю (мюльк) и скот, которая-то и являлась основной хозяйственной ячейкой сельской общины. Малая индивидуальная семья давно превратилась в субъект производства, в самостоятельную экономическую ячейку²⁴⁷. Таков был процесс образования новых малых индивидуальных семей, куда входили муж, жена и их дети. Указывая на последствия такого процесса, происходящего в земледельческой общине, К. Маркс писал: «Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она (община — Б. А.) получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин.

Но не менее очевидно, что со временем тот же дуализм может стать зародышем разложения. Помимо всякого рода разрушительных влияний, приходящих извне, община носит в своих собственных недрах элементы своей гибели. Частная земельная собственность уже проникла в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда готовится наступление на общую землю»²⁴⁸.

Из всего этого вытекает, что тухум даргинцев в исследуемый нами период представлял пережиточную форму общественной организации патриархально-родового строя, а именно—

²⁴⁴ К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. соч., изд. 2, т. 13, стр. 20.

²⁴⁵ К. Маркс. Капитал, т. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 770—771.

²⁴⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 63.

²⁴⁷ Подтверждается это и дошедшими до нас сведениями. По сообщению жителя селения Муги, Акушинского района Закаригаева Магомед-Запира сохранилась запись в рукописи на арабском языке о том, что его прадедушка седьмого колена сначала жил в крепости. Затем он поселился на территорию современного селения. У него была своя собственная земля — «мюльк», которую он после женитьбы сына разделил с ним и, построив ему дом, отделил от себя.

²⁴⁸ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 418—419.

пережиток патриархально-семейной общины. А патриархально-семейная община, по словам Ф. Энгельса, являлась «переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или община-марка, с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов»²⁴⁹. Но домашняя община, являясь переходной ступенью, не могла быть ликвидирована сразу с разложением родовых отношений. Поэтому еще в течение длительного периода пережитки домашней общины продолжали существовать в сельской общине, приспособляясь к ней и испытывая на себе влияние процессов, происходящих внутри общины.

Такую переходную общину К. Маркс назвал земледельческой общиной, которая, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»²⁵⁰. Наличие тухума и периодических переделов все еще сохранившейся общинной земли говорит лишь о неполном торжестве в Акуша-Дарго сельской общины, о наличии в ней пережитков родовой общины. Несмотря на это, наличие тухума и общей земли не являлось главным фактором или показателем уровня общественного развития Акуша-Дарго, ибо даже при наличии общей собственности уже факт присвоения урожая единолично является, как указывал К. Маркс, одним из признаков сельской общины²⁵¹. А частная собственность на продукт не могла возникнуть при полных правах общины на землю. Поэтому даргинский джамаат, где, как отмечалось выше, основной формой собственности на землю являлась частная собственность, сосуществовавшая с пережиточно сохранившейся общинной собственностью — это не родовая, а сельская община, являвшаяся результатом длительного исторического развития и прежде всего результатом распада родовой общины.

Коренному изменению подверглась и кровная месть. Кровная месть при родовом строе, как средство самозащиты рода от внешних посягателей, являлась неограниченной обязанностью и необходимостью для рода. Убийство члена рода задевало интересы целого рода и поэтому все члены рода имели право на месть не только по отношению к самому убийце, но и по отношению к любому члену рода, к которому принадлежал

²⁴⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 63.

²⁵⁰ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 419.

²⁵¹ Там же, стр. 418.

убийца. В исследуемый же период сфера действий кровной мести намного сократилась. Теперь она распространялась только на определенное число ближайших родственников. «Претензия об удовлетворении за кровь убитого, — говорится в адатах даргинских обществ, — предъявляется ближайшими его родственниками»²⁵².

Согласно адатам верхнедаргинских обществ, записанных в XIX в., но возникших намного раньше исследуемого периода, вместе с убийцей, который до примирения родственников убитого подвергался кровомщению, кровными врагами считались не все родственники, а всего «шесть ближайших его родственников из совершеннолетних мужчин»²⁵³. Но количество их в отдельных обществах было еще меньше. По адатам Цудахарского общества ими являлись родители убийцы вместе с братьями и сестрами²⁵⁴. В Акушинском, Мекегинском и Усишинском обществах кровным врагом признавался только один убийца²⁵⁵. Следовательно, и месть в этих обществах из родовой превратилась фактически в личную.

Другой характерной особенностью действия кровной мести в исследуемое время являлось то, что адатное право допускало взамен обязательной кровной мести возможность имущественных компенсаций, что ставило в неравное положение членов общины. При таких условиях богатые и влиятельные члены джамаата могли совершать преступления, так как они имели возможность легко откупиться.

Особыми статьями выкупа с убийцы при совершении убийства («хикиб») являлись «бухъ» (алум) — плата, взыскиваемая с убийцы в пользу родственников убитого вскоре после убийства и «дият» — вознаграждение или условная плата, за которую лица, имеющие право на кровомщение, соглашались простить убийцу и примириться с ним и с его родственниками²⁵⁶. По адатам Акушинского общества за убийство взыскивался «алум наследникам убитого — два быка» и «штраф джамаату — семь быков»²⁵⁷; в Мугинском обществе — 2 лучших быка и 14 кары²⁵⁸ бязи наследникам убитого²⁵⁹; по адатам Усишинского общества — «один бык без оценки», один

бык и один баран определенной стоимости, «три сабы пшеницы, семь кары бязи» и штраф в пользу джамаата²⁶⁰.

Все это могло быть только в условиях укрепления частной собственности, индивидуализации общества и дальнейшего процесса ослабления тухума и уз родства.

Об ослаблении тухума и родственных связей свидетельствуют и происшедшие изменения в институте присяжничества и соприсяжничества, в обычаях оказания помощи несостоятельному сородичу, с которого за преступление по адату взыскивалось имущество и т. д. По общим адатам верхнедаргинских обществ к присяге допускались только ближайшие родственники обвиняемого с отцовской стороны — мужчины, достигшие 15 лет²⁶¹.

Дальние родственники допускались к присяге только в том случае, если отсутствовали ближайшие родственники. Но в этом случае присягающий должен был дать присягу на Коране, что у него нет родственников ближе тех, которые представлены к присяге²⁶².

Взыскание всегда должен был уплатить обвиняемый. И лишь тогда, когда для этого не хватало имущества супругов, взыскание делалось и с ближайших родственников. «При несостоятельности обвиняемого, — говорится в адатах Мугинского общества, — платят сперва родители, братья и сестры его»²⁶³. Когда же и этого имущества оказывалось недостаточно, взыскание делалось с родственников следующих колен, число которых в отдельных случаях могло доходить до 40 человек с отцовской и материнской стороны обвиняемого²⁶⁴.

Однако, по адатам почти всех верхнедаргинских обществ «за оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны были»²⁶⁵.

В неразрывной связи с приведенными нормами адата находится и право наследования. Согласно адатам, в исследуемое время это право распространялось не на всех родственников. Так, в Цудахарском обществе право наследования принадлежало родственникам не далее четвертой степени родства²⁶⁶.

Все это говорит о том, что в XVII—XVIII вв. в Акуша-Дарго родственная солидарность была в значительной степени ограничена юридически адатно-правовыми нормами, которые приобрели совершенно иное содержание в сравнении с периодом господства родовых отношений. Сам адат уже являлся не

²⁵² Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1973, стр. 12.

²⁵³ АДОЗО, стр. 86—87.

²⁵⁴ Адаты и обычаи даргинцев. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 5, оп. II, д. 35, л. 6.

²⁵⁵ Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 34, 47, 101.

²⁵⁶ Алум (или алым) — тюркское слово, означающее «взятое». «Дият» — арабское слово, означающее «вознаграждение».

²⁵⁷ АДОЗО, стр. 114—115.

²⁵⁸ Одна кара равна $\frac{3}{4}$ аршина.

²⁵⁹ АДОЗО, стр. 158.

²⁶⁰ Там же, стр. 223.

²⁶¹ Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 9.

²⁶² Там же, стр. 9—10.

²⁶³ АДОЗО, стр. 156.

²⁶⁴ Там же, стр. 82—83.

²⁶⁵ Там же, стр. 112, 134, 221, 241.

²⁶⁶ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 249.

столько пережитком родовых отношений, сколько формой ранне-феодалного права.

Находясь в управлении общин, богачи приспособляли адатно-правовые нормы, которыми руководствовались члены общины, к условиям, создавшимся в результате изменений, происшедших в социально-экономическом положении различных групп населения, придавали решениям народного схода нужное им направление. Поэтому обычное право фактически превратилось в орудие в руках сильного и богатого против незащищенного и бедного.

*
*
*

В исследуемый период, как отмечалось выше, Акуша-Дарго состояло из пяти союзов сельских обществ. Назывались они «хлуреба» или «табун» — Ахъушала хлуреба или Ахъушала табун, Усала хлуреба или Усала табун и т. д.

Хлуреба на даргинском языке означает «войско», «ополчение». Возникло это название в период военной демократии²⁶⁷. Тогда оно являлось как самоуправляющейся политической, так и военной организацией, так как вооруженную силу составлял весь народ. В изучаемое же время хлуреба являлась названием территориальной, хозяйственной и административной единицы военно-политического союза Акуша-Дарго.

Каждая хлуреба состояла из определенного количества сельских обществ. Как можно судить по имеющимся материалам, в Акушинский союз входило 15 сельских обществ, в Уснинский — 5, Мекегинский — 3, Цудахарский — 5, Мугинский — 2²⁶⁸. Всего в составе Акуша-Дарго находилось примерно 30 сельских обществ²⁶⁹.

Каждое сельское общество составляло низовую политическую и хозяйственную ячейку «хлуреба». Обозначалась она арабским термином джамаат (общество). Каждый джамаат имел свою территорию, население, составляющее общество, свои обычаи и органы управления. Состоял джамаат из тухумов. Тухумы сами также являлись общественными коллективами, которые состояли из малых индивидуальных семей, связанных между собой родственными узами и составляющие низовую хозяйственную ячейку джамаата.

²⁶⁷ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 116.

²⁶⁸ ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 5—7. Использованы копии, извлеченные В. Г. Гаджиевым; Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 11, 250—262, 269—274.

²⁶⁹ П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 128; И. А. Гюльденштедт. Указ. соч., стр. 130.

Такая структура джамаата, а также территориальное устройство союза в целом вызвали необходимость появления и соответствующего административно-политического управления.

Высшим должностным лицом всего союза являлся акушинский кадий, звание которого, как отмечалось выше, «до русского управления... было наследственно в роде или тухуме кадиевском»²⁷⁰. Но форма наследования должности кадия, подобно уцмию или шамхалу, была завуалирована пережитками патриархально-родового строя. Преемник кадия, если он даже и являлся представителем из кадиевского рода и прямым наследником его, вступал на эту должность не механически после смерти кадия или после отказа его от этой должности, а выбирался на народном сходе, который созывался на специальной поляне под названием «Холарги Кадала Хар», расположенной в нескольких километрах от селения Акуша²⁷¹. Кроме того, как показывают источники, «народ мог вызвать или выбрать на это звание тоже из другого рода, только из Акуши же, если бы кадии из этого старого рода оказались неудобными для народа»²⁷². Но это являлось уже лишь формальностью, отголоском прежнего народовластия, когда народ выдвигал из своей среды вождей, снискавших себе доверие своей честностью, справедливостью, добропорядочностью, воинской доблестью и т. д. и когда наследники их «могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания»²⁷³. Кадием союза всегда выбирался представитель из одного тухума Верхнего аула и «такого случая, чтобы обошли в выборе род кадиевский при выборе главного кадия не было примера»²⁷⁴.

О наследственности власти акушинского кадия говорят и многочисленные документы, сведения и воспоминания русских офицеров-участников военных походов в Дагестан конца XVIII—начала XIX веков²⁷⁵, а также имеющиеся сведения о родословии акушинских кадиев.

Ряд исследователей власть акушинского кадия по происхождению сравнивают с властью табасаранского кадия. Аналогия эта впервые была высказана А. В. Комаровым. Он писал: «В Дагестане существует два вида кадиев:

²⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8.

²⁷¹ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составитель Х.-М. Хашаев. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 14.

²⁷² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8.

²⁷³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 106.

²⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8.

²⁷⁵ ЦГВИА, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 10; Вранкен. Политический обзор Дагестана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34; Адаты Даргинских обществ. Примечание. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 128.

кадии-владельцы, избираемые бессрочно, и кадии в селениях. Аравийский полководец Маслама (Абу-Муселим) для управления Северною Табасаранью назначил кадия, потомки которого наследовали это звание; из них всегда выбирался кадием преимущественно старший в роде. Вероятно, подобного же происхождения и наследственные кадии сиргинский, акушинский и цудахарский»²⁷⁶.

Права и власть акушинского кадия распространялись на весь союз. Он являлся не только духовным, но больше гражданским правителем. «С званием этих кадиев, — писал А. В. Комаров, — соединялась всегда светская власть, и многие из них, будучи вовсе неграмотными, не вмешивались в дела духовные лично, а представляли это своим письмоводителям»²⁷⁷.

Акушинский кадий являлся «первенствующим лицом» во всем союзе, пользовался «исключительным народным уважением, решал с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя притом духовною властью»²⁷⁸, в результате чего в Акуша-Дарго сложилось подобие системы церковно-государственного управления. В пределах Акуша-Дарго акушинский кадий являлся верховным правителем, судьей и военачальником. В обязанности акушинского кадия входило следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь союза. Он следил за соблюдением норм шариата, разбирал споры, возникающие между отдельными обществами, которые входили в союз, для чего «собирал поверенных от всех селений даргинских на Дуз-Майдане, Карбуки-Дирка и там с теми поверенными решал эти и все главные дела»²⁷⁹. Кроме того, акушинский кадий «имел право подвергнуть личному разбирательству те или другие споры, возникавшие не только между отдельными общинами, но и между частными лицами»²⁸⁰. К нему апеллировали по всем спорным вопросам, которые разбирали духовный и гражданский суды²⁸¹.

В функции акушинского кадия входили также сбор ополчений и начальствование над ними как при защите от нападения внешних врагов, так и во время походов на другие владения. Кадий Акушинского союза, — говорится в документе, — «назначал сотенных командиров и приказывал, по сколько человек должно с каждого двора идти на войну»²⁸². Такие

важные вопросы акушинский кадий решал вместе с представителями союзов сельских обществ»²⁸³.

Все эти функции власти акушинского кадия очень схожи с функциями власти феодальных владельцев Дагестана.

Как показывают адаты Акушинского общества, записанные в 1727 г.²⁸⁴, в исследуемый период власть акушинского кадия также, как, например, власть ицмий, «приобретает характер обязательной и равно возвышающейся» и над всеми членами союза, что и было оформлено юридически в результате подтверждения их на народном сходе.

Согласно этим адатам, жители Акушинского общества в повседневной жизни должны были руководствоваться только положениями шариата и решениями кадия и будуну²⁸⁵. Далее здесь имеется статья, согласно которой, в пятницу покойника разрешалось хоронить только после уведомления и получения на это разрешения акушинского кадия. С нарушившего этот адат, взыскивался штраф — 1 бык. Штраф (1 бык) взыскивался также с того, кто без разрешения акушинского кадия пойдет в дом покойника читать «ясин» (сура Корана), кто венчался по шариату, кто читал Коран над могилой покойника²⁸⁶.

Надо полагать, что за проведение всех указанных шариатских церемоний акушинский кадий, как главный духовный наставник, получал определенную плату, которая, видимо, составляла одну из основных доходных статей его обогащения, ибо иначе эти шариатские установки не были бы зафиксированы как нормы адата, которыми должны были руководствоваться все жители Акушинского союза.

Возвышение акушинского кадия, как духовного и светского руководителя, дошло до того, что не только верхнедаргинцы, но и жители других даргинских обществ, входивших в иные феодальные владения, недовольные решением старшин и кадиев, обращались к акушинскому кадию²⁸⁷. А по сведениям Ф. И. Гене «в делах своих приезжали к нему (акушинскому кадию — Б. А.) советоваться» и сюргинцы²⁸⁸, которые не входили в Акушинский союз сельских обществ.

Как и феодальные владельцы Дагестана, акушинский кадий обладал самостоятельностью при решении судебных вопросов. При желании он «мог изменять и адатные решения

²⁷⁶ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868, стр. 74.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414, л. 301, л. 216.

²⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. I, ед. хр. 7, л. 8.

²⁸⁰ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 163.

²⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. I, ед. хр. 7, л. 8.

²⁸² Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составитель Х. - М. Хашаев. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 14.

²⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. I, ед. хр. 7, л. 8; Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., стр. 14; М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 162—163.

²⁸⁴ Адаты Акушинского общества. 1727 г. Копия передана нам сотрудником Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР Нурмагомедовым М.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. I, ед. хр. 7, л. 1.

²⁸⁸ История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., стр. 346.

картов, («шила халати»—Б. А.) по своему усмотрению, назначать большие штрафы и пр.»²⁸⁹. Для исполнения решений акушинского кадия в его распоряжении находился специальный штат людей. «Для того, чтобы кадий мог управлять» союзом «и заставлять граждан исполнять законы, — говорится в документе, —...в его распоряжении было сорок человек «тургаков» с их командиром»²⁹⁰. Избирались они из всех союзов сельских обществ, входивших в состав Акуша-Дарго.

Исполнение требований общесоюзных исполнителей являлось обязательным для жителей Акуша-Дарго. В случае оказания сопротивления им «виновный нес наказание и, кроме того, с него брали штраф»²⁹¹.

Для обсуждения наиболее важных вопросов, касающихся Акушинского союза в целом и принятия по ним решений, акушинский кадий созывал сход представителей всех пяти союзов сельских обществ. Он же являлся его председателем. Местом созыва схода являлась поляна, расположенная в нескольких километрах к востоку от современного селения Бургимах-Махи Акушинского района, которая называлась у даргинцев «Хъярбуки диркья» или «Цахнабяхъла диркья» (поляна сбора, равнина собраний). Посередине этой поляны находился холм со ступенчатыми сиденьями, на которых и располагались представители союзов сельских обществ Акуша-Дарго. Сход в «Хъярбуки диркья» являлся постоянно действующим органом управления, который поддерживал союзные отношения между обществами, входящими в Акуша-Дарго. Собирался сход «при настоятельных надобностях иногда 3 и 4 раза в год»²⁹². Обсуждались на нем главным образом вопросы, касающиеся всего союза, такие, как: войны и мира, заключение союзов с феодальными владениями или же с другими союзами сельских обществ Дагестана, решение пограничных и других споров между обществами и т. д. Общесоюзный сход в «Хъярбуки диркья», — говорится в одном документе, — собирався «для решения больших дел и споров между целыми обществами нескольких селений», а также «для принятия мер по обороне от неприятеля и военным делам»²⁹³. В другом документе указывается, что в этот день сам «Кади делал обществу доклад о пожертвованиях и о помощи, оказанных их гражданами» и союзу в целом²⁹⁴.

Решения, принятые на сходе в «Хъярбуки диркья», являлись обязательными для всех союзов сельских обществ Акуша-Дарго.

Кроме общесоюзного схода в Акуша-Дарго созывался еще малый сход, участие на котором было не обязательно для представителей всех союзов сельских обществ. «Когда к акушинскому кадию поступало много жалоб от других обществ, но они не представляли особенной важности, — говорится в цитируемом выше документе, — то собирались на площадке «Ханц Кала» недалеко от Усиши, куда могли не приходить жители тех обществ, к которым дела не касались»²⁹⁵.

И общесоюзный сход в «Хъярбуки диркья», и малый сход в местности «Ханц Кала» созывались, как правило, «по письменным извещениям акушинских кадиев»²⁹⁶.

В период между сходами представителей союзов сельских обществ постоянно действующим органом управления Акуша-Дарго являлся высший совет во главе с акушинским кадием, куда входили кадии и наиболее влиятельные старшины (шила халати) союзов сельских обществ. Входили в него 12—15 человек. Наиболее ранние письменные сведения об этом относятся к первой половине XVIII в. Согласно этим сведениям, во время присяги «окашинского обывателя» в верности России в крепости Святой крест участвовали и тринадцать старшин²⁹⁷.

Имеются сведения аналогичного характера о них и у Г. Ю. Клапрота, который писал, что если какой-нибудь князь Кавказа или соседней провинции захочет вести переговоры с Акуша-Дарго, то он должен был послать к каждому бутта²⁹⁸ особого посла или дать знать о своей настоятельной просьбе каждому племени (союзу сельских обществ). Этот порядок в Акуша соблюдался очень точно, а уполномоченных их племен было всегда 12; в важных случаях их посылали к князьям²⁹⁹. Надо полагать, что они же являлись и основными участниками от Акуша-Дарго во время коронации шамхала Тарковского, на которого акушинский кадий надевал папаху.

На местах—в союзах сельских обществ существовала своя администрация. Главными административно-должностными лицами союзов сельских обществ Акуша-Дарго являлись кадии. Отдельные из них, как и акушинский кадий, уже успели

²⁸⁹ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., стр. 14.

²⁹⁰ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 397, л. 1—2.

²⁹¹ Там же, стр. 2.

²⁹² Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., стр. 14.

²⁹³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8.

²⁹⁴ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 397, л. 2.

²⁹⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., стр. 15.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Микрофильмы архивных документов, извлеченных В. Г. Гаджиевым из АВПР, ф. Сношение России с Персией, 1730 г., д. 16, л. 253. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, д. 3141.

²⁹⁸ «Бутта» на даргинском языке означает «часть». Употреблялся этот термин для обозначения союзов сельских обществ — частей Акуша-Дарго.

²⁹⁹ Цитируется из кандид. дисс. М. В. Саидовой. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. М., 1947, л. 106.

превратить свою власть в наследственную. Таким наследственным кадием, как об этом говорят имеющиеся сведения, являлся цудахарский кадий³⁰⁰. В остальных «вольных» обществах Акуша-Дарго кадии являлись выборными. Выбирались они на сельском сходе, на котором присутствовали только совершеннолетние мужчины. Однако выборы кадиев в этих обществах носили формальный характер: хотя на эту должность мог быть избран любой член джамаата, обычно побеждал представитель более влиятельного и богатого тухума.

Кадии союзов сельских обществ прежде всего являлись высшими духовными должностными лицами. Но в то же время в их руках находилась и светская власть. «Каждое из даргинских обществ, — говорится в примечании к «Адатам Даргинских обществ», — управлялось в прежнее время (до русского завоевания — Б. А.) своим кадием»³⁰¹. Кадии наблюдали за порядком и спокойствием, вершили суд по шариату, возглавляли все религиозные мероприятия на территории своих союзов. В то же время они являлись помощниками и проводниками указаний акушинского кадия, от которого «все» они «состояли в зависимости»³⁰².

Низовой административно-территориальной единицей Акуша-Дарго являлось сельское общество. Все сельские общества, входившие в состав Акуша-Дарго, имели свое собственное местное управление.

Каждое сельское общество управлялось выборным старшиной³⁰³. Наиболее же крупные из них имели по несколько старшин. Д. Ф. Еропкин в начале XVIII в. писал, что у горцев Дагестана «есть в каждой деревне по несколько старшин»³⁰⁴. Назывались они у акушинцев «шила халати» (сельские старшины), у цудахарцев — «хулалте» (большие), у мугинцев «кьатитани» (квартальные) и т. д.

В компетенцию старшин входило управление всеми светскими делами общества. Они обязаны были следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь в своих обществах, а также вершить суд по всем гражданским делам, не относящимся к разбору по шариату.

³⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34; Адаты Даргинских обществ. Примечание. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 128; А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868, стр. 74; П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. Этнографическое обозрение, № 3, 1901.

³⁰¹ Адаты Даргинских обществ. Примечание. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 128.

³⁰² Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346.

³⁰³ И. Г. Гербер. Указ. соч. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июль—октябрь, 1760, стр. 10.

³⁰⁴ Д. Ф. Еропкин. Реестр горским владельцам. 1732 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 123.

Для исполнения решений старшин в распоряжении последних находились по несколько исполнителей. Например, в Акушинском обществе у каждого старшины «было по 4 человека»³⁰⁵. Но в это же время каждый старшина мог распоряжаться любым исполнителем, «приказать ему взыскать штраф и пр.»³⁰⁶.

Кроме шила халати в Акушинском обществе имелись еще и «джамаатла халати». В Акушинском обществе имелись 4 джамаатла халати. Они «были хозяева и администраторы»³⁰⁷. Джамаатла халати «лично не разбирали дел, но проверяли разобранные картами (шила халати—Б. А.) дела и если находили дела неправильно решенными, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях картов (шила холате) и сменяли недостойных по согласию народа, зарезав предводителем быка у провинившегося карта»³⁰⁸.

Шила халати, как и джамаатла халати, выбирались на сельском сходе, где участвовали только совершеннолетние мужчины. Количество их колебалось в разных обществах от 2 до 6 человек в зависимости от величины селений. Так, в обществах Акуша, Муги, Гапшима, Цудахар выбирали на сходе джамаата по 4 шила халати, в обществе Мекеги—5 человек³⁰⁹. Срок, на который избирались шила халати, в некоторых селениях был определенный, но не менее одного года, в других — они могли быть по адатам смещены во всякое время. Однако все это вовсе не означало, что здесь существовало полное народоуправление, как это утверждали представители дореволюционной историографии. Выборы сельских старшин носили формальный характер, ибо они избирались из одних и тех же фамилий, которые считались либо первосельцами, либо в силу своего социально-экономического положения возвысились над другими тухумами и успели захватить право выдвигать на административные должности только представителей из своей среды. «Акушинцы (верхнедаргинцы вообще — Б. А.), — писал П. Зубов — повинуются только своим старшинам, из числа коих некоторые имеют сие звание наследственно»³¹⁰. На это обстоятельство указывал в свое время и М. М. Ковалевский. «В тех общинах, где не было родовых начальников, — писал он, — на должность старшины попадали исключительно в силу избрания; но при этом во многих местах сохранялось правило,

³⁰⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., стр. 14.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же, стр. 13.

³⁰⁸ Там же, стр. 13; М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 161.

³⁰⁹ Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

³¹⁰ П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. III. СПб., 1835 стр. 252.

что кандидатом может быть только член двух, трёх или более выдающихся тохумов»³¹¹. Что же касается Акуша-Дарго, — писал далее М. М. Ковалевский, — «карты (шила халатк—Б. А.) избираются сроком на один год из почетнейших лиц, притом известных только фамилий»³¹².

В сел. Муги были известны более 10 тохумов, из которых только 4 наиболее влиятельных, древних и богатых тохумов—Дабайхъали, Бакъкъарихъали, ШихтІямархъали и Мякъяхъали имели право выдвигать по одному къатІІану из своих влиятельных членов³¹³.

В Цудахарском обществе из 6 основных тохумов старшин (хулалов) джамаата выдвигать имели право только 4 тохума³¹⁴. В Мекегинском обществе было 12 кварталов (къатІа), в каждом из которых находился один старшина. Однако общеджамаатских старшин выбирали только 5 къатІа³¹⁵.

Влияние в сельском обществе богатых тохумов было так велико, что если не юридически, то фактически, власть их в управлении общиной превратилась в наследственную, становясь привилегией только их представителей. Поэтому от патриархально-демократических форм избрания административно-должностных лиц осталась одна внешняя оболочка. Народное избрание выродилось в простое прокламирование, ибо, отделяясь все больше и больше от массы общинников, представители богатых тохумов постепенно узурпировали власть над ними. В результате органы управления из «орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»³¹⁶.

Это был процесс превращения административно-должностных лиц из «слуг общества»... в «господ над ними»³¹⁷ и образования «наследственной знати».

Хотя шила халати были подотчетны избравшим их джамаатам, на практике эта подотчетность превращалась в фикцию.

Во главе духовной власти в сельских обществах стояли сельские кадии, будуны, муллы. Кадии и будуны были только при главных и больших мечетях. А мулл в каждом селении было столько, сколько мечетей. Кадии сельских обществ имели

в пределах своего селения те же религиозные права, что и кадии союзов сельских обществ.

Будуны и муллы при сельских мечетях отправляли духовные обряды, призывали людей на молитву, читали в мечети Коран, следили за порядком в мечети и вероисповеданием членов джамаата, а также за хозяйством мечети. Кроме того, будуны являлись помощниками кадиев и во время отсутствия последних выполняли и их функции.

Наиболее важные вопросы в сельских обществах обсуждались на народном сходе, который назывался джамаатом.

Созывали народные собрания манпуши и исполнители по приказу старшин и кадиев. Местами сбора их являлись специально отведенные для этого места.

На сходе участвовали только совершеннолетние мужчины. Поэтому вывод, сделанный М. М. Ковалевским, исходя из анализа адатов дагестанских народов, о том, что «в Дагестане деятельное участие в вечевых собраниях отнюдь не было представлено народу»³¹⁸, в полной мере имеет отношение и к Акушинскому союзу. Обсуждались на джамаатах вопросы распределения пахотной земли, вопросы, связанные с выпасом скота и началом сельскохозяйственных работ (строительство и ремонт дорог, мостов, оград и т. д.), проводились выборы сельских административных лиц, а также представителей для разрешения спорных вопросов с соседними сельскими обществами.

По всем обсужденным вопросам в результате голосования принимались решения. Исход голосования и принятие соответствующего решения, как правило, зависело от позиции более влиятельных членов джамаата, являвшихся представителями богатых тохумов. Они оказывали давление на рядовых членов общины и добивались принятия удобных им решений.

Следовательно, джамаат фактически не являлся носителем функций народной власти. Роль и значение его все больше и больше суживались по мере усиления феодализирующихся элементов и падения политического значения рядовых общинников. Но зато параллельно с этим процессом увеличивалась роль другого органа сельского управления-совета, состоящего из высших должностных лиц общины и верхушки богатых тохумов. Это был фактически высшим органом управления общины, ибо постоянным содержанием его работы являлись наиболее важные вопросы, как сношения с другими обществами, охрана границ, вопросы внутреннего управления (распределение общественных земель, созыв народного схода и т. д.).

Общинная знать фактически узурпировала права народного собрания. Она регулировала внутреннюю жизнь общины в своих интересах.

³¹¹ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 160.

³¹² Там же, стр. 161.

³¹³ Полевой материал, собранный нами в 1963 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилдла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

³¹⁴ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 121. Полевой материал, собранный нами в 1962, 1963 гг. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилдла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375(2).

³¹⁵ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилдла АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

³¹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 165.

³¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 77.

³¹⁸ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. I, стр. 76.

Для претворения в жизнь решений сельских сходов, старшин и кадиев в каждом селении Акушинского союза имелся свой как бы низовой исполнительный орган власти. Составляло эту исполнительную власть определенное в каждом обществе количество людей, назначаемых джамаатом. В Акушах назывались они баруманам, что значит «вестовые», «исполнители»; в Муги—хъубесла, хъулгъула или хъумас гъала башанти, ургуби балтахъанти или же гъешла бегити, переводимые буквально как «охраняющие поля» или же «имеющие власть, силу»; в Мекеги назывались они ибахур, в Усиша—хъулпула—«следящие за полями»; в Цудахаре—урчѣми—«сторожи», «караулы»; в Шукты—челми—«обязанные» или «очередные»³¹⁹.

Назначались эти исполнители по очереди на один год. Количество их, как и количество старшин, зависело от величины селения. В Усишинском, Галшиминском, Цудахарском обществах было по 9 исполнителей, в Акушинском, Мекегинском обществах—по 12 человек, в Мугинском—от 7 до 12 человек³²⁰ и т. д. В обязанность их входили чисто полицейские функции. Они исполняли приказания кадия и старшин, наблюдали за порядком, за общественными и частными землями, посевами, созывали людей на сборы и т. д. Из их числа назначался чапар или бегун, который в необходимых случаях ходил в другие селения, входящие в данное «вольное» общество.

Во главе исполнительной власти сельской общины стоял мангуш или глашатай. Выбирался он с согласия кадия и шила халати³²¹ на сельском сходе в основном на один год или же бессрочно. Мангуш, помимо того, что возглавлял и направлял работу баруманов, в то же время сам объявлял народу приказания кадия и старшин, приводил в исполнение их распоряжения, созывал народ на сход, оглашал решения джамаата, объявлял очередность баруманов и т. д. В обязательном порядке мангуш участвовал вместе с несколькими баруманами при взыскании большого штрафа³²².

Для полной характеристики административно-политического управления как на местах, так и в союзе в целом необходимо остановиться и на судопроизводстве.

Выше мы отметили, что тяжбы решались по шариату и по адату. По шариату, как и у других народов Дагестана, в сель-

ских обществах Акушинского союза разбирались «дела, касающиеся религии, семейных отношений, завещаний, наследства и некоторые гражданские иски»³²³.

По адатам разбирались и решались главным образом вопросы по уголовным делам: по убийству, по ранению, по ссорам, дракам, побоям, по увозу и изнасилованию женщин, по разврату, по воровству, по грабежу, по поджогам, по порче чужого имущества, по потерям и находкам, а также по гражданским спорам, не относящимся к разбирательству по шариату.

Осуществлялось судопроизводство в Акуша-Дарго, в отличие от других союзов сельских обществ Дагестана, постоянными судьями³²⁴. Ими являлись шила халати, которые, как указывалось выше, избирались «сроком на один год из почетнейших лиц, притом известных только фамилий»³²⁵. Поэтому эта сельская верхушка не всегда считалась с нормами обычного права, а действовала по своему усмотрению.

Жители маленьких селений обращались для рассмотрения и разбора спорных вопросов к шила халати одного из соседних больших джамаатов, входящего в один и тот же союз сельских обществ. «Иногда спорящие,—указывается в «Адатах Дагестанской области и Закатальского округа»,—обращались для решения дел особой важности к картам (шила халати—Б. А.) других селений, издавна приобретшим известность своею непогрешимостью»³²⁶.

Кроме того, как и у других народов Дагестана, в Акуша-Дарго существовала и особая форма судопроизводства, известная под названием маслаат. Сущность его заключалась в том, что спорные вопросы решались не сельскими старшинами, а специальными посредниками, избранными самими тяжущимися.

По всем спорным вопросам, которые разбирались как шариатским, так и судом по адату, апеллировали к акушинскому кадию. «Дела недовольных решениями сельских кадиев, по шариату,—говорится в источнике,—окончательно разбирал и решал акушинский кадий, он же решал окончательно и по жалобам на адатные решения сельских картов»³²⁷.

Разбор дела и шариатский суд, и суд по адату производили по личному заявлению потерпевшего или истца. По доносам разбирались только такого рода действия, от которых терпит все общество. Существовал иск прямой и по подозрению. Доказательством по адату считались собственные признания

³¹⁹ А. В. Комаров. Указ. соч., стр. 78; полевой материал, собранный нами в 1962 г.; Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР ф. 1, оп. 1, д. 371.

³²⁰ Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

³²¹ ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868, стр. 78.

³²² Памятник обычного права Дагестана XVII—XIX вв., стр. 14.

³²³ АДОЗО, стр. 5.

³²⁴ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 161.

³²⁵ Там же.

³²⁶ АДОЗО, стр. 6.

³²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8.

виновного, личные показания не менее двух свидетелей, подтвержденные присягой (причем, женщины, как правило, в сельских обществах союза к присяге не допускались. или же допускались только тогда, как например, в Акушинском и Мекегинском «вольных» обществах, когда один из свидетелей являлся мужчиной; в таком случае две женщины считались за одного свидетеля)³²⁸, показания раненого или умирающего, вещественные доказательства, а также письменные документы, подтвержденные присягой подписчика.

Основными видами наказания по адатам являлись: 1) выход в канлы-изгнание виновного из селения с представлением обиженному и ближайшим его родственникам права безнаказанно убить изгоняемого или простить его на известных условиях; 2) изгнание из селения на определенный срок, но без предоставления обиженному права убить изгоняемого; 3) штраф в пользу обиженного или общества.

Самым тяжким преступлением считалось умышленное убийство. Обвиненный в убийстве считался кровным врагом родственников убитого и до примирения подвергался кровомщению³²⁹. Право кровомщения принадлежало не всем родственникам убитого. Убийца мог быть убитым везде при встрече с родственниками убитого³³⁰.

К разряду тяжких преступлений относилось также воровство из мечети, мельницы, гумна и пашни. Так, по адатам Цудахарского общества за воровство из мечети брался двойной штраф и джамаату, и исполнителям, взывавшее в десятикратном размере, а обвиняемый делался кровным врагом всего джамаата, как за убийство и удалялся из общества³³¹. По адатам Акушинского общества за воровство из мечети взывалось 17 быков джамаату, 17 быков манпушу и баруманам и 7 быков исполнителям всего союза³³². По адатам Мугинского общества за воровство из мечети, помимо штрафа, сжигали дом виновного³³³.

В целом судопроизводство соответствовало сложившимся социально-экономическим отношениям. Оно полностью находилось на стороне богатой феодализирующей знати, в интересах и под влиянием которой принимались нормы адата, являвшиеся юридическими нормами поведения, которыми должны были руководствоваться члены общины в своей повседневной жизни.

³²⁸ АДОЗО, стр. 111, 131.

³²⁹ Там же, стр. 86—87.

³³⁰ Там же, стр. 89.

³³¹ Там же, стр. 255.

³³² Там же, стр. 123.

³³³ Там же, стр. 166.

В целом приведенный материал по политическому устройству еще раз показывает, что Акуша-Дарго находилось на стадии развивающихся классовых отношений. Особенностью административно-политического устройства Акуша-Дарго являлось своеобразное переплетение теократической формы правления с пережитками народоправства. В лице наследственного кадия Акушинского союза и кадиев «вольных» обществ, которым принадлежала непосредственная политическая и духовная власть, мы имеем теократическую форму правления. Сохранившимися чертами демократического устройства, которые особенно ярко проявлялись на местах, т. е. в сельских обществах, являлись наличие народного схода, выборность административно-должностных лиц и т. д. Однако и здесь, хотя власть была более демократичной, во многом она уже была ограничена и с точки зрения реальной практики в значительной степени носила черты формальности. Причиной этого являлось давление более сильных тухумов, становившихся первенствующими и в политической жизни, в результате чего постепенно они узурпировали власть в сельском управлении.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе, имеющей общую тематическую направленность, сделана попытка охарактеризовать непрерывный процесс феодализации Дагестана с раннего средневековья почти до конца XVIII века.

В первой главе особый упор делается на освещение становления и развития феодальных производственных отношений в раннем средневековье. Анализ письменных (арабских, армянских, грузинских) источников, значительного археологического материала, а также норм обычного права народов Дагестана дал возможность авторам данной монографии выявить наличие имущественной и социальной дифференциации на территориях Дагестана еще до начала рассматриваемого в работе периода.

Прямым следствием все возрастающей имущественной и социальной дифференциации было появление на политической карте Дагестана в V—XI вв. довольно устойчивых политических образований (Дербент, ал-Лакз, Табасаран, Сарир, Гумик, Джидан, Зирихгеран и др.).

В процессе дальнейшего развития дагестанского общества сложились разные формы землевладения, земельной собственности: государственные, дийа, икта, вакуф, общинные земли.

Характеристика этих категорий феодальной земельной собственности позволяет проследить процесс феодализации дагестанского общества.

Правители первых феодальных государств Дагестана рассматривали подвластную им территорию как свою собственность, которая реализовалась путем взимания податей. «Присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность»¹, а сам факт сбора подати дагестанскими правителями необходимо предполагает наличие в Дагестане государственной собственности на землю.

Письменные источники свидетельствуют о наличии в раннесредневековом Дагестане и такой формы феодальной собственности на землю, как икта. Сущность икта заключалась в том, что центральная власть передавала определенному лицу (феодалу) право взимания поземельной подати с определенной территории за несение службы в пользу центральной власти. Характерно, что по мере развития феодальных отношений икта из условного землевладения могла превратиться в безусловное.

¹ К. Маркс. Капитал, т. 3. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II. М., 1962, стр. 184.

Довольно высок был в V—XI вв. удельный вес крупного феодального землевладения, принадлежавшего на условиях частной собственности. Эта категория зафиксирована в письменных источниках термином дийа.

После распространения ислама и усиления его позиций в Дагестане возникает еще одна форма землевладения — вакуф. Под этим термином подразумевались земли принадлежавшие религиозным учреждениям.

Наиболее распространенной формой собственности на землю являлась общинная, под чем понимались земли, неподеленные лугодья, находившиеся в пользовании всей территориальной общины.

Сложную картину представляла в средневековом Дагестане и социальная структура. Согласно письменным источникам, социальная структура раннесредневековых государств Дагестана, по крайней мере, наиболее развитых в социальном отношении — ал-Лакза, Дербента и Сарира имела черты иерархической организации общества. Вершиной социальной пирамиды дагестанского общества рассматриваемого времени выступают «цари», «малики» и «правители». Власть дагестанских правителей была относительно стабильной и устойчивой, она была наследственной. Власти некоторых правителей Дагестана присущи черты публичной власти. Так, цари Сарира обладали принудительной властью и ограничивали в значительной степени права рядовых общинников.

Следующую ступень в социальной лестнице дагестанского общества занимали тарханы, батрики и райсы. Эта социальная прослойка не была в экономическом отношении однородной массой. Она, в свою очередь, распадалась на ряд промежуточных прослоек. По мере развития феодальных отношений могущественная часть этого феодального сословия противопоставляла себя центральной власти, проводила сепаратистскую политику в своих владениях, в результате чего некоторые раннефеодальные государства Дагестана распались на ряд мелких феодальных единиц, как, например, Табасаран, где в XII в. было уже 24 рустака со своими самостоятельными правителями во главе.

Феодалы не составляли однородной массы. Среди них были не только крупные феодалы типа дербентского райса Муфарриджа, но и мелкие. Феодалы мелкопоместного типа находились в зависимых отношениях от более могущественных. Это хорошо прослеживается в социальной структуре южного Дагестана. Возможно, что эта категория феодалов получила свои земли от более могущественных. Не исключена и другая возможность формирования феодалов мелкопоместного типа. Мелкие феодалы, сохранившие свои аллодиальные земли, не могли защищать их от феодальных захватов и поэтому добро-

вольно отдавались под защиту могущественных феодалов. Зависимые феодалы должны были нести некоторые повинности в пользу могущественного феодала и принимать активное участие в военных мероприятиях своего патрона.

На противоположном социальном полюсе находились зависимые общинники, издольщики, слуги и рабы.

Крестьяне находились в личной и поземельной зависимости от феодалов. Эта зависимость выражалась в уплате крестьянами феодальной ренты. В связи с этим усиливается процесс расслоения свободных общинников, расширяется сословие неполноправных держателей земли. Не удивительно поэтому появление в социальной структуре Дагестана прослойки издольщиков, акара, музара'а, которые вынуждены были арендовать земли у феодалов. По-видимому, часть издольщиков рекрутировалась из числа освобожденных рабов, которые занимали довольно значительное место в социальной структуре дагестанского общества.

Анализ имеющихся данных свидетельствует о том, что к концу XI в. в «царствах» Дагестана феодальные производственные отношения становятся преобладающими, оттесняя на задний план общинные и рабовладельческие уклады.

Формы землевладения и социальная структура дагестанского общества в дальнейшем продолжали развиваться, изменяться и углубляться. К сожалению, ход и особенности этого процесса в XII—XV вв. ввиду их неизученности в монографии не освещаются. Анализ же материалов XI—XVIII вв. по затронутой проблеме свидетельствует о непрерывности процесса развития социально-экономических отношений и в предыдущие века.

В XVI—XVIII вв. наблюдается дальнейшее развитие и углубление феодальных производственных отношений, происходят изменения на политической карте Дагестана, меняется его внешнеполитическое положение.

Процесс развития феодальных отношений в Дагестане в XVI—XVIII вв. сопровождался появлением новых политических единиц, новых феодальных владений за счет выделения их из крупных феодальных владений. Особенно ярко это выразилось в дроблении шамхальства Казикумухского, из которого выделились и стали независимыми Эндери, Казикумух, Акуша-Дарго, Эрпели, Буйнак, Карабудахкент и др. Добились независимости от шамхалов бамматулинцы, мехтулинцы. В XVII в. в результате процесса феодального дробления исчезло Казикумухское шамхальство, которое с переносом резиденции в Тарки и выделением из него указанных выше частей стало называться шамхальством Тарковским.

Феодальные усабицы и тенденции центробежного характера имели место и в других феодальных владениях Дагестана:

в ханстве Аварском, уцмийстве Кайтагском, майсумстве Табасаранском, султанстве Цахурском, шамхальстве Тарковском. В каждом из указанных владений феодальные усабицы имели свои особенности. В Аварском ханстве усабицы не привели к выделению из него какой-либо части. То же самое имело место в Кайтаге, где только с вмешательством войск шаха Аббаса II одному из претендентов на уцмийство Амирхан-Султану в 1645 году удалось установить свою власть над Нижним Кайтагом, тем самым положив фактически начало разделению Кайтага на две политически независимые друг от друга части. В Табасаране борьба шла между светской (майсум) и духовной (кадий) властями. Кадью табасаранскому удалось добиться самостоятельного удела. В Тарковском шамхальстве сепаратистские тенденции выражались в том, что владельцы крупных населенных пунктов имели склонность принимать все решения независимо от Тарков, вступать в сношения с Россией и другими странами самостоятельно, а не через шамхалов.

Борьба за власть между отдельными представителями феодальной знати имела место в Дербенте и в Цахуре, которые также играли немалую роль в политической жизни Дагестана.

На политической карте Дагестана XVI—XVIII вв. большое место занимали и многочисленные союзы сельских обществ лезгин, аварцев и даргинцев, история не всех которых изучена в одинаковой мере. Политическое положение союзов сельских обществ не было одинаковым, они в разной степени зависели от соседних феодальных владельцев. В целом же союзы сельских обществ продолжали бороться за сохранение своей политической и территориальной независимости от феодальных правителей. В то же время союзы сельских обществ (особенно Джаро-Белокаские, Ахтыпаринский, Акуша-Дарго) играли важную роль в политической жизни Дагестана.

Приведенные в работе материалы свидетельствуют о пестроте политической карты Дагестана и в позднем средневековье.

Сложным оставалось и международное положение Дагестана в этот период. С конца XVI в. Дагестан стал объектом внимания и захватнических устремлений правителей Турции, Ирана и России, которые претендовали на свое господство над ним. Поэтому внешнеполитическое положение Дагестана во многом определялось взаимоотношениями указанных стран и отношением их правителей к Дагестану. Безусловно, важное значение имело также состояние взаимоотношений народов Дагестана между собой, а также с народами Азербайджана, Грузии, Кабарды, Чечни и т. д.

В конце XVI в., с 1590 г. Дагестан попал в сферу влияния Турции, гарнизон которой был введен в Дербент, где оставался до 1607 г., пока его не вытеснили иранцы. Против гнета

турок горцы Дагестана в 1602 г. выступили с оружием в руках, но не имели успеха.

В 1591, 1594, 1604—1605 гг. царское правительство сделало попытки вооруженным путем установить свое господство над Дагестаном, направляя сюда свои войска, но народы Дагестана дали им отпор. После этого русское правительство в течение XVII в. проводило в Дагестане политику привлечения на свою сторону его владетелей торгово-экономическими привилегиями и уступками, оказанием им покровительства перед иранскими шахами.

Особую угрозу, политической независимости Дагестана в XVII в. представляла захватническая политика иранских шахов, организовавших ряд походов своих войск в Дагестан с целью утверждения своего господства над его народами. Но горцы с оружием в руках выступили против них. Несмотря на политическую раздробленность, народы Дагестана, а также феодальные правители сумели объединиться для отражения иранской агрессии. В сохранении независимости от шахов немалую роль сыграла также дипломатическая и экономическая поддержка Русского государства народам Дагестана, которое при этом преследовало и свои политические цели.

В XVI—XVIII вв. изменению подверглись и социальные отношения. Социальное расслоение приобрело более четко выраженный характер, особенно в феодальных владениях. В целом в Дагестане в этот период были представлены основные классы феодального общества. Господствующий класс был представлен правителями феодальных владений: шамхалами, ханами аварскими и мехтулинскими, уцмьями кайтагскими, майсумами табасаранскими, султанами цахурскими и дербентскими владетелями. Сюда можно отнести высшее мусульманское духовенство союзов сельских обществ, в частности кадиев. Иммунитетными правами в своих владениях пользовались также беки, получавшие за службу хану владение. Эти права и обязанности были наследственными.

Основную массу населения Дагестана в этот период составляло узденство, которое по своему общественно-экономическому положению не было однородным. Зажиточная часть его (шамхальские, первостепенные или сала-уздени) примыкала к господствующему классу. Основная же часть узденства, будучи лично свободной, находилась в поземельной зависимости от феодального сословия. Особенностью в положении узденей было то, что они при определенных условиях могли быть как зависимыми от феодалов, так и сами выступали в роли эксплуататоров.

Эксплуатируемое сословие в Дагестане было представлено раятами, чагарами и рабами (лагъи). Раяты находились в положении крепостных крестьян, а чагары — это выходцы с гор,

осевшие на землях феодалов, к которым они попали в полную поземельную зависимость.

На самом низу феодальной иерархии находились рабы, не имевшие никаких прав на собственность, находившиеся в полной зависимости от хозяина. Следует отметить пережиточный характер института рабства для Дагестана XVI—XVIII вв. Рабы часто отпускались на свободу с правом ведения своего хозяйства.

Социальная структура союзов сельских обществ была менее дифференцирована. Но и в сельских обществах не было равноправия членов, имелась, с одной стороны, господствующая, феодализирующаяся верхушка (общинная знать, старейшины, духовенство), с другой — рядовое узденство, нередко попадавшее в зависимость от зажиточной общинной верхушки. В данной монографии способ хозяйствования, земельно-правовые отношения, социальная структура, процесс феодализации, место союзов сельских обществ в общественно-политической жизни Дагестана раскрываются на примере союза сельских обществ верхнедаргинцев, известного в исторической литературе как Акуша-Дарго.

Основой производственных отношений в Акуша-Дарго являлась частная собственность на землю. Кроме того, на его территории существовали мечетская собственность-вакуф, тухумная собственность, как пережиток собственности семейной общины, и собственность сельских общин.

Развитие классовых отношений в Акуша-Дарго происходило по линии выделения привилегированной общинно-административной знати, которая сосредоточила в своих руках большие земельные площади, скот и разнообразное богатство.

«Главным феодалом» Акуша-Дарго являлся акушинский кадий, власть которого являлась наследственной в кадиевском тухуме. Ниже на иерархической лестнице стояли кадии союзов сельских обществ, а еще ниже — кадии сельских обществ и старшины, которые в ряде обществ (Мекегинское, Мугинское и Цудахарское) являлись представителями тухумов, имевших «исключительное право на замещение должностей».

Наряду с феодализирующейся частью населения во главе с наследственными кадиями и старшинами в верхнедаргинских обществах существовали еще три основных слоя населения, различавшиеся по своему экономическому и политическому положению: уздени-собственники земельных участков и скота, являвшиеся основной частью населения Акуша-Дарго; уздени, лишившиеся средств производства и попавшие в определенную зависимость от феодализирующейся знати; рабы (лагъи), находившиеся в бесправном положении, в зависимости от хозяев.

Формой эксплуатации свободных общинников являлось присвоение землевладельцем и собственником скота результатов неоплаченного труда общинника, вынужденного либо арендовать землю, либо наниматься чабаном; пережиток родовой взаимопомощи — «билхъа»; повинности в пользу мечети и ее служителей (обязанность обрабатывать вакуфные земли, строить к ним дороги, мечетская десятина или закят и т. д.); всевозможные штрафы за «нарушение» установленных норм адата, которые шли главным образом в пользу административно-должностных лиц.

Развитие феодальных отношений в Акуша-Дарго происходило в условиях влияния и непосредственной связи с окружающими феодальными владениями Дагестана. Акуша-Дарго находилось в определенной поземельной зависимости от шамхала и уцмий, которым не только платило натуральную ренту, но и поставляло им, хотя и за плату, в необходимых случаях вооруженных людей.

В жизни верхнедаргинских обществ все еще большую роль играли пережитки патриархально-родового строя. Джамаат, представлявший из себя сельскую общину, характеризовался господством обычаев, сохранившимися в пережиточном виде местными пределами пахотной и сенокосной земель и совместным (общинным) использованием пастбищами и лесами.

Тухум, хотя и потерял свое прежнее экономическое (поземельное) значение, все еще представлял из себя пережиточно сохранившуюся форму патриархально-семейной общины с определенным идеологическим, общественным и хозяйственным единством.

Вместе с тем приводимый в работе конкретный материал показывает, что родовые формы и отношения сохранились только в виде пережитков, содержание которых не соответствовало существовавшим в исследуемый период общественным отношениям. Под внешней оболочкой форм народоправства, характерных периоду военной демократии, в исследуемый период в Акуша-Дарго функционировали развивающиеся классовые отношения со своими специфическими особенностями, выражавшимися не только в сочетании форм патриархально-родового уклада, устойчивость которых объяснялась низким уровнем производительности труда, господством натурального хозяйства, природными особенностями, своеобразием исторического развития, но и наличием особенностей, характерных для теократической формы политического управления.

Наличие пережитков патриархально-родовых отношений являлось показателем недостаточной зрелости в Акуша-Дарго феодальных отношений. В своем социальном развитии Акуша-Дарго еще не достигло такого уровня, на каком стояли феодальные владения Дагестана. Феодализирующаяся знать

в Акуша-Дарго во главе с акушинским кадием не оформилась в юридическое сословие, обладающее правом внеэкономического принуждения по отношению к остальной массе сельской общины.

Решающую роль в светской и религиозной жизни как на местах, так и в союзе в целом, играло духовенство. Во главе политической власти Акуша-Дарго стоял акушинский кадий, который являлся верховным правителем, судьей и военачальником. Он же являлся руководителем правоверных в общественном богослужении. Форма наследования власти акушинского кадия аналогична форме, которая была характерна для восточной теократии, например, для Халифата, как особой системы церковно-государственного управления. Как и в Халифате, в Акуша-Дарго не было прямой преемственности наследников.

Характерной особенностью общественно-политического устройства Акуша-Дарго являлось и относительно слабая зависимость сельских общин от центральной власти. «Вольные» общины, составлявшие союз Акуша-Дарго, были подчинены политической власти союза только в вопросах войны и мира, защиты территориальной целостности союза, т. е. в тех вопросах, которые касались Акуша-Дарго в целом. Во всех же остальных делах они сохраняли административно-политическую самостоятельность. Местные административно-должностные лица (кадии, старшины и т. д.) сосредоточили в своих руках полномочия по местному, автономному управлению, которое распространялось и на гражданское законодательство. Каждое «вольное» общество имело свои адаты, по которым оно управлялось.

Все сказанное позволяет охарактеризовать господствовавшие в Акуша-Дарго общественно-экономические отношения как патриархально-феодальные или раннефеодальные, характерной особенностью которых являлось наличие значительных пережитков патриархально-родового строя.

Приблизительно на таком же уровне социально-экономического развития находились в исследуемые века и другие союзы сельских обществ Дагестана.

Таким образом, можно отметить, что основной линией социально-экономического развития Дагестана в рассматриваемый в работе период являлось становление, развитие и дальнейшее углубление феодальных производственных отношений, хотя они не во всех его частях достигли одинакового уровня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К. Капитал, тт. 1, 3.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, тт. 23, 25, ч. II.

Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 13.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Маркс К. Письмо П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 27.

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28.

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 14 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, М., 1940.

Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса-Энгельса, т. VI. Госполитиздат, М., 1938.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 4.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф. Маркс К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21.

Энгельс Ф. Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Ленин В. И. Государство и революция. Полное собрание сочинений, т. 33.

Ленин В. И. О государстве. Полное собрание сочинений, т. 39.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Полное собрание сочинений, т. 1.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3.

Архивные источники

ЦГАДА.

Дела Андреевой деревни, ф. 101, 1658 г., д. 1.

Кумыкские дела, ф. 121, 1614 г., д. 1; 1651 г., д. 1; 1719 г., д. 1.

ЦГВИА.

Персидские дела, ф. 77, 1588—1593 гг., дд. 1, 2, 3; 1594 г., д. 3; 1614—1615 гг., дд. 1, 2; 1652—1653 гг., дд. 2, 6.

Ф. Кабинет Петра, отд. II, кн. 54.

Ф. ВУА, дд. 2062, 2804, 6164, 6234, 6244, 6246, 6306, 6344, 6403, 6478, 6494, 6514, 6528 (ч. II), 18474, 18479, 18502, 20113, 20485, 21192.

Ф. 52, оп. 194, дд. 286 (ч. I), 366 (ч. I), связка 114, 366 (ч. 4), 416. (ч. 1), 563.

Ф. 205, оп. 1, д. 139.

Ф. 414, дд. 300, 301.

Ф. 416, д. 277.

Ф. 482, дд. 101, 127, 132.

Ф. 1264, оп. 1, д. 545.

Ф. Сношения России с Персией. 1723 г., дд. 2, 6 (ч. 1), 8.

Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г., дд. 4, 6 (ч. 1).

ЦГА ДАССР.

Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14.

Ф. 21, оп. 3, ед. хр. 38.

Ф. 21, оп. 5, д. 38.

Ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7.

Ф. 126, оп. 2, д. 7-а.

Ф. 150, оп. 1, ед. хр. 18.

Материалы Рукописного фонда Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР

Адаты и обычаи даргинцев, ф. 5, оп. 1, д. 35.

Алиев Б. Г. Полевой материал по истории Дагестана, ф. 1, оп. 1, дд. 371(1—2), 375(1—2).

Али Акушинский (даргинское народное сказание), ф. 9, оп. 1, д. 26.

Али Гасанов. Древняя и новая история Дагестана, ф. 3, оп. 3, д. 18.

Бутаев Д. Б. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность..., ф. 3, оп. 3, д. 8.

Далгат Б. Героические песни, сказки и пословицы (даргинский язык), ф. 9, оп. 1, д. 117.

Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев, ф. 5, оп. 1, д. 28.

Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана, ф. 5, оп. 1, д. 22.

Даргинские сказки, собранные А. И. Алиевым, ф. 9, оп. 1, д. 118.

Даргинские пословицы, поговорки, загадки, собранные Б. Магомедовым, ф. 9, оп. 1, д. 237.

Даргинский фольклор, собранный С. Абдуллаевым, ф. 9, оп. 1, д. 115.

Дебилов П. М. К истории искусства резьбы по камню у лакцев и даргинцев, ф. 3, оп. 3, д. 86.

Дебилов П. М. К истории искусства резьбы по камню у лезгин и кумыков, ф. 3, оп. 3, д. 123.

История происхождения рода уцмиев, ф. 1, оп. 1, д. 286.

Каяев А. Материалы по истории лаков; ф. 1, оп. 1, д. 444.

Копии документов, извлеченных из фондов ЦГАДА, относящихся к истории России, Персии, Кавказа и в особенности Дагестана первой половины XVIII в., ф. 1, оп. 1, д. 59.

Маршаев Р. Г. Очерки истории лаков, т. 1, ф. 3, оп. 1, д. 73.

Маршаев Р. Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв., ф. 3, оп. 1, д. 22.

Материалы из ЦГИА Груз. ССР по истории Дагестана XIX в., ф. 1, оп. 1, д. 383.

Материалы по истории Дагестана XVII, XVIII, XIX вв., ф. 1, оп. 1, д. 44.

Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в., извлеченные из ЦГАДА Е. Н. Кушевой, ф. 3, оп. 1, д. 305.

Материалы по русско-дагестанским отношениям XVI—XVII вв., ф. 1, оп. 1, д. 355.

Микрофильмы архивных документов, извлеченных из АВПр МИД СССР В. Г. Гаджиевым, д. 3141.

Омаров А. С. Общественный быт Нагорного Дагестана по материалам обычного права (до присоединения Дагестана к России), ф. 3, оп. 3, д. 84.

Омаров А. С. Правовые памятники Дагестана (XVI—XVII вв.), ф. 3, оп. 1, д. 49.

Османов М. О. Поселения даргинцев в XIX в., ф. 3, оп. 3, д. 108.

Османов М. О. Хозяйство даргинцев в XIX—XX вв., ф. 3, оп. 3, д. 115.

Отрывки из «Путешествия» Эвлия Челеби, ф. 1, оп. 1, д. 37.

Политика шамхала в борьбе с Москвой за независимость, ф. 1, оп. 1, д. 54.

Путинцева Н. Д. Гапшминский могильник памятник раннего средневековья нагорного Дагестана, ф. 2, оп. 1, д. 34.

Рукопись с перевода рассказа Кади-Магомед-оглы, жителя селения Уснша, Даргинского округа, ф. 1, оп. 1, д. 397.

Сборник адатов Даргинского округа, ф. 1, оп. 1, д. 188.

Соболева О. В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII—начале XIX вв. Рукопись канд. дисс. М., 1955, ф. 3, оп. 1, д. 23.

Тамай А. И. Дагестан в XV—XVII веках, ф. 3, оп. 1, д. 19.

Тамай А. И. Кумыки в XV—XVII вв., ф. 3, оп. 3, д. 165.

Юшков С. В. Рукопись по истории Дагестана, ф. 1, оп. 1, д. 42.

Материалы из Научного архива Института истории АН Аз. ССР.

Альтман М. М. Московско-иранские дипломатические и торговые отношения в XVI—XVII вв., инв. № 1229.

Зевакин Е. С. Русско-иранская торговля во второй половине XVI в., инв. № 458.

Зевакин Е. С. Русская торговля в Азербайджане в XVII в., инв. № 521.

Катиб Челеби. Выдержки из «Джахан-нума». Пер. ф. Бабаева, инв. № 827.

Малькольм Д. Извлечение из «Истории Ирана». Пер. на рус. яз. Ф. Бабаева, инв. № 1031.

Ханвей Дж. Исторический очерк британской торговли на Каспийском море. Пер. на рус. яз. Л. М. Карьякова, д. 158.

Эвлия Челеби. Сияхет-наме. Пер. с турец. яз. И. А. Гусейнова. № 1204—1205.

Литература и источники

Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопрос об эволюции форм собственности у аварцев до XX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XIII. Махачкала, 1968.

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1877.

Азерли М. Реформы халифа Абд-ал-Малика ибн Мервана и Азербайджан (685—705). Автореферат канд. диссерт. Баку, 1965.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, тт. 1—12. Тифлис, 1866—1904.

Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Карачаево-черкесское книжное изд-во, 1957.

Алексидзе Л. А. Взаимоотношения Грузии с Россией в XV—XVII вв. Тбилиси, 1964.

Алиев Б. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XII (серия историческая). Махачкала, 1964.

Алиев Б. Социальные отношения в Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XVI (серия историческая). Махачкала, 1966.

Али-Заде А. А. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане. Изв. АН АзССР, 1942, № 5.

Али-Заде М. М. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956.

Ал-Истахрий. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXIX. Тифлис, 1901.

Алкадари Г.-Э. Асарй Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Пер. и комментарии А. Гасанова. Махачкала, 1929.

Ал-Мукаддаси. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.

Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, т. XX, вып. 4, 1884.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

Афанасьев М. Селение Костек. СМОМПК, вып. XVI. Тифлис, 1893.

Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

Барбаро. Путешествие в Тану. БИПР, т. 1, СПб., 1836.

Бартольд В. В. Дербент. Соч., т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. К вопросу о феодализме в Иране. «Новый Восток», № 28, 1930.

Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924.

Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. СПб., 1903.

Баширов А. С. Изучение памятников старины. Дагестанский сборник, т. 3. Махачкала, 1927.

Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Серир). Исторические записки, № 73. М., 1963.

Белазури. Книга завоевания стран. Пер. с араб. проф. П. К. Жузе. Баку, 1927.

Бель Дж. Путешествие через Россию в разные азиатские земли, ч. III. Пер. с фран. яз. СПб., 1766.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, т. I, 1578—1613 гг. М., 1889.

Бердзенишвили Н. А. Очерк истории развития феодальных отношений в Грузии в XIII—XVII вв. Тбилиси, 1938.

Бокарев Е. А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949.

Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. Изд-во «Наука». М., 1964.

Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, чч. 1—2. М., 1823.

Брюханов П. А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. Сборник трудов Пятигорского госпединститута, вып. 1. Ставрополь, 1947.

Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Канд. дисс. (Рукопись).

Бузанд Фавст. История Армении. Пер. с древнеарм. Геворгяна. Ереван, 1953.

Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., чч. 1—III. СПб., 1869.

Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. — 1796 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Вавилов Н. В. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», № 2, 1936.

Вильер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки). ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875.

Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1959.

Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к 50-летию выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.—Л., 1936.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. Изд-во «Наука». М., 1965.

Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. Изд-во АН СССР. М., 1961.

Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964.

Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, вып. 40. Тифлис, 1909.

Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1898 г. СМОМПК, вып. XXXI. Тифлис, 1902.

Гертишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. (Сатавадо-сеньории). Тбилиси, 1961.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение. Труды 2-й сессии ассоциации арабистов. М.—Л., 1941.

Генко А. Н. О названиях плуга в северо-кавказских языках. Доклад АН СССР в 1930 г.

Гене Ф. И. Сведения о Горном Дагестане. — 1835/36 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». СПб., сентябрь, 1760.

Гидатлинские адаты. Подгот. к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957.

Гидулянов П. Г. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение», № 1—III, 1901.

Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. III. СПб., 1785.

Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). Изд-во АН СССР. М., 1962.

Греков В. Д. Киевская Русь. М., 1946.

Гусейнов А. Азербайджано-русские отношения XV—XVII вв. Баку, 1963.

Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770—1773 годах». СПб., 1809.

Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846.

Даргинские народные песни (на дарг. яз.). Под ред. Р. Нурова.

Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887.

Даргинские пословицы, поговорки и загадки (на дарг. яз.). Составитель М. Х. Гамидов. Махачкала, 1965.

Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табары. Пер. П. Тяжелова. ЖМНП, XIII, № 7, 8, 1844.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, СПб., 1871.

Евеецкий О. С. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.

Егише. История Егише Вардапета. Пер. с армян. П. Шаншьева. Тифлис, 1853.

Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании в IV—VII вв. Очерки истории СССР VII—IX вв. М., 1958.

Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова с приложениями, ч. II (1816—1827 гг.). М., 1869.

Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о восточной Европе. Гарагу и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.

Зевакин Е. С. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. КСИЭ, вып. I. М., 1946.

Зевакин Е. С. Конфликт России с Персией в середине XVII в. — Азербайджан в XVIII в. Баку, 1929.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом и этнографическом отношении, ч. I—III. СПб., 1834—1835.

Ибн аль-Асир. Тарих ал-Камил. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1940.

Ибн ал-Факих. Китаб ал-Булдан. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXI, Тифлис, 1902.

Ибн-Русте. Известия о Хазарах, Бургасах, Болгарах Абу али Ахмедз Бен-Омар Ибн Дафта. Пер. и комм. Д. Хвольсона. СПб., 1869.

Ибн-Русте. Китаб ал-алак ан-нафиса. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXII. Тифлис, 1903.

Ибн-Хаукаль. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXVIII. Тифлис, 1909.

Ибн-Хордадбех. Китаб ал-Масалик вал Мамалик. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXII. Тифлис, 1903.

Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией. «Исторический журнал», № 2. М., 1940.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.

Иерусалимская А. К. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье. Сообщения Эрмитажа, т. 23, 1963.

Иерусалимская А. К. О северокавказском шелковом пути в раннем средневековье. СА, № 2, 1967.

Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. XXII. Тифлис, 1897.

Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968.

Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте). МАД, т. I. Махачкала, 1959.

Исаков М. И. Исчезнувший город в Дагестане. Исторический журнал, № 6, 1941.

История Грузии. Под редак. Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1960.

История Дагестана, т. I. Изд-во «Наука». М., 1967.

Йакуби. История. Текст и перевод с арабск. Пер. проф. П. К. Жузе. Баку, 1927.

Йакут. Муджам ал-булдан. Пер. с арабск. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXIX. Тифлис, 1901.

Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы, тт. 1—2. М., 1957.

Каганкатвацц М. История Агван. Пер. с древнеарм. К. Патканова. СПб., 1861.

Казикумухские и кюринские ханы. ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869.

Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию (1602—1603). М., 1896.

Канивец В. И. Археологические исследования в Дагестане. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. I. Махачкала, 1956.

Кипиани М. З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1889.

Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

Ковалевский М. К. и Бламберг И. Ф. Описание Дагестана.—1831 г.— История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Ковалевский М. М. Дагестанская «Народная правда». Этнографическое обозрение, № 1. М., 1890.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. I—II. М., 1890.

Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана. «Юридический вестник», т. 29, кн. 3, 1888.

Козубский Е. И. Дагестанский сборник, вып. 1—2. Темир-Хан-Шура, 1902, 1904.

Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895.

Комаров А. В. Адагы и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868.

Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой). Записки КОРГО, вып. VIII. Тифлис, 1873.

Комаров А. В. Список населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе. Известия КОРГО. Тифлис, 1869.

Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа. «Советская этнография», № 2, 1946.

Косвен М. О. Патронимия и проблема структуры рода. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.

Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов в ранней русской этнографии. Труды Института этнографии АН СССР, т. XIV. М.—Л., 1951.

Косвен М. О. Родовой строй. «Советская этнография», № 2, 1946.

Косвен М. О. Семейная община. Известия АН СССР, т. III, № 4. М., 1946.

Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследование и материалы. М., 1961.

Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II. Махачкала, 1961.

Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. IX. Махачкала, 1961.

Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана. «Советская археология», № 3, 1965.

Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II. Махачкала, 1961.

Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. (Итоги и проблемы). Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. VIII. Махачкала, 1960.

Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классическая Албания). Сб. «С. Ф. Ольденбургу». Л., 1934.

Куббель Л. Е. О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов (661—750). ПС., вып. 4 (67), М.—Л., 1959.

Кудам. Китаб ал-харадж. Пер. с арабск. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXII. Тифлис, 1903.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963.

Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения XVI—XVII вв. (на правах рукописи). Махачкала, 1954.

Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения в XVI—XVII вв. (Обзор материалов русских архивов). «Исторический журнал», № 1, 1943.

Кушнер П. (Кнышев). Очерки развития общественных форм. Изд. 7-е. М., 1927.

Кушнер П. (Кнышев). Первобытное и родовое общество. М., 1925.

Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-западном Кавказе с

древнейших времен до середины XVIII в. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I. М., 1952.

Лавров Л. И. Тарки до XVIII в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. IV. Махачкала, 1958.

Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 1. Надписи X—XVII вв. М., 1966.

Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа, вып. I—II. Одесса, 1882—1883.

Лерх И. Выписки из «Путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. «Новые ежемесячные сочинения», XLIII—XLV. СПб., 1790.

Лерх И. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 год. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XII. СПб., август 1791.

Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873.

Лыцов В. П. Персидский поход Петра I. М., 1951.

Луконин В. Г. Иран в эпоху первых сасанидов. Л., 1961.

Магомедов Р. М. Адамы дагестанских горцев как исторический источник. (Доклад на XXI конгрессе востоковедов). М., 1960.

Магомедов Р. М. Далекое прошлое Дагестана. Махачкала, 1940.

Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961.

Магомедов Р. М. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской Базы Академии наук Союза ССР. Махачкала, 1949.

Магомедов Р. М. Легенды и факты. (Из записных книжек историка). Махачкала, 1963.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957.

Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

Маллачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XIV (серия историческая). Махачкала, 1965.

Маллачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928.

Манандян Я. А. О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1930.

Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

Марковин В. И. и Твердохлебов А. М. Акушинский могильник. КС ИИМК, вып. 60. М., 1955.

Маршаев Р. Г. Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях во второй половине XVI—начале XVII вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XI (серия историческая). Махачкала, 1963.

Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «воль-

ного» общества в XVIII—нач. XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. III. Махачкала, 1957.

Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. VI. Махачкала, 1959.

Маршаев Р. Г. Сношения Кайтага и Казикумуха с русским государством в первой половине XVII в. (На правах рукописи). Махачкала, 1954.

Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640). Тбилиси, 1937.

Месхиа Ш. А. Из истории феодального города IX—XII вв. Труды Института истории АН Груз. ССР, т. II. Тбилиси, 1956.

Месхиа Ш. А., Цинцадзе Я. З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958.

Мехтулинские ханы. ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869.

Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Уч. зап. ИВАН СССР, т. IX. М.—Л., 1954.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963.

Моисей Хоренский. История Армении. Пер. с древнеарм. Н. Эмина. М., 1893.

Морган Г. А. Древнее общество. Л., 1935.

Мухаммед-Рафи. Дагестанские летописи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871.

Надеждин П. П. Кавказский край, природа и люди. Тула, 1895.

Нахишонов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.

Никольская З. А. Этнографическое описание даргинского колхоза. (Доклад на сессии Института истории им. И. А. Джавахидовича 15—21 ноября 1949 г.). «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.

Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасированных полей Дагестана. «Советская этнография», № 4. М., 1952.

Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения во второй половине XVI века. — Сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, ч. I—IV. СПб., 1836.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Омаров А. С., Маршаев Р. Г. Об одном памятнике по истории Аварии XVII в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. V. Махачкала, 1958.

Омаров А. С., Маршаев Р. Г. «Постановления Рустем-хана» как источник по истории Кайтага XVII в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1960.

Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. Пер. с франц. яз. Я. Лангена. СПб., 1805.

Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII—начале XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1960.

Османов М. О. Даргинские пословицы и поговорки. «Пословицы и поговорки народов Дагестана». М., 1961.

Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957.

Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958.

Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955.

Очерк торговли Московского государства в XVI—XVIII столетиях. Сост. Н. Костомаров. СПб., 1862.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965.

Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. СПб., 1851.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н. И. Веселовского, тт. I—III. СПб., 1890—1898.

Патканов К. П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 4. ССХХVI, март, 1883.

Пахомов Е. А. Монеты Азербайджана, вып. 1. Баку, 1959.

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—V. Баку, 1926—1957.

Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. V. Баку, 1929.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1960.

Петрушевский И. П. Ислам в Иране. Л., 1966.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949.

Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белокапских вольных обществ накануне российского завоевания. Исторический сборник, кн. 1. Изд-во АН СССР. Л., 1934.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1945.

Пигулевская Н. В. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. Уч. зап. ИВАН, т. XVI, 1958.

Пигулевская Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Пигулевская Н. В. К вопросу об азиатском способе производства. ВДИ, № 3, 1965.

Пигулевская Н. В. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке. Вестник ЛГУ, № 4, 1948.

Пигулевская Н. В. К вопросу о податной реформе Хосроя Ануширвана. ВДИ, № 1, 1937.

Пигулевская Н. В. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране. Вестник ЛГУ, № 8, 1956.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.

Поліевков М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

Поліевков М. А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 4. Тифлис, 1937.

Поліевков М. А. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

Поринев В. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Потто В. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, вып. 1. СПб., 1887.

Постановления Кайтагского Уцмня Рустем-Хана. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868.

Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964.

Рейснер И. М. Разложение феодализма и образование государства у афганцев. Изд-во АН СССР. М., 1954.

Рейснер М. А. Идеология Востока. Очерк восточной теократии. М.—Л., 1927.

Ровинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний, сочиненное по начертанию Императорского вольного экономического общества. СПб., 1809.

Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Состав. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов. Состав. Т. Д. Лавренцова, Р. В. Овчинников и В. Н. Шумилов. М., 1958.

Рязанин А. А. Грузинский вопрос во внешней политике Московского государства в первой половине XVII в. (1613—1653). Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1955.

Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847.

Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Рукопись канд. дисс. М., 1947.

Семенов Н. Кумыки. СПб., 1895.

Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.

Сихарулидзе Э. Китаб ал-харадж Абу Йусуфа как источник по истории феодальных отношений в Халифате. Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1958.

Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КС ИИМК, XXXVIII. М.—Л., 1951.

Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КС ИИМК, XLV. М., 1952.

Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951.

Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVII вв. Нальчик, 1948.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1—2. М., 1946.

Соймонов Ф. И. О торгах за Каспийское море древних, средних и новых времен. М., 1765.

Сокольский В. Арханческие формы семейной организации у кавказских горцев. ЖМНП, ч. ССХVIII. СПб., 1881.

Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.

Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. «Революционный Восток», № 5, 1935.

Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

Татишвили В. Грузины в Москве. Исторический очерк 1653—1722 гг. Тбилиси, 1959.

Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Томара М. Ислам и земельная собственность. «Атенст», № 58, 1930.

Трещев К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.—Л., 1959.

Удальцова З. В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых. «Вопросы истории», № 2, 1965.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. В. Потто, т. 3. Тифлис, 1904.

Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков. «Вопросы истории», № 5, 1958.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. Под ред. акад. М. И. Тихомирова. М., 1956.

Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958.

Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.

Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, т. 1. Махачкала, 1956.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

Худуд ал-алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.

Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI—XVIII столетиях. СПб., 1891.

Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен..., т. 1—2. СПб., 1781.

Читая Г. Ф. Земледельческая система и пахотные орудия Грузии. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.

Чурсин Г. Ф. Культ железа у кавказских народов. Тифлис, 1927.

Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. «Известия Кавказского историко-археологического института», т. V. Тифлис, 1927.

- Шамхалы Тарковские. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868.
- Шейхов Н. Б. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане, как исторический источник. КС ИИМК, XVI. М., 1952.
- Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.
- Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. — Около 1830 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.
- Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев. «Северный вестник». СПб., 1886.
- Эсадзе С. Исторические записки об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.
- Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. 1 (исторический). Свердловск, 1938.
- Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. Исторические записки, № 1, 1937.
- Юшков С. В. К вопросу о феодальном («варварском») государстве. «Вопросы истории», № 7, 1946.
- Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Берда'а в 332 г. — 943/44 г. н. э. ВВ, т. XXIV, 1926.
- Якубовский А. Ю. Ирак на грани VIII—IX вв. Труды I Сессии арабистов. М.—Л., 1937.
- Якубовский А. Ю. Об исполных арендах в Ираке в VIII в. СВ, т. IV, 1947.
- Якубовский А. Ю. Рецензия на работу И. П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. «Вопросы истории», № 1, 1950.
- Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Л., 1932.
- Ямпольский Э. И. Древняя Албания III—I вв. до н. э. Баку, 1962.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПр МИД СССР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР, М.
- АДОЗО — «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», Тифлис.
- АКАК — «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», Тифлис.
- БИБР — Библиотека иностранных писателей о России.
- ВВ — «Византийский временник», М.
- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ВУА — Военно-ученый архив.
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- ИВАН — Институт востоковедения Академии наук, М.—Л.
- Институт ИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы, Махачкала.
- ИРГО — Императорское-Русское географическое общество.
- КОРГО — Кавказское отделение русского географического общества, Тифлис.
- КС ИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.
- КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- МАД — Материалы по археологии Дагестана, Махачкала.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- ПС — «Палестинский сборник», М.—Л.
- СА — «Советская археология», М.
- СВ — «Советское востоковедение», М.
- СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР», Л.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
- СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
- УЗ — Ученые записки.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, М.
 ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской АССР, Махачкала.
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив, М.
 ЦГИА Груз. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, Тбилиси.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Социально-экономическое развитие Дагестана в V—XI вв.	5
Глава II. Внутреннее и внешнеполитическое положение Дагестана в конце XVI—первой половине XVII вв.	71
Глава III. Общественно-политическое устройство союзов сельских обществ в XVII—XVIII вв. (на примере Акуша-Дарго)	129
Заключение	210
Список использованной литературы	218
Список сокращений	233

Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Багомед Гадаевич Алиев, Шарафудин Магомедович
Ахмедов, Магомед-Салам Курбанович Умаханов

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Редактор Е. Чернигова.
Тех. редактор В. Махулова.
Корректор Т. Гаджиева.

Сдано в набор 12/III-1970 г. Подписано в печать 8/V-1970 г.
Форм. 60×90^{1/16}. Печ. л. 14,75. Уч. изд. л. 14,97. С04410. Тир. 600. Зак. 93.
Цена в переп. № 5 1 руб. 04 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР.
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru